

Св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, и его избранные творения епископ Никанор (Каменский)

Предисловие

Предисловие

Его жизнь и нравы – правило для епископов; его догматы – законы для Православия (Похвальное слово св. Афанасию св. Григория Богослова).

Великую правду изрек о святом Афанасии Великом святой Григорий Богослов, сказав, что его жизнь и нравы могут служить правилом жизни, а верования-догматическими узаконениями. И это имело и имеет значение как для давно минувших веков, так и для нашего времени, обуреваемого и непорядочностию жизни многих и неверием большинства, и притом тем неверием, с которым так усиленно и настойчиво боролся всю свою многотрудную жизнь святой Афанасий Великий, т.е. с неверием в Господа Спасителя нашего Иисуса Христа, как Единородного Сына Божия, Единосущного Отцу.

Посему обозрение жизни великого вселенского учителя, его многочисленных трудов и творений в защиту истинной веры может быть в настоящее время вдвойне полезным, т.е. и в смысле указания в нем положительного примера веры и образца осуществления ее в неуклонно истинно христианской жизни, и в смысле указания тщетности усилий современного неверия водрузить свое знамя на несокрушимой стене православия, упирающегося на такие гранитные столпы его, каким был, например, святой Афанасий.

Жизнь и вера святого Афанасия так тесно связаны между собою, что его жизнь была всецелым выражением его веры, а вера была его жизнью, так что у него не было жизни вне веры и веры без жизни. Это был чистейший алмаз, который, с какой бы стороны ни рассматривали его, всегда и везде оказывался одинаково драгоценным, светлым и прекрасным во всех

отношениях. По слову того же Богослова Григория, "он совмещал в себе все добродетели в совокупности их»! Но и он, подобно всем святым, не сразу достиг такой высоты духа. И он был юным, был мужем и старцем. И он сначала был руководим другими, а потом управлял великим множеством других. И он страдал и торжествовал победы. С этих точек мы и обозрим его многолетнюю и разнообразную жизнь по ее многообразным соотношениям с императорами, патриархами, множеством епископов, пресвитеров и мирян всего тогда известного мира, простиравшегося от Александрии до Константинополя и от Рима до Иерусалима и Антиохии. Были времена, когда о святом Афанасии говорил весь христианский мир, и были моменты, когда, по-видимому, на него одного опиралась судьба всего православия, беспощадно гонимого и притесняемого злыми еретиками арианами. И святой Афанасий, удержав неистовый натиск бесчисленного сонма этих злодеев, вынес победоносно знамя православия целым и невредимым; а в своих творениях и живых воспоминаниях современников о его неустанной борьбе с еретиками он оставил вековые памятники несокрушимости православия никакими его врагами, исходящими из самых врат адовых, а тем более неуязвимого мелкими современными нападка на него.

Один наш богослов, начиная свой замечательный труд о святом Афанасии, писал: «Христианская Церковь, многократно подвергавшаяся гонениям и всякого рода бедствиям, о которых предсказал Божественный Основатель ее Иисус Христос (Иоан. XVI), ни от чего и ни от кого не испытала столь великой опасности, как от еретиков. Еретики, посягая и на внешнее благосостояние верующих, стремились преимущественно возмутить внутренний мир их, похитить у них истинное сокровище- чистоту веры и благочестия, извращали святыи истины богооткровенного учения и таким образом посягали прямо на то, без чего самая Церковь не была бы истинною Христовою Церковью... Из всех же ересей, возникавших в Церкви от времен Апостольских доныне, самая опасная, гибельная и сопровождавшаяся важнейшими последствиями есть ересь арианская... Ересь арианская по всей

справедливости может быть названа хитрейшим изобретением духа злобы. Эта ересь вызвала защитников веры на востоке и западе... Но между ними первое место не только по времени, но и по силе, деятельности и неутомимости занимает святой Афанасий»¹.

Жизнь святого Афанасия

Детство и юность

Детство и юность святого Афанасия протекли в столице Египта Александрии, где и родился он около 297 года по Р.Х. Родители его были бедные люди, однако занимавшие хорошее положение, и были добрые христиане, которых он, вероятно, скоро лишился, а потому и взят был в ранней юности в дом архиепископа Александрийского Александра.

Историк Руфин, посетивший Александрию при жизни святого Афанасия, так рассказывает об этом событии: «Однажды благочестивый архиепископ Александр праздновал день рождения своего замученного предшественника архиепископа Петра и ожидал некоторых из своего духовенства на (духовное) торжество. Окна его дома выходили к морю, и когда он стоял, смотря из них по направлению к гавани, то увидел на берегу толпу мальчиков. Они играли в церковные церемонии. Полагая, что дети зашли в своих играх очень далеко, архиепископ приказал некоторым из духовенства посмотреть за этими играми и затем велел привести мальчиков в свое присутствие. Мальчики сознались, что они сделали Афанасия епископом и что он крестил тех из них, которые были оглашенными, чрез погружение в море со всеми установленными формами. Находя, что вопросы задавались должным образом и ответы давались правильно, архиепископ решил признать это крещение действительным, но дополнил его миропомазанием. Он позвал родителей мальчиков, действовавших в качестве пресвитеров, и посоветовал им, чтобы они воспитывали их для священства. Афанасию он позволил закончить свое образование и затем удержал его в своем доме подобно тому, как Самуил был воспитан в скинии Господней». Этот рассказ удивителен, но его нельзя считать невозможным, так как он сообщен почтенным историком и признается многими исследователями. Впрочем, и помимо сего свидетельства известно, что Афанасий с ранних лет занимал место в доме архиепископа Александра и жил с ним «как сын с отцом». Это пребывание Афанасия в доме архиепископа в

качестве любимца его не могло не отразиться на обширности и всесторонности его образования, начатаго под руководством родителей, которые по обычаю времени познакомили его с основами как религиозного учения, так и светского. Быть может, что теперь Афанасий, как юный клирик, не мог как прежде посещать знаменитейшую Александрийскую библиотеку того времени, состоявшую из десятков тысяч рукописных книг, где языческие риторы и философы охотно предлагали свои знания и руководство всем ищущим мудрости и красноречия, но зато он теперь мог ближе стать к зависимой от архиепископа христианской Александрийской школе, в которой к этому времени накопилось свое великое книжное сокровище, обогатившееся от одного ее знаменитого учителя и руководителя Оригена 6000-ми рукописей.

Кроме сего, детство Афанасия совпало с периодом ужасного гонения на христиан при Диоклитиане, а потому на крепость и силу склада его религиозного развития имели влияние многие исповедники, потерпевшие в это время от языческого гонения, а также и св. мученики, о страдании коих столь многие могли рассказывать тогда, как очевидцы.

Афанасий изучил грамматику и риторику, был знаком с Гомером и Платоном и со всею философиєю, изучил юриспруденцию. Но главное внимание Афанасия было обращено на изучение и усвоение Священного Писания и понимание его, в пользу которого так много потрудился Ориген и другие учителя александрийские. И Афанасий так знал все книги Священного Писания, как немногие знали и одну книгу.

По сообщению историка Созомена, святой Афанасий еще в юности сделан был писцом и домашним секретарем Александрийского архиепископа. Это также благотельно влияло на развитие Афанасия и расширяло горизонт его понятий и практических церковных обобщений. Всемирная столица морской торговли и образованности того времени, Александрия с первых времен христианства была одною из великих церковных митрополий, начало которой положено было святым апостолом и евангелистом Марком. Около же этого времени авторитет Александрийского первосвященителя

простирались над сотнею епископов Египта, Ливии и Пентаполя. К этому же патриархату принадлежали пустыни Фиваидская, Синайская, Нитрийская и Арсинойская, первые великие обитатели коих, отцы и основатели монашества: Антоний Великий, Пахомий, Макарий и многие другие – очень нередко заходили в Александрию, где у них и завершал Афанасий свое подвижничество. Особенно, говорят, он был дружен с святым Антонием Великим, которому он в течение некоторого времени прислуживал и «лил воду на его руки». Не могло, конечно, не повлиять на пламенную душу юного александрийца, как 80-летний старец Антоний бодро стоял в белом овчинном плаще перед пышным и могущественным префектом Александрии и мужественно и мудро защищал от несправедливых преследований христиан, не смущаясь никаким страхом. И вот где, быть может, загорелась та Божественная искра неугасимой ничем ревности по истинной вере, которая горела в юном Афанасии и пылала до конца его жизни, распространяя повсюду теплоту любви и свет веры христианской более чем 50 лет при жизни и доныне по смерти. Как бы заблаговременно подготовляемый Промыслом Божиим к великому своему служению христианскому миру, святой Афанасий весьма рано был поставлен в диакона, а потом возведен и в архидиакона. Живя при архиепископе, святой Афанасий был во многом ему помощником, так как, кроме широкого образования, он обладал проницательным умом и, что всего важнее, всегда горел ревностью об истинной вере, ценимой им выше всего. Труды по патриархату, конечно, много занимали его, но юный аскет находил время и для самостоятельных занятий, ища в них выражения своего одушевления верою. К этому времени относится его «Слово против язычников»², в котором он показывает нелепость идолопоклонства, бывшего тогда еще в немалой силе, доказывает истину единобожия и указывает пути к истинному Богопознанию. Доводы Афанасия и самобытны, и могущественны. К этому же времени относят знаменитое произведение «О воплощении Слова», где говорится о необходимости воплощения Сына Божия для восстановления

падшего человечества и доказывається с полною основательностью, что воплотившееся Слово есть Единородный Сын Божий³. Этот заветный предмет юношески пламенной веры святого Афанасия был потом основным предметом несокрушимаго убеждения в пору его твердого мужества и славнейшим предметом упования при конце многотрудной жизни, отягченной неустанною борьбою с еретиком Арием и его приверженцами.

Арий в это время был приходским священником в Александрии неподалеку от дома архиепископа (в Баукалесе), а потому, конечно, он давно был небызвестен святому Афанасию. Но еще ближе стал знаком он Афанасию, когда о его еретическом мнении заговорила вся Александрия и когда престарелый архиепископ должен был бороться с ним не одним авторитетом епископской власти, но и силою вразумления, обличения и посрамления.

Вот при сем-то последнем и был для своего архиепископа правую руку архидиакон Афанасий.

Арий был воспитанник Антиохийской школы Лукиана, отличавшейся в понимании слова Божия буквализмом, а в Александрии больше любили смысл аллегорический, таинственный. Но это неблагоприятное образование Ария не очень обнаруживалось. Человек вообще мятежный и беспокойный, он, однако, скрывал свой нрав под маскою святости. Многие его товарищи уже давно были епископами, как например: Евсевий Никомидийский, Марий Халкидонский. И он думал быть епископом и был кандидатом на епископство вместе с Александром, по избрании котораго Арию казалось оскорбительно, что избрали не его. Отсюда-то вот и пошли его раздоры с своим архипастырем, окончившиеся нечестивым провозглашением от Ария богохульной ереси о сотворенности Сына Божия и подчиненности Его Богу.

Александр с Афанасием сначала увещевали Ария частно, при чем вся хитрая логика последнего и вкрадчивость речи совершенно стушевывались пред проницательностию ума и ясностию доводов всецело преданного истине святого Афанасия. Но Арий не вразумлялся, и архиепископ собрал

собор. Еретик и здесь утверждал смело, что Сын подчинен Отцу и что *«было такое время, когда Его не было»*, что *«Отец и Сын крайне неподобны, до бесконечности»*. Он даже называл Сына *«тварию или сотворенным бытием»*. Очевидно, это было возвращение к язычеству, так как лжеучением Ария Христос уподоблялся полубогам: Озирису, Геркулесу или теософическим силам, о коих учили Филон и другие александрийские ученые и философы. Изуверство Ария глубоко возмутило истинно верующих, но нашлись слабые, которые прельстились мнимыми доказательствами искусного в слове еретика, и собор не пришел ни к какому определению. Лукаво и нелепо смешивая вечные и божественные отношения между вечным Отцом и совечным Сыном с отношениями человеческой жизни, ариане, обращаясь к женщинам, спрашивали глупых женщин: *«Скажи, пожалуйста, имела ли ты сына, прежде чем сделалась матерью?»* Услышав о сем, святой Афанасий с негодованием восклицал: *«Они называют себя христианами и в то же время изменяют славу Божию в подобие образа тленного человека»*. В 321 году архиепископ Александр созвал другой собор против Ария. Святой Афанасий ясно доказывал, что Христос есть Бог воплощенный и что ересью Ария затрагивается преданность христианских душ Спасителю их, и Арий был осужден вместе с 2 епископами и 11 диаконами. За Ария вступился друг его Евсевий, епископ Никомидийский, пользовавшийся большим влиянием вследствие того, что двор императора Константина Великого тогда находился в Никомидии, куда отправился и Арий, сначала смутив многих своими еретическими песнями и поэмами, вышедшими под названием *«Фалия»*. Песни эти пелись рыбаками и разносчиками. Споры христиан осмеивались в театре. Через сестру императора дошел слух о сих спорах и до Константина Великого. В сентябре 323 года он разбил Ликинию, и весь Греко-Римский мир принадлежал ему. Боясь большого смущения, он не поехал сам в Александрию, но послал туда самого маститого иерарха Осию, епископа Кордубского. Но на ослепленных ариан не подействовала и мудрая простота учения старца, убеленного сединами, как не вняли они и огненным речам молодого

архидиакона. Император употребил и еще несколько мер в надежде, что «Бог не преминет обличить обман Ария, если он обманул его или скрыл что-либо». И Бог действительно не преминул обличить обман Ария на 1-м Вселенском Соборе.

Участие святого Афанасия на 1-м Вселенском Соборе

Участие святого Афанасия на 1-м Вселенском Соборе было самое деятельное. Мысль о созвании в 325 г. 1-го Вселенского Собора в г. Никее принадлежала святому равноапостольному императору Константину Великому. Он же дал и все средства к осуществлению этого величайшего дела, открывшего в истории Церкви новый период и положившего твердейшее обоснование ее порядков. И какое чудное было это собрание! Здесь был святой Пафнутий, епископ Фиваидский, который едва держался на своем месте, волоча ногу, жилы которой были подрезаны во время пребывания его в рудниках, и свидетельствуя одним своим высохшим пустым глазом о том страдании, которое он претерпел за веру во время диоклитианова гонения. Здесь был Павел, епископ Месопотамской Неокесарии, поднимавший для благословения руку, сожженную огнем. Там были Иаков Низибийский и Персианин Иоанн, именовавшийся митрополитом Индии. Там был святой Николай Мирликийский чудотворец и Евстафий Антиохийский, подвергшийся потом гонению от язычников. Здесь был святой Спиридон, епископ Кипрский, который возведен был в епископский сан из пастушеского состояния и так посрамил философа Евлогия, что после нескольких слов Спиридон спросил его, верует ли он во Христа, и Евлогий ответил: "Верую", – и тотчас же согласился принять крещение. Словом, здесь был величайший сонм святых отцов, исповедников и учителей веры со всех концов тогда известного мира, всего около 318 членов Собора, кроме множества лиц, окружавших их и бывших с императором. Сам император Константин Великий смутился, вошедши в этот священный сонм представителей всех церквей нераздельного тогда мира. Император был облачен во все блистательные принадлежности восточной царственности. Отличаясь при обыкновенных случаях прямой поступью и почти львиным блеском своих ярких очей, теперь он шел между рядами епископов с поникнутыми взорами. На его щеках выступил замеченный всеми румянец.

Он приблизился к своему месту и занял его только тогда, когда получил на это знак от епископов. Рядом с ним сел председатель Собора авраамоподобный старец Осия, епископ Кордубский (в Испании), а по другую сторону – приближенный к императору Евсевий, епископ Никомидии, в епархии которого была Никея. Оправившись, Константин произнес речь, в которой умолял всех позаботиться о мире.

Члены Собора были различны по образованию: многие из них более были сильны верою, нежели научными знаниями; но немало здесь было и высокообразованных людей, например, Евсевий Кесарийский, открывший Собор речью к императору.

Главный интерес Собора сосредоточивался на Арии и его лжеучении. Первым обвинителем его выступил патриарх Александрийский Александр, имевший везде с собою своего наперсника и неутомимого сотрудника в лице архидиакона Афанасия, который был более всех подготовлен для борьбы с еретичеством Ария и по своей пламенной ревности об истинной вере чаще других выступал против разглагольствований Ария.

Арию было около 60 лет, а святому Афанасию не более 30. Внешность Ария была отталкивающая. Лицо у него было бледное, взоры поникнутые, черты лица истощенные, волосы заплетенные, фигура высокая и тощая; говорил он вкрадчиво-очаровательно; но манеры его часто отличались взрывами такого сильного возбуждения, которое заставляло многих называть его Ариманом (богом зла). Афанасий же был человек небольшого роста, но его бодрая живость, светлые взгляды и чисто ангельское лицо были предметом почти общего восторга. Тщетно хитрый Арий и его приверженцы (особенно Евсевий Никомидийский) старались ввести в обман простодушных разными изворотами слов и мыслей. Все ухищрения их мудро и быстро были изобличаемы, все ложные основания раскрываемы Афанасием. Тонкий ум и несокрушимая логика святого Афанасия скоро сделались ужасом для его врагов. Вскоре было указано одно слово – которым верно определялось существо Сына Божия в Его отношении к Отцу. Это слово: "*омоусіос*", единосущный. Святой Афанасий доказал важность этого слова в опровержении еретичества Ария и необходимость его

введения в Символ веры, так как им показывалось в полнейшем смысле божественное и соравное со Отцом существо Сына Божия Иисуса Христа. Тщетно некоторые старались заменить слово «омоусиос» похожим словом «омиусиос», подобосущный, которое совершенно извращает православное учение. Утверждение Символа веры сопровождалось анафематствованием арианства. Книги Ария решено было подвергнуть сожжению. Сам Арий был изгнан, равно как Феона и Секунд, единственные епископы, которые не хотели оставить арианства. Никейский Символ веры был закончен прибавлением членов веры в Духа Святого, в Церковь и будущую жизнь на 2-м Вселенском Соборе в Константинополе (381 г.), подтвержден на 3-м Вселенском Соборе в Ефесе (431 г.) и запечатлен на 4 Соборе (451 г.) в Халкидоне. В прощальной речи император снова молил всех избегать распрей и любить мир. Епископы отправились домой, как и прибыли на Собор, за императорский счет. По одному сказанию, многие епископы были приглашены императором в основываемый им новый город Византию (Константинополь). Здесь престарелый епископ Митрофан, обратившись к Александру, епископу Александрийскому, сказал, указывая на Афанасия: «Ты также, брат мой, будешь иметь хорошего преемника. Вот доблестный поборник Христа! Много борьбы вынесет он в сообществе не только с моим преемником Александром, но и с моим следующим преемником Павлом». Сообщая о сем, Фаррар говорит: «Какое бы историческое значение ни имело это сказание, оно во всяком случае с достаточностью указывает на то, что Афанасий, прибывший в Никею еще в положении молодого диакона лишь с местною известностью, возвращался домой уже всемирно известным человеком».

Первые годы архиепископства святого Афанасия и его изгнания

Вскоре по возвращении с Собора Александрийский епископ занемог. Афанасия в это время в Александрии не было. Умиравший старец блуждающим взором искал того, кому он желал бы поручить свою паству. «Афанасий, Афанасий, – сказал он, – ты думаешь убежать! Нет, не убежишь!» И действительно. Афанасий не избежал священного жребия, предназначенного ему свыше. Лишь только явился он в Александрию, как народ стал неотступно просить от собравшихся епископов, чтобы они посветили в Александрию епископом Афанасия, что те и исполнили. Одним из первых дел архиепископа Афанасия было обозрение своего обширнейшего архипастырского округа, смущенного еретичеством Ария и другими волнениями. В его округе было несколько епископов, которые являлись к нему со множеством вопросов, а тысячи пустынных иноков встречали его с славословиями. И Афанасий, сам будучи постником и аскетом, с восторженным чувством смотрел на это воинство Господне, которое вело борьбу с исконным врагом спасения под опытным руководством началоположников монашеского жития святых Антония и Пахомия. Смиренный авва Пахомий был здесь же, среди встретивших своего патриарха, но боясь, чтобы он не поставил его во пресвитера, скрывался среди братии. Увидев Афанасия, он пророчески воскликнул: «Вот человек Божий, которому придется много перенести за дело истинной веры». Что и сбылось. Из пустыни Фиваидской Афанасий взял многих иноков для возведения в разные степени священства. Святой Афанасий усердно старался сделать все возможное для своего патриархата. Достопамятнейшим событием первых лет его архипастырского служения должно в особенности назвать посвящение им первого епископа в Абиссинию Фрументия, чудесно попавшего туда еще в детстве. Но главнейшим и важнейшим делом святого Афанасия была его неустанная борьба с арианами, которые, видя в нем самую сильную опору

православия, всеми возможными средствами старались его низложить и погубить. Жизнь святого Афанасия в непрестанной борьбе была, по-видимому, невыносима. Враги преследовали его с неусыпной злобою; они не давали ему покоя ни на один день. Но Афанасий, как крепкий гранит, был несокрушим духом, всегда горевшим пламенной ревностью об истине. Борьба только закаляла его, и грозные тучи, часто раздражавшиеся над его головою, только еще более возбуждали его мощный дух.

Судьбы Афанасия до того неразрывно сплетены были с историей арианских споров, что никейская и афанасиевская вера стали однозначущими, и различные невзгоды и торжества Афанасия были показателями печального или отрадного положения православия. По проискам ариан святой Афанасий два раза был в изгнании, три раза он принужден был удаляться в африканские пустыни и столько же раз радостно возвращался в свою епархию, непрестанно ратоборствуя против врагов православия.

Еретик Арий года через 3 чрез посредством сестры императора успел возвратиться из заточения. Явившись к государю, он притворился верным сыном Церкви и просил о возвращении ему общения с Церковью. Император предоставил рассудить о сем епископам, а между тем по примеру Ария стали возвращаться из ссылки и другие еретики, из которых иные овладевали епископскими кафедрами и поставляли на разные священные места своих приверженцев, низлагая оклеветываемых православных епископов. Один из приверженцев Ария потребовал, чтобы Афанасий принял Ария и его друзей в общение с собою. Но святой Афанасий отвечал, что он не может принять осужденного Вселенским Собором. Тогда Афанасия оклеветали в жестокости над одним пресвитером. Только что он успел опровергнуть эту клевету, как на него взвели ряд новых обвинений. Император Константин сам пожелал видеться с Афанасием и, повидавшись, убедился в полной невинности Афанасия и назвал его «человеком Божиим». Но клеветы врагов не истощались. Афанасия обвиняли в том, что он будто бы повелел сокрушить священные

сосуды, найденные у одного мелетианского (раскольнического) священника, сжечь священные книги и разрушить престол.

Кроме того, еще говорили, что он умертвил мелетианского епископа Арсения, отсек у него руку для волхвования и многое другое. Император повелел рассмотреть эти обвинения собору епископов, готовившихся к освящению храма, построенного Константином Великим над Гробом Господним. Там обвинители показывали руку, будто бы отсеченную у Арсения. Но обвиняемый спросил: «Знает ли кто-нибудь из вас Арсения в лицо?» Некоторые сказали: «Мы знали его, когда он был жив». Тогда Афанасий вывел закутанного покрывалом человека, отдернул мантию с его лица и сказал: «Подними твою голову». «Не это ли Арсений?»- спросил он. Епископы, которые знали Арсения, воскликнули: «Это он!» Снимая с него плащ, Афанасий велел ему протянуть сначала одну руку, а затем другую. «Вы видите, – сказал он, – у него две руки. Где же третья, которую я отрубил?» Нашлись наглецы, которые говорили, что это волхвование, но раскаявшийся противник Афанасия Арсений ясно говорил о самом себе. Явилась подкупленная женщина, свидетельствовавшая против чести подвижника благочестия. Но обвинение это немедленно было опровергнуто одним находчивым пресвитером Тимофеем. Поднявшись с своего места, он спросил ее, показывая на себя, действительно ли она обвиняет его в этом преступлении?» «Конечно», – ответила женщина, показывая таким образом всему собору, что она даже не знала Афанасия в лицо. Посрамленные клеветники еще более возбудились против Афанасия. Лучшие члены собора оставили его, а еретики объявили Афанасия низложенным и Ария ввели в Церковь. Император потребовал несправедливых судей к себе в Константинополь. Здесь враги Афанасия возводили на него новые клеветы. Между прочим они говорили, что Афанасий запретил подвоз хлеба из Александрии в Константинополь. Видя полную невинность Афанасия и свирепое ожесточение врагов его, император Константин послал святого Афанасия в столицу Галлии (Франции) Трир, а кафедру его не позволил занять никому.

Ария в Александрии все-таки не приняли. Хотя архипастыря там и не было, но любовь александрийцев к Афанасию сохранила чистоту их веры и святую ревность о ней. *«Изгнание Афанасия, – писали египетские епископы, – было нашим изгнанием»*. Дух Афанасия видимо жил здесь. И кроме того, александрийцев подкрепил святой Антоний Великий. Явившись среди многолюдного города, 80-летний пустынножитель торжественно исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим, Присносущным Словом и Мудростью Отчею, а ересь арианскую назвал предтечею антихриста. Кроме того, он просил в письме императора о возвращении Афанасия, но царь Константин, ничего так не желая, как мира, не решился исполнить его просьбу, а равно и моление клира александрийского.

Еретик же Арий сам явился в столицу империи. Друзья его решились ввести его в церковь. Но по молитве Константинопольского архиепископа Александра Господь не допустил Ария в церковь. На пути к церкви он был схвачен внезапным приступом боли в желудке и удалился за форум (царскую площадь). Прождав его долго, сопровождающие ему отправились к нему и были поражены ужасным зрелищем: у старого ересиарха лопнуло чрево, и он лежал мертвый, плавая в своей крови, представляя ужасное и поучительное зрелище. Почти все здравомыслящие увидели в этом страшный суд Божий.

Святой Афанасий в далеком своем заточении вместе с вестью об ужасной смерти Ария услышал вскоре и о другой трогательной кончине – о смерти святого и великого равноапостольного императора Константина, который умер еще нося белое одеяние, полученное им при крещении. Хотя не всеми одобряются некоторые распоряжения императора Константина относительно Афанасия, но последний несомненно убеждался в благодетельности своего изгнания и знал, сколь вообще благонамерен и благожелателен был император Константин Великий, провозгласивший свободу христиан и ставший сам святым христианином первым из числа императоров. Афанасий жил в Трире, пользуясь общей любовью и особенным попечением благочестивого епископа

Максимиана, который старался доставить в изобилии все необходимое как Афанасию, так и его сожителям, хотя все они жили, довольствуясь самым малым, чем невольно поражали окружающих их. Еще более поражали они своими рассказами о подвижничестве отшельников Фиваидской пустыни, что, конечно, тоже не оставалось без благих последствий. Книга же о святой жизни преподобного Антония, написанная Афанасием впоследствии, так воспламенила многих ревнителей благочестия, что вскоре и в Трире явились свои отшельники.

Во время двухлетнего своего пребывания в Трире святой Афанасий познакомился с детьми Константина Констансом и Константином, сделавшимися теперь императорами Запада, что также не осталось без влияния на судьбы Церкви. Возвращаясь по смерти Константина Великого в свою патриархию, Афанасий дважды виделся с Констанцием – третьим сыном Константина Великого, которому достался Египет и весь Восток, и принят был им радушно. Возвращение Афанасия принесло пастве его неописанную радость. Народ, клир и епископы благодарили Бога за дарованное им утешение после тяжелой скорби. Но это счастливое время было лишь кратким отдыхом для Афанасия от недремлющей враждебности ариан. Вскоре один из сильнейших врагов Афанасия Евсевий Никомидийский успел приобрести неограниченное влияние на вероломного Констанция, который позволил поставить в Александрию епископом Писта, изверженного Никейским Собором, причем было послано письмо папе Римскому, чтобы он признал новоназначенного епископа. Но Афанасий собрал собор и обратился с окружным посланием ко всем православным пастырям, прося их взаимно противодействовать арианам. Послание это отправлено было и в Рим, где принешие его встретились с посланными Евсевием. Между ними завязался спор. Папа Юлий охотно взялся рассмотреть дело спора. А император повелел рассмотреть это дело епископам, собравшимся в Антиохии для освящения церкви, начатой еще при Константине Великом. Здесь избрали в Александрию нового епископа Григория. На страстной неделе он с помощью войска, язычников и евреев введен был в соборный храм Александрии.

Не хотевшие принимать его подверглись заключению в темницы, некоторых били, других секли и всячески истязали. Афанасий, чтобы не подать повода к еще большему гонению, тайно оставил Александрию. Находясь в тайном убежище, он написал сильное воззвание к епископам всех церквей. Здесь он изобразил все ужасы нечестия, совершавшиеся пред его глазами, и умолял подать помощь славной церкви Александрийской, попираемой еретиками. Он писал: «Оскорбление нанесено не мне только, но и всем вам. Страждет вера, проповеданная Господом и Его Апостолами. Если виновен в чем епископ Александрийский, то его должны судить свои, православные епископы, а не еретики»... Но благочестивые пастыри бессильны были сделать что-либо для защиты Афанасия, так как еретикам покровительствовал император. Они только плакали и молили Господа, Главу Церкви, о помощи ей в трудном испытании. Святому Афанасию открыто было в видении, что жертвенник Господень будет осквернен. Но передавая о сем, он прибавлял: «Не унывайте, чада! Как Господь прогневался, так Он же паки и исцелит, и Церковь восприимет прежнюю красоту. Увидите изгнанных восстановленными: только не оскверняйте себя общением с арианами»...

В 341 году папа Юлий пригласил Афанасия на собор в Рим, и он отправился туда и жил там 3,5 года; противники же его не явились. Папа и 50 епископов оправдали Афанасия. Казалось бы, что оправдание это должно было иметь силу, так как оно произнесено было посторонними епископами, взявшимися за разбор дела по желанию врагов святого Афанасия. Но на Востоке все молчало пред грозным давлением еретической партии. Император занят был войною с персами, и святому Афанасию пришлось долго жить в Риме. Хотя он был принят здесь вообще радушно и к нему с благоговением относились такие лица, как сестра Константина Великого Евтропия, однако сердце Афанасия глубоко тревожилось печальными вестями из Александрии. Как и в Трире, Афанасий в Риме своими беседами о жизни отшельников египетских воспламенял слушателей, заставлял их отрешаться от земных привязанностей и тем

положил прочные основы для процветания в Риме монашества. Знатная римлянка Парцелла первая основала здесь иноческое общежитие, в котором собранные ею подвижницы занимались духовными подвигами и усердным изучением слова Божия. Благочестивые пресвитеры Аммоний и Исидор, бывшие здесь с Афанасием, также производили благотворное влияние на римских христиан как своими мудрыми беседами, так и аскетической жизнью. Они не ходили никуда, кроме церкви, и дома постоянно подвизались в молитве. Не осталось без влияния на римлян и учение святого Афанасия об истинной вере, тем более, что им здесь было написано его *«Изложение веры»*.

Во время пребывания Афанасия в Риме скончалась его сестра в Александрии, и его заместитель не позволил погребсти ее. Епископы, пресвитеры и вообще все приверженные к Афанасию подвергались жестоким преследованиям. Слыша об этих насилиях, святой Афанасий глубоко скорбел и тужил. Наконец, по просьбе многих епископов и по настоянию Констанса император Констанций созвал собор в Сардику из 170 епископов восточных и западных. После трехлетнего пребывания в Риме святой Афанасий отправился чрез Милан в Сардику. Здесь арианствующие действовали скопом; они даже и жили вместе. Но видя, что их злодейство не может иметь успеха, они оставили собор. Прочие епископы в числе 101 рассмотрели дело Афанасия, оправдали святого Афанасия, а его противников обличили и объявили низложенными за их еретическое учение и подвергли их анафеме. Решения этого собора были объявлены всем церквам и подписаны епископами Галлии, Африки, Египта, Италии, Кипра и Палестины. Император Констанс сам решился явиться в Александрию, чтобы возвести Афанасия на кафедру и разогнать врагов его. Арианствующие же епископы, собравшиеся в Филиппополе, объявили осужденными не только Афанасия, но и всех, кто был за него, начиная с Римского епископа Юлия, Кордубского Осии и проч. Противящиеся им предавались по повелению императора Констанция смерти. В Александрию послано было повеление лишить жизни Афанасия и его приверженцев.

Вскоре однако Констанций увидел всю низость ариан и, боясь угрозы брата, послал к святому Афанасию приглашение возвратиться в Александрию. Долго Афанасий опасался воспользоваться предоставленным ему правом. Удостоверившись после 2-го и 3-го приглашения в неложности его, святой Афанасий решился оставить свое убежище. Простившись с венценосным покровителем своим, он заехал (из Аквилеи) в Рим. Папа Юлий отправил с ним в Александрию послание, в котором, прославляя подвиги Афанасия и верность ему паствы, высказывал радость по случаю торжественного возвращения его в Александрию.

Возвращение Афанасия в Александрию было величайшим торжеством не для него только и его церкви, но и всей вселенской Церкви, ибо Церкви еще нужны были его мужество и неустрашимость в борьбе с несметными врагами православия, еще нужно было его громоносное слово против проповедников лжи.

Теперь Афанасия прекрасно знал Восток и Запад как непоколебимаго защитника православия. Но это-то и сделало жизнь его неизобразимо тревожною, несмотря на видимый мир, наступивший на короткое время. Теперь многие враги его стали писать ему, что они имеют с ним мир и общение. Император Констанций уверял его с клятвою, что он теперь не будет внимать никаким клеветам на него. Он писал к епископам египетским и духовенству александрийскому, что Афанасий возвращается по повелению Божию и по определению верховной власти.

Наконец, в 346-м году всеми ожидаемый архипастырь явился среди своей паствы. Церковь Александрийская обновилась духом; повсюду проявлялась особенная ревность по вере. Явилось множество лиц, желавших посвятить себя иночеству. Клеветники умолкли. Враги старались казаться друзьями. Глубокое чувство благодарности к Богу святой Афанасий выразил в своем Пасхальном послании на 347 год. К этому же времени относится замечательное послание его к Драконтию, хотевшему удалиться от посвящения в епископа.

В 350-м году покровитель Афанасия император Констанс был убит Магненцием. Ариане опять возобновили свои гнусные клеветы. Святой Афанасий издал апологию, в которой словами судей и свидетелей защищал свою невинность. Констанций трижды уверял Афанасия в его неприкосновенности, но сам внимал клеветникам, говорившим, что Афанасий был в сношениях с убийцей любимого им императора. Для объяснения своего дела Афанасий отправил к императору 5 епископов и 3 пресвитеров александрийских, но Констанций потребовал его самого. В Арле составился собор для низложения Афанасия. Защищавшие его ссылались в заточение, как, например, Павлин, епископ Трирский. Папские легаты уступили, но папа просил о новом соборе. Назначен был собор в Милане. Собором овладели ариане. Евсевий Верчельский предложил подписать Никейский Символ веры; Дионисий Миланский взял для этого бумагу, но властный арианин Валент выхватил у него перо. Началось смятение, и собор не состоялся. Заседания открылись во дворце, где тайно присутствовал сам император, находясь за занавескою. Защитники Афанасия безбоязненно говорили за Афанасия; тогда Констанций, не вытерпев, вышел из своей засады и сказал: «Я сам обвинитель Афанасия, для меня поверьте им». «Противно правилам Церкви осуждать отсутствующего и входить в общение с еретиками», – возражали твердые защитники невинного страдальца. «Моя воля – вот для вас правило», – ответил Констанций. И, обнажив меч, сказал: «Или повинуйтесь моему требованию, или я вас сошлю в ссылку». И действительно многие епископы были отправлены в ссылку. Тем же угрожал император и папе Ливерию. «Подпиши (осуждение Афанасия) и возвратись в Рим», – говорил ему Констанций. Ливерий же отвечал: «Я уже простился с братьями в Риме. Посылай, куда хочешь». И он подвергся общей участи защитников Афанасия, хотя и не выдержал исповедничества до конца. То же было и с Осиею, столетним архиепископом Испании, который, однако, на смертном одре произнес анафему на арианскую ересь. Тогда, можно сказать, Афанасий был единственно видным представителем и защитником

православия. Но он не возгордился этим своим положением и очень участливо отнесся к не выдержавшим страшного искушения. Он писал по этому случаю: «Преступление лежит не на том, кто утрашен, а на тех, кто медленной мучкой вынудил к преступному соглашению». Теперь ариане напрягли все свои силы против Афанасия, как единственного крепкого защитника православия. В Александрию послан был для низложения Афанасия один чиновник, но он не мог исполнить возложенного на него поручения, так как народ всецело предан был Афанасию. Потом начальник войска обложил храм, в котором Афанасий служил всенощную. Солдаты вломились в двери, пустили несколько стрел, обнажили мечи, было несколько человек убито. Когда вышла большая часть народа, клирики увлекли и Афанасия. Потом он удалился в пустыню. Среди монахов Нитрийских гор и непроходимой Фиваиды у него было бесчисленное множество друзей. Там были Макарий Великий, Памвон, Пиор и др. Но и здесь, спасаясь от сыщиков, он иногда должен был жить со зверями. Предложена была большая сумма денег за голову Афанасия. Но Бог, видимо, хранил его как верного слугу Своего и доброго пастыря, не забывшаго назидать свою паству из отдаленных пустынь, горных пещер и заброшенных гробниц. Во время 6-летнего пребывания своего здесь святой Афанасий написал множество посланий. Здесь, например, написана была «Апология Констанцию», «Апология бегства» и многое другое.

В Александрии в это время церкви были переданы арианам, и верное православию духовенство принуждено было бежать. Новый Александрийский епископ Георгий преследовал православных с помощью 3-х тысяч воинов, которые предавали их кострам, секли и всячески истязали. 16 епископов были сосланы в заточение, 30 были изгнаны, и имущество их предано грабежу. На место их поставили ариан. Но голос истины не умолкал. Изгнанники, проходя страны и города, всюду благовествовали истину и опровергали ересь арианскую. Явились глубокомысленнейшие опровержения ереси (напр., 12 книг святителя Илария о Святой Троице). Явилось разделение среди самих ариан. Афанасий же более, чем кто-либо, старался

пользоваться своим уединением для действия на пользу Церкви оружием слова. Он нашел себе тихое пристанище среди иноков египетских, откуда и писал множество писем христианам для ободрения их, а равно и подробно излагал истинное учение о Боге-Слове. Заклячая послание свое к египетским епископам, он писал: «Доселе они (ариане) не оставляют желания пролить нашу кровь; но это нисколько меня не беспокоит, ибо знаю и уверен, что терпящим будет награда от Спасителя». И епископы египетские согласились терпеть все. Когда Афанасий узнал, что в Александрии отняты у православных их храмы, то он писал: «Они обладают зданиями... но в нас вера. Рассудим, что более: место или вера?» К императору он послал апологию, в которой выяснял свои отношения к императору Констансу и возмутителю Максенцию. В конце ее он писал: «Умоляю тебя, государь, приими сию апологию и возврати епископов и других клириков к их церквям, чтобы обнаружилось лукавство клеветников, чтобы и сам ты, государь, ныне и в день суда имел дерзновение сказать Господу и Спасителю нашему и Царю царей Иисусу Христу: не погубих от Твоих никогоже». В другой апологии Афанасий оправдывал свое бегство из Александрии. «От добрых и кротких людей никто не бежит», – писал он здесь. Поражая своих противников, он щадит немощь бывших, но оставивших его друзей, начиная с императора, которого он за приверженность к арианству очень не похваляет и называет соответствующими положению именами.

Сознавая всю величайшую важность колеблемой еретиками истины, Афанасий, не довольствуясь своими многочисленными, но краткими изложениями истинного учения, в опровержение лжеучения составил три знаменитые «Слова» о Боге-Слове, принятые Церковью с торжеством, как победоносное оружие против еретиков ариан. Через 5–6 лет выступили на то же поприще святой Василий Великий, а потом Григорий Богослов, Григорий Нисский и др. Старец Афанасий (60-летн.) был предводителем этой священной дружины. Так как ариане неправильно учили и о Святой Троице, и Духе Святом, то Афанасий писал и о сих тайнах учения. Кроме того, в описании истории современных бедствий Церкви, он представил живое

опровержение лжеучителей, чрез раскрытие их козней, насилий. Между тем, как святой Афанасий проводил долгие дни в сказанных трудах, находясь в пустыне, назначенный вместо него епископ был изгнан александрийскими гражданами, выведенными из терпения его корыстолюбием и притеснениями. Прислан был императором чиновник для наказания возмущившихся граждан. Новый военачальник сам отправился отыскивать в пустыне святого Афанасия, взяв себе на помощь несколько епископов. Думали его найти в одном из Тавеннских монастырей. Но ошиблись. Военачальник попросил молитв иноков о себе, но они отказались молиться с тем, кто имеет общение с арианами.

Конец гонению на Афанасия положен был смертью императора Констанция (361 г.).

Последние дни жизни святого Афанасия

Последние дни жизни святого Афанасия прошли большей частью в Александрии. Император Юлиан, вступив на престол, отрекся от Христа и хотел снова возвратить людей к язычеству, утонченному чрез новоплатоническую философию. С удивительным непониманием смысла своего времени и предшествующих столетий он думал, как говорит Фаррар, что мог поворотить назад тень на циферблате истории. Надеясь, что находящиеся в заточении христиане в случае их освобождения не преминут вступить в погибельную борьбу между собою, он повелел возвратить из ссылки всех православных епископов. В числе других возвратился и святой Афанасий к великой радости своей паствы. Вскоре по повелению императора стали восстанавливать языческие жертвоприношения, но Афанасий, будучи убежден, что возвратить мир к темным временам язычества невозможно, спокойно совершал свое дело, водворяя всюду мир. Он собирал рассеянных пастырей Церкви, разъяснял недоразумения и стремился основать на незыблемом соборном согласии учение веры. Собор епископов, бывший в Александрии, положил принимать в Церковь всех возвращающихся от заблуждения ересей чрез принятие Никейского Символа веры, и это снисходительное отношение к падшим было принято почти всюду. Многие поспешили присоединиться к Церкви. Влияние Афанасия на весь христианский мир встревожило Юлиана. Он без разбора вызвал всех заточенных, чтобы поссорить их, но достиг противного и потому повелел Афанасию оставить Александрию. Афанасий исполнил повеление императора. Утешая провожавших его со слезами, он говорил: «не плачьте, это небольшое облачко, оно скоро пройдет». Граждане просили оставить им Афанасия, но царь приказал изгнать его. Афанасий немедленно сел на судно, чтобы отправиться вверх по р. Нилу. Вскоре отправлена была за ним погоня. Воспользовавшись одной извилиной реки, Афанасий велел повернуть назад. Тут он встретил императорских гонцов, которые закричали: «Где Афанасий?»

«Не очень далеко», – ответил Афанасий, и затем оба судна продолжали путь. Выйдя на берег, Афанасий удалился к инокам Антиноя и Тавенны. Иноки, любя Афанасия, считали спасение его выше поста и других подвигов и охотно спасали его, доставляя его то в один, то в другой более безопасный скит. Однажды ему сопутствовали авва Паммон и Феодор Освященный и, беседуя о только что совершенном убиении епископов Сирии и Палестины, своими мудрыми речами подкрепляли страдальца Афанасия. Но он, укрепившись молитвою, сказал им: «Поверьте, мое сердце не бывает столько полно упования во дни мира, сколько во время гонения. Если я буду убит...» При слове «убит» оба старца, улыбнувшись, переглянулись. «Что вы улыбаетесь?» – спросил Афанасий. – Не думаете ли, что я боюсь смерти?» «Нет, – отвечал преподобный Феодор. – В этот самый час твой враг Юлиан убит в Персии». Потом они посоветовали Афанасию возвратиться, чтобы представиться новому императору, и Афанасий исполнил совет прозорливцев. Юлиан действительно погиб в Персии в указанный преподобным час. Императором сделался Иовиан, который принял от Афанасия в Антиохии Никейский Символ веры и отверг все клеветы ариан на него. Но только что Афанасий успел возвратиться в Александрию, как Иовиан скончался. Новый император Валентиан принял в соправители брата своего Валента, известного арианина, у которого и жена была арианка. Опять начались гонения на православных. Всем православным епископам велено было удалиться из городов. Граждане защищали Афанасия. Префект хотел схватить его тайно, но Афанасий благовременно удалился из города. Убоявшись народа, Валент повелел возвратить Афанасия, и он был возвращен, и больше его уже не тревожили. После этого почти в продолжение 6 лет Афанасий пользовался миром. В это время написано было знаменитое рассуждение «О воплощении», а также праздничное послание 367 г., в котором исчисляются книги Священного Писания. Исполнилось 40 лет истинно святительского подвига Афанасия. Все православные глубоко чтили его и всемерно старались сообразовать свою веру с его учением. Они повергали на его рассмотрение свои

недоумения, и он охотно устно и письменно разрешал их. Он обличал заблуждающихся, ободрял исповедников и всячески заботился об умиротворении Церкви. Для сего, напр., писал папе Римскому Дамасу о низложении арианина Авксентия, епископа Миланского, и Авксентий был низложен. В самые последние годы свои Афанасий боролся с Аполлинарием, который неправо мыслил о человечестве Иисуса Христа. Афанасий написал против него две книги. Он защищал святого Василия Великого от несправедливых нападений на него за мнимые неточности выражений. Диодору же, епископу Тирскому, он писал: «Не усиливайся спорить с еретиками, но побеждай молчанием их многословие, кротостию – их злобу». Святому Епифанию по поводу споров о праздновании Пасхи он дружески советовал: *«Перестань гневаться, лучше молись, чтобы в Церкви водворился прочный мир и прекратились ереси»*. И сам усердно о том молился. Кроме этого, он заботился о примирении церквей Сирии и Малой Азии с церковью Римской, а также об умиротворении церкви Антиохийской. Среди этих несметных, великих трудов Афанасия надвинулась на него и старость. Волосы его, бывшие прежде каштанового цвета, теперь уже блестели чисто снеговою белизною. Он был епископом 46 лет. Приближался и конец 47 года. Предвидя свою кончину, он посвятил на свое место старейшего пресвитера Петра и 2 мая 373 года мирно почил о Господе. Православные горькими слезами оплакали кончину его и с честью погребли его в Александрии. Знаменитейший вития того времени святой Григорий Богослов почтил его известным похвальным словом, и все истинные христиане вознесли горячие мольбы о почившем великом защитнике веры. Еретики же ариане воспользовались его смертью для изгнания православных епископов и пресвитеров, уже не имевших прежней защиты. Сам епископ Петр принужден был бежать в Рим. Однако ариане вскоре потерпели на Востоке почти полное поражение и разделились на малоизвестные секты (аномеев, омиев и омиусиан). Потом они нашли себе приют у готов (предков немцев), которые водворились на развалинах Римской империи. После падения Ост-Готского королевства не менее рьяными арианами были

лонгобарды, но Бог и здесь воздвиг достойных защитников истинной веры. На Востоке после святого Афанасия боролись с арианами святой Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, а на Западе – Викторин, святой Амвросий Медиоланский, блаженный Августин, епископ Иппонийский, и другие.

Значение личности святого Афанасия и его деятельности

Знамение личности святого Афанасия было, можно сказать, беспримерное. Характеризуя святого Афанасия Великого, святой Григорий Богослов говорил, что он представлял в себе редкое совмещение добродетелей. «Энергичный и в то же время полный такта и здравого смысла, строгий и в то же время полный сочувствия, достойный и в то же время одаренный гениальностью, привлекательный, как магнит, и в то же время твердый, как алмаз, святой Афанасий пользовался властью своей высокой должности без всякой заносчивости, показывая себя нежным для слабых, гостеприимным для странников, добрым для просящих, доступным для всех, медленным на гнев, приятным в разговоре; еще более приятным по настроению, успешным как в беседах, так и в деятельности, ревностным в делах благочестия, готовым помогать христианам всякого класса и возраста, богословом с людьми умозрительными, утешителем для огорченных, посохом для престарелых, руководителем для юных, врачом для больных»... (См. Похвальное слово). Главным свойством его ума была подвижность, его деятельности – умеренность, его характера – мужество, его религии – верность. Вера вдохновляла и озаряла всю его жизнь. По замечанию же некоего писателя, он с самой юности воспламенен был тою страстью, которая делает святыми, – именно любовью к Иисусу Христу. По слову святого Григория Богослова, «он был разнообразен в своих способах, единичен в своих целях. Его энергия возбуждала даже беспечных, и его уравновешенная мудрость сдерживала склонных к излишеству. Для заблуждения он был не только как бы мечом, но также и как бы очищающей веялкой, и его влияние не только было подобно ударам победителя, но также подобно дыханию животворящего духа». По замечанию Фаррара, «святой Афанасий Великий представляет пример столь чистого и благородного человека, какого когда-либо видела Церковь с того времени, как Апостол Павел был отведен из своей Римской

тюрьмы на мученическую смерть. Он был адамантом для поражающих, магнитом для враждующих, человеком, который, с одной стороны, был не более способен уступать, чем мраморная скала, а с другой – привлекал к себе необычайную кротостью и великодушным *терпением*. «С силой у него сочеталась кротость, и насколько царственен был его темперамент, настолько же кроток был его дух. Его биография есть лучший его панегирик».

«В течение 46 лет среди разнообразных испытаний и всевозможных превратностей Афанасий оставался *папой* Александрийским (как зовутся его преемники доныне), владельцем кафедры святого Марка, главой Александрийской церкви, и отсюда, по выражению Григория Назианзена, главою мира. Как патриарх, сильный народною любовью, он занимал (иногда) положение почти верховного государя». Своею святою личностью, своим примерным архипастырством и особенно мужественною борьбою с арианством святой Афанасий Великий приобрел безусловное благоговение не только от всей Церкви своего времени, но и от всех христиан всех времен. Будучи сам девственником, строгим подвижником и беззаветно преданным Господу борцом-скитальцем, святой Афанасий был великим другом и почитателем монахов-подвижников. Видя в них лучших лиц своего времени и глубоко ценя их преданность Церкви, он многих из них поставил в разные степени священства и многих из них возвел в епископы, так как стесненные обстоятельства церковные требовали от пастырей полной готовности на всякия лишения. Влияние же сих епископов и в особенности твердость веры их еще более располагали Афанасия избирать на высшие должности преимущественно иноков, так что в последнее время из числа изгнанных из Египта были и епископы из иноков. Примеру Афанасия в этом отношении следовали и другие представители церквей, ибо монашество всюду обращало на себя внимание народа и пастырей своею ревностью о православной вере. И потому при избрании епископа голоса большею частию стали склоняться к избранию иноков. Кроме сего, святой Афанасий, помимо личной своей жизни, представил еще живой образ в

драгоценном описании основателя монашеской жизни святого Антония Великого. Это произведение святого Афанасия усердно читалось и читается на Востоке и Западе, везде благотворно влияя на бесконечное множество лиц. Чтение его между прочим решило судьбу блаженного Августина, предавшегося потом всецело Господу Иисусу.

Богословы должны быть благодарны святому Афанасию потому, что они в его творениях имеют свидетельство о церковном истинном учении почти за 1600 лет, так как святой Афанасий учил тому, что он слышал от некоторых преемников мужей апостольских, и сам был таким свидетелем истины, который многократно страдал за истину. Наконец, и для всех христиан святой Афанасий служит образцом мужественного исповедания веры и неусыпного попечения о чистоте ее, чем так неотложно необходимо запастись многим, особенно ввиду того, что ныне многими вера истинная ниспровергается, и проповедуются учения, которые между тем ясно опровергаются творениями святого Афанасия.

По замечанию одного нашего писателя, «значение святого Афанасия для своего времени и последующих времен ничем не менее, если не более, чем значение современного ему Константина Великого. Оба они представляют собою средоточные пункты, около которых в двух различных, но близко между собою соединенных сферах совершаются все знаменательные события IV века. Оба они достойно почтены именем великих; но величию Константина вместе с его высокими духовными дарованиями и оказанною ему Божиею помощью содействовала между прочим и находившаяся в его распоряжении мирская власть; величие же Афанасия по преимуществу нравственное; проявлялось оно главным образом в страданиях за православие и многотрудной борьбе с хитросплетенными заблуждениями еретиков, нашедшими себе покровительство у сильных мира и далее при императорском дворе⁴. Это был характер, каких немного, характер сильный, в величайшем древнем стиле. «Это муж, что называется, сложенный из одного цельного слитка, человек одной идеи». Но что руководило таким твердым характером, на что направлена

была его деятельность? Задачей целой жизни Афанасия была защита догмата вечного Божества Иисуса Христа и единосущности Его с Богом Отцом... Источником святого одушевления Афанасия была единственно ревность о славе Божией... Но Афанасий обнаруживал неумолимую ревность только там, где того требовало самое дело. В отношении к маловажным обстоятельствам он оказывал снисхождение. Напр., об Оригене он говорил с уважением и благодарностью за его услуги. Уважая добродетели Аполлинария, он, говоря против его заблуждений, не называл его имени. Но с арианами он не позволял никаких сделок. Он писал к пустынным египетским: «Хотя бы братья нас оставили, хотя бы друзья и знакомые изменили нам, хотя бы никто не остался сострадать нам и утешить нас, и тогда у нас надежда Господь. Истина хотя и может быть помрачена на несколько времени, но сами гонители, наконец, должны будут узнать ее». Вместе с неуклонною твердостью он обладал даром проницательности. Вот почему он не только разоблачал все заблуждения, но даже наперед предсказывал те уклонения, которым подвергались враги его. Для защиты церковных интересов он не призывал светскую власть. В послании к монахам он писал: «Не мечом и стрелами, не с помощью воинов возвещается истина, но убеждением и советом». Приобретши редкое *знание людей*, он имел замечательный такт в обращении с ними. Употребляя строгие меры против еретиков и церковных мятежников, он среди преданной ему паствы умел поддерживать кроткий и снисходительный характер мудрого управителя. Мудрость его в управлении церковью проявлялась между прочим и в том, что он всецело владел даром избирать достойных людей на церковные должности, особенно высшие, причем он обыкновенно давал предпочтение инокам, в которых умел препобеждать сопротивление возлюбивших тишину и безмолвие иноков пред принятием на себя многотрудного и многоответственного епископского служения и удалявшихся от него возвращать⁵.

О творениях святого Афанасия Великого

Когда ты встретишь книгу Афанасия, то если у тебя нет бумаги, запиши ее хотя на твоей одежде (Козма, Pr. spir. XL).

Обстоятельства происхождения творений святого Афанасия и величие их

Почти все творения святого Афанасия Великого писались по поводу живых обстоятельств церковно-религиозной жизни его времени. Великий переворот, совершавшийся во всех сферах мировой жизни его времени чрез смену язычества христианством, особенно сильно проявлялся в центре умственной жизни древняго мира – в Александрии. Все люди мысли и слова спешили так или иначе высказаться во время этого движения. Не мог отказаться от своего горячего стремления высказать святую истину, долженствовавшую сменить языческую ложь, и юный Афанасий. И вот первым плодом его богословского ума и христианского одушевления было его сочинение под названием «Слово на язычников».

Встав потом лицом к лицу с Арием и арианами, святой Афанасий всю мощь своих сил употребил на ниспровержение страшной ереси этой, а вместе и на упрочение истинного учения о Божестве Иисуса Христа. Чаше он действовал в этом направлении делом и словом, но нередко прибегал и к письменному выражению и изложению своего учения о Боге вообще, о всех Лицах Святой Троицы в частности, и о Сыне Божиим в особенности. И от многих его писаний уцелели драгоценнейшие письменные памятники веры Александрийского архидиакона, а потом и святителя Афанасия, а вместе и многочисленной, верной православию его паствы, находившей в творениях святого Афанасия выражение своей веры, раскрытие ее и обоснование ее на разных незыблемых основах христианского учения, преимущественно же на Слове Божиим. Таковы были творения святого Афанасия: «Слово о воплощении Бога Слова», «Изложение веры», четыре «Слова против ариан», два «Слова против Аполлинария», «Послание о вере к императору Иовиану». Все это были сочинения по преимуществу вероучительные (догматические). В тех же целях раскрытия истинного учения и ниспровержения заблуждений святой Афанасий нередко весьма подробно, а иногда и кратко

объяснял многие места Священного Писания. Таковы, напр., его беседы на текст *«Вся Мне предана суть Отцем Моим»*, *«Послание к Маркеллину об истолковании псалмов»* и самое *«Толкование на псалмы»*, беседы на Евангелия от Матфея и Луки.

И как архипастырь, Афанасий нередко должен был выступать с письменным словом назидания и увещания, тем более, что в то время представители важнейших Церквей вообще имели обыкновение писать окружные послания не только по поводу разных выдающихся обстоятельств, но даже почти во все праздники Пасхи. Из этого рода творений св. Афанасия должно назвать *«Жизнь св. Антония»*, *«Сказание об аввах Феодоре и Паммоне»*. А сколько в своей многотрудной и разнообразной событиями жизни писал он посланий и писем к разным лицам, начиная с императоров и оканчивая простыми иноками? Многие из сих посланий сохранились доселе и служат драгоценнейшими источниками нравоучения и основами правой веры. Таковы, напр., послание об определениях Никейского собора, Апология к императору Констанцию, Апология о своем бегстве, 4 послания к Серапиону, послания к Амму, Руфиму, Драконтию и многие другие.

Изложение творений св. Афанасия, их внутренний характер, направление и главный предмет

Св. Афанасий, как уроженец Египта и житель Александрии, преимущественно говорил на господствующем языке страны, т.е. коптском. Но как человек высокообразованный и архиепископ одного из восточных патриархатов, он весьма часто говорил и на общем языке образованных людей того времени, т.е. греческом. К этому побуждало его и то, что он часто и подолгу жил в разных концах империи: в Палестине, Константинополе, в Риме и Милане, где язык греческий был господствующим, особенно в кругу духовенства и в высших сословиях. С ранних лет владея греческим языком как родным, св. Афанасий на нем писал и свои творения. Писал он большей части по требованию неотложных обстоятельств и не для того, чтобы пленять силою красноречия своего, но чтобы засвидетельствовать древлепреданную истину и обличить лжеучение. А потому изложение его творений вообще отличается простотою и безыскусственностью речи. Не всегда в его творениях заметна систематичность, но зато он всегда строго логичен, внутренне последователен, и речь его вообще отличается необыкновенной точностью. Вместе с тем, несмотря на высоту и непостижимость излагаемых им предметов веры, он во всем ясен и силен, так что его слова нельзя ни извращать, ни перетолковывать⁶. Выразивши ту или другую истину положительно, он весьма часто показывает ее верность чрез ниспровержение тех ложных мыслей, которыми лжеучители старались заменить или извратить ее. От этого приема почти все важнейшие произведения св. Афанасия носят характер *догматико-полемический*, т. е. тот характер, которым отличалась и вся жизнь его, исполненная непрерывной борьбы с врагами истины и стремления утвердить православных в непоколебимых правилах истинной веры и чистой жизни. Тот же и существенный предмет всех главнейших творений св. Афанасия, а именно Божественное достоинство Лица Иисуса Христа, Единосущного Отцу Сына Божия. Этим главным

предметом веры и упования жизни св. Афанасия в разной мере одушевлены все главные письменные труды его, и таким образом все они направлены к ниспровержению ариан и созиданию истинной веры в Сына Божия, Господа Спасителя нашего, и Его Святой Церкви. Посему верно сказал блаженный патриарх Фотий о творениях св. Афанасия, что они представляют полный трофей победы над ересью арианскою (Bibl. cod. CXLI).

Значение творений святого Афанасия Великого

Труды святого Афанасия Великого имели наибольшее значение в свое время. Тогда, по словам святого Кирилла Александрийского, они были «как бы целительный бальзам, оживлявший вселенную», страдавшую многими недугами лжеучений.

Но сущность многих лжеучений того времени нередко возвещается и ныне, а потому многие мысли и доводы св. Афанасия Великого, особенно о Божественном достоинстве Иисуса Христа, и ныне имеют весь свой глубочайший смысл и полное значение. И ныне, как и прежде, в творениях св. Афанасия Великого, как светлого вселенского учителя, могут находить образцы глубокомысленного толкования все изъяснители Св. Писания, богопросвещенного тайнозрителя – богословы, опытного пастырского собеседования – пастыри, назидательного руководителя – учителя и верного хранителя вселенского церковного единомыслия – все христиане. На творениях св. Афанасия Великого воспитались все последующие вселенские великие учителя. Иметь с ними знакомство, хотя бы ради исторических познаний, обязаны и все просвещенные христиане. Главнейшее значение творений св. Афанасия, конечно, обуславливается тем, что он был одним из древнейших христианских писателей, и потому в писаниях его можно находить отражение христианской веры не только IV века, но и первых трех веков, многообразно просвечивающих во множестве фактов и явлений, записанных здесь. И помимо сего, творения св. Афанасия, как произведения одного из первых богословов, стяжавшего за свою многоценную вероучительную жизнь и деятельность название Великого, сами по себе имеют всестороннее историческое значение. Как богомудрый муж, св. Афанасий часто и подолгу углублялся в тайны Божественного учения. И по мере требования обстоятельств он выразил свои чувствования и мысли в своих бессмертных творениях. В послании к монахам он писал с свойственной ему скромностию: «ЗаклЮчить в письма все,

что, по-видимому, постигал я, невозможно; и написанное мною есть только слабая тень того, что скрывалось в душе моей». Но так как он многократно вседушевно писал многим, то из общего представления мыслей, чувств и всех духовных стремлений св. Афанасия получается величественный памятник христианской веры, упований и любви, достойных общего внимания.

Издания творений святого Афанасия

Лучшими сборниками творений святого Афанасия Великого считаются Монфуко 1698 года и аббата Минье 1857 года, изданные в Париже на греческом и латинском языках, а также каноника Брайта, изданный в Оксфорде 1881 года с введением.

Русский перевод всех сочинений святого Афанасия сделан Московской духовной академией; издан в Москве в 1851–4 годах, в 4-х томах (по 400–500 стр.).

Содержание творений святого Афанасия довольно подробно сообщается в сочинении профессора Е. Ловягина «О заслугах святого Афанасия для Церкви», в сочинении Филарета архиепископа Черниговского «Историческое учение об Отцах Церкви», а также в святоотеческой христоматии, составленной протоиереем Н. Благоразумовым, 1883 г. Немногие места из творений св. Афанасия приводятся в святоотеческой христоматии М. Поторжинского 1877 г., а именно: отрывок из беседы на слова «*вся Мне предана суть...*», из беседы о слепорожденном, равно как в книге Барсукова «Образцы святоотеческой и Русской проповеди», издан. 1887 г., а именно: «На ариан слово третье» (48 страниц), слово на текст «*Вся Мне предана суть Отцем Моим*» (5 страниц) и из «Слова о воплощении Бога-Слова» (2,5 страницы). Кроме этих собственно проповеднических отрывков, мы в своем сборнике по возможности помещаем замечательные творения святого Афанасия из всех родов их, чтобы таким образом дать возможность иметь всестороннее знакомство со всеми выдающимися творениями святого Афанасия Великого. Из сих творений самое обширнейшее и самое замечательное «На ариан слово третье», которое приводится вполне, как имеющее догматико-полемическое значение и ныне. «Житие преподобного Антония» сокращено несколько по преимуществу в тех частях, где излагается таинственное учение святого Антония о действиях злых духов, как не всем вполне доступное. «Слово на язычников» тоже несколько сокращено по неудобству частностей о языческих мифологиях и тому подобных. Из 1-го

«Слова о воплощении Бога-Слова» по обширности его взята только некоторая часть, ибо подробное учение о Слове излагается в 3-м «Слове...», которое приводится почти все.

Можно думать, что в указанном составе творений святого Афанасия всякий найдет достаточно материала, полного самого насущного духовного интереса, а вместе и достаточное количество особенностей, коими отличаются произведения великого церковного учителя как со стороны их внешней формы и внутреннего содержания, так и метода их, которым особенно достославен гений святого Афанасия. Творениями святого Афанасия, можно сказать, положено было прочное начало тому подлинно научно-богословскому раскрытию христианских истин, которое по справедливости стяжало название золотого века христианской письменности.

Святой Афанасий первый ясно осознал невыгодные стороны прежней, по преимуществу философской постановки христианских произведений. Он первый вполне настойчиво обратился к наиболее подходящим способам христианского исследования, а именно к раскрытию и объяснению истин веры из положительных источников ее – Священного Писания и Священного Предания, и тем поставил христианскую науку на ту родную почву, на которой она последовательно процветает доныне. Таким образом, святой Афанасий был не только первым славным представителем золотого (IV) века, но и основоположителем новой эры богословствования.

Он говорил: «учение о Божестве преподается не в умственных доводах, но при посредстве веры и благоговейно-благочестивого помысла». И в его исследованиях вера всегда была руководительным началом, а рассудочные доводы имели значение только второстепенное. Он подчинял разум вере и чрез это явился великим учителем не своего только времени, но и вековечным образцом, достойным всеобщего подражания.

Истинно-богословский метод раскрытия истин христианского учения, выработанный святым Афанасием, вызывался потребностями времени, т.е. еретическими извращениями смысла Священного Писания, но это-то и составляет особенную ценность творений святого Афанасия, не теряющих посему

значения своего и ныне, так как и ныне многие лжеучения держатся на извращенном понимании разных изречений Священного Писания, всячески расшатываемого современными рационалистами, совершенно отвергшими другой таковой же источник вероучения, т.е. Священное Предание. Но пока не упразднится способ раскрытия христианского учения, навеки запечатленный в творениях святого Афанасия, пока вера не потеряет значения первоосновы в богословском учении, будут тщетны все подкопы под незыблемую твердость основных христианских истин, каковы учение о Святой Троице вообще и Сыне Божиим в частности. Трудami святого Афанасия православие восторжествовало победу над арианством. И в будущем православные восторжествуют над разными проповедниками рационализма, если они будут усердно читать бессмертные творения мужественного и победоносного поборника православного учения, будут поучаться от святого Афанасия как вероучению, вполне истинному и древнейшему, так и выражению его, самому естественному и общедоступному.

Никанор, Епископ Архангельский и Холмогорский.

2 мая 1893 года

Избранные творения св. Афанасия Великого

Слово на язычников⁷

Ведение благочестия и вселенской истины не столько имеет нужду в человеческом наставлении, сколько познается само собою, потому что едва не вопиет о себе ежедневно в делах, а светлее солнца открывает себя в Христовом учении. О вере во Христа Спасителя необходимо изложить и сообщить сие тебе письменно, чтобы учения, заключающегося в слове нашем, не почел кто маловажным и не стал предполагать, будто бы вера во Христа неразумна.

Такие же клеветы в укоризну нашу слагают язычники. Они громко смеются над нами, указывая не на иное что, а только на крест Христов. Но тем паче можно пожалеть о бесчувствии их. Клеветца на крест, не видят они силы креста, наполнившей целую вселенную, не видят, что крестом стали явны для всех дела боговедения.

Итак, сперва обличу, сколько могу, невежество неверующих, чтобы по обличении лжи сама собою воссияла, наконец, истина.

В начале не было зла, потому что и теперь нет его во святых, и для них вовсе не существует оно. Но люди впоследствии сами против себя начали примышлять и воображать злое. Отсюда же, конечно, образовали себе и первую мысль об идолах, не сущее представляя как сущее.

Создатель мира и Царь царей Бог, превысший всякой сущности и человеческого примышления, как благий и все превосходящий добротою, сотворил род человеческий по образу Своему собственным Словом Своим, Спасителем нашим Иисусом Христом и чрез уподобление Себе соделал его созерцателем и знателем сущего, дав ему мысль и ведение о собственной Своей вечности, чтобы человек, сохраняя сие сходство, никогда не удалял от себя представления о Боге и не отступал от сожития со святыми, но, имея в себе благодать Подателя, имея и собственную свою силу от Отчего Слова, был счастлив и беседовал с Богом, живя невинною, подлинно блаженною и бессмертною жизнью. Так и Священные Писания о первом сотворенном человеке, который на еврейском языке

назван Адамом, говорят, что в начале с непостыдным дерзновением устремлен был он умом к Богу и сожительствовал со святыми в созерцании мысленного, какое имел в оном месте, которое святой Моисей в переносном смысле наименовал раем (Быт.2:8).

Таким, по сказанному, Создатель соделал род человеческий и желал, чтобы таким же и пребыл он. Но люди, вознерадев о совершеннейшем и поленившись постигнуть оное, охотнее взыскали того, что ближе к ним; ближе же к ним было тело и телесные чувства.

Уклонившись от созерцания мысленного, употребляя во зло частные телесные силы, услаждаясь рассматриванием тела, замечая, что удовольствие для него есть нечто доброе, душа в обольщении своем злоупотребила наименованием доброе, и подумала, что удовольствие есть самое существенное добро. Полюбив же удовольствие, душа начала различными способами воспроизводить оное; потому что, по природе будучи деятельною, хотя отвращается от доброго, однако же не прекращает своей деятельности и потому обращает свою деятельность уже не на добродетель, и не на то, чтобы созерцать Бога, но, остановясь мыслью на не сущем, употребляет способности свои превратно, пользуясь ими для измышленных ею вожделений; ибо сотворена свободной и может как преклоняться на доброе, так и отвращаться от доброго; отвращаясь же от доброго, непременно останавливается мыслию на противном тому. Потом, усматривая свои способности и злоупотребляя ими, воображает, что может обратить и телесные члены на противоположное. Потому и руки подвигнув на противное, стала ими убивать, и слух употребила на преслушание, и иные члены вместо законного чадородия – на прелюбодеяния, и язык вместо благохваления – на хулы, злословие и ложные клятвы, опять и руки – на татьбу и на то, чтоб бить подобных нам человек, и обоняние – на разнообразие благовоний, возбуждающих к похотливости, и ноги – на скорость *излияти кровь* (Притч. 1:16), и чрево – на пьянство и на пресыщение без меры.

Все же это – порок и душевный грех, и не иное что сему причиною, как отвращение от совершеннейшего.

Некоторые из еллинов, уклонясь с пути и не познав Христа, утверждали, что зло существует самостоятельно и само по себе, и в этом погрешают они по двум отношениям. Или Создателя лишают достояния быть творцом сущего, ибо не будет Он Господом сущего, если зло, как они говорят, само по себе имеет самостоятельность и сущность. Или опять, желая, чтобы Он был творцом всяческих, по необходимости делают Его и творцом зла, потому что, по словам их, и зло – в числе существ. А сие окажется нелепым и невозможным, потому что зло не от добра, не в нем и не чрез него. Ибо не будет уже то и добром, что имеет смешанную природу или стало причиною зла.

И некоторые еретики, отпав от церковного учения и потерпев крушение в вере, в безумии своем приписывают также злу самостоятельность. Кроме же истинного Отца Христова, воображают себе иного бога и сего нерожденного творца зла и виновника злобы признают и создателем твари. Но не трудно опровергнуть их Божественным Писанием и тем же самым человеческим разумом, которым, измыслив сие, приводятся они в беснование. Так Господь и Спаситель наш Иисус Христос, подтверждая слова Моисеевы, что *Господь Бог един есть* (Втор. 6:5), говорит в Евангелии Своем: *«Исповедаю Ти ся, Отче, Господи небесе и земли»* (Мф. 11:25). Если же един Бог и если Он – Господь неба и земли, то как быть иному богу, кроме Его? Где будет признаваемый ими бог, когда в целом объеме неба и земли все наполняется единым истинным Богом? И как иному быть творцом того, над чем Господь есть Сам Бог и Отец Христов, по Спасителеву слову? Но если станут утверждать сие существование двух равных богов, то смотри, в какое впадут нечестие. Между равномошными невозможно будет найтись превосходнейшему и совершеннейшему. Ибо если без воли одного существует другое, то в обоих – равная сила, и в обоих – немощь; в обоих – равная сила, потому что бытием своим превосходят изволение друг друга; и в обоих – немощь, потому что, когда не хотят они, против воли выходит дело; и

благой существует против воли злого, и злой – против воли благого. Да и вообще, как будут два существа противоположные друг другу? Или что́ будет разделять их, чтобы существовали они одно вне другого? Вместе им быть невозможно, потому что разрушительны одно для другого; не могут же существовать и одно в другом, потому что несоединимо и неподобно естество их. Следовательно, разделяющим их окажется нечто третье; и оно будет также бог.

Итак, поскольку такая мысль их оказывается нетвердою, необходимо просиять истине церковного ведения, а именно, что зло не от Бога и не в Боге, что его не было в начале, и нет у него какой-либо сущности; но люди с утратою представления о добре сами себе, по своему произволу стали измышлять и воображать не сущее.

Так произошло и образовалось в начале изобретение и примышление зла людьми. Но нужно сказать уже и о том, как люди дошли до идолослужения. Из сего узнаешь, что изображение идолов было вовсе не от благого, но от злобы. А что́ имеет худое начало, то́, будучи всецело худо, никогда ни в чем не может быть признано добрым.

Душа человеческая, не удовольствовавшись измышлением зла, постепенно начала вдаваться еще в худшее. Познав различия удовольствий, утвердившись в забвении божественного, услаждаясь же телесными страстями и имея в виду одно настоящее и уважение к нему, душа помыслила, что нет уже ничего, кроме видимого, но одно преходящее и телесное для нее добро. Отсего, исполнившись всяких плотских вожелений и смущаемая уважением к чувственному, наконец, Того Бога, Которого предала забвению в уме, воображает в телесном и чувственном, имя Божие присвоив видимому и то́ одно прославляя, что́ ей кажется угодным и на что́ взирает она с приятностью. Итак, идолослужению предшествует зло как причина. Люди, научившись примышлять себе не сущее зло, вообразили себе также и не сущих богов. Обезумевшие люди, погрузившись в плотские пожелания и мечтания, предав забвению и понятие, и мысль о Боге, при слабом своем рассудке, лучше же сказать, при отсутствии разума, видимые

вещи вообразили себе богами, прославляя тварь паче Творца и обожая скорее произведения, нежели их виновника и создателя – Владыку Бога.

Как скоро ум человеческий отступил от Бога, люди, ниспадая в понятия и помыслах, прежде всего создали божескую честь небу, солнцу, луне и звездам, подумав, что они не только боги, но и виновники всего прочего. Потом, еще ниже нисходя омраченными помыслами, наименовали богами эфир, воздух и что в воздухе. Поступив же далее во зло, возвеличили уже богами стихии и начала телесного состава: теплоту, холод, сухость и влажность. И как совершенно упавшие влачатся по земле, подобно земляным улиткам, так злочестивейшие из людей, пав и унизившись в представлении о Боге, в число богов включили, наконец, людей и изображения людей, как еще живых, так уже и умерших. А возжелав еще худшего и остановившись на том мыслью, божественное и премирное Божие имя перенесли уже на камни, на деревья, на пресмыкающихся в воде и на суше и из бессловесных – на животных свирепых; им стали воздавать всякую божескую честь, отвратились же от истинного, действительно сущего, Бога Отца Христова. И о если бы хотя на этом остановилась дерзость неразумных, и не сквернили они себя большим злочестьем, простираясь еще далее! Ибо некоторые до того унизились мыслью и омрачились умом, что измыслили себе и вместе обоготворили даже то, что вовсе никогда не существовало и чего не видно между сотворенными вещами. Смешав и разумное и бессловесное, сочетав между собою несходное по природе, кланяются они тому, как богам. Таковы у египтян боги с песьими, змеиными и ослиными головами, а у ливиян Аммон с головою овна. Иные же, взяв отдельно телесные члены: голову, плеча, руки, ноги – каждый член включили в число богов и стали обожать, как будто не довольствуясь поклонением целому телу в его совокупности. Другие простерли далее свое нечестие и обоготворили то, что было предлогом к изобретению сих богов и к собственному их злонравию, то есть сластолюбие и вожделение, и сему кланяются. Таковы у них Эрот и Афродита в Пафосе. Другие же,

как бы соревнуя друг другу в худом, дерзнули причесть к богам своих государей и детей их или из почтения к властвовавшим, или страшась их самоуправства; таковы в Крите пресловутый у них Зевес, в Аркадии – Эрмий, у индов – Дионисий, у египтян – Изиды, Озирис и Ор. И ныне Антиноя, любимца Римского царя Адриана, хотя знают, что он человек и человек не благонравный, но весьма развратный, чтут, страшась того, кто дал о сем повеление. Ибо Адриан, находясь в Египте, когда умер слуга его сластолюбия Антиной, любя юношу и по смерти, повелел воздавать ему божескую честь; а тем и сам себя обличил и вместе дал знать вообще об идолослужении, что не иначе изобретено оно у людей, как из вожделения к воображаемому.

Не так давно бывало (а может быть, и доныне сие соблюдается), что Сенат римский о своих от начала бывших царях или о всех, или о ком изволит и заблагорассудит он, делал постановление: «Быть им в числе богов» – и предписывал воздавать им божескую честь. Если которые ненавистны Сенату, то объявляет он природу их и как врагов именует людьми; а которые угодны ему, тем за доблестные дела повелевает воздавать божескую честь, как будто сенаторы имеют власть делать богами, хотя сами они люди и не отрицают того, что они смертные. А между тем надлежало бы, чтоб делающие других богами тем паче сами были боги; потому что творящее должно быть совершеннее творимого. Но обычай сей не нов и не в римском начался Сенате, напротив же того, с давних времен получил начало и наперед замышлен с понятием об идолах. Ибо древние, пресловутые у еллинов боги: Зевс, Посидон, Аполлон, Ифест, Ермий и женского пола Ира, Димитра, Афина, Артемида – удостоены именования богов по указам известного по истории у еллинов Фисея.

В Египте и доныне еще совершается плач об утрате Озириса, Ора, Тифона и других. Додонския утвари и кориванты в Крите доказывают, что Дий не бог, а человек и рожден плотоядным отцем. И удивительно то, что самый мудрый и много похваляемый у еллинов за то, что уразумел Бога, Платон

идет с Сократом в Пирей поклониться изображению Артемиды, сделанному человеческим искусством!

О таковых и подобных сим изображениях идолобесия давно и задолго прежде научило Писание, говоря: *«Начало блужения умышление идолов: изобретение же их, тление живота. Ниже бо быша от начала, ниже будут во веки: тщеславием бо человеческим внидоша в мир, и сего ради краток их конец вменися. Горьким бо плачем сетуя отец скоро восхищенного чада образ сотворив, егоже тогда человека мертва, ныне яко жива почти, и предаде подручным тайны и жертвы: потом временем возможший нечестивый обычай, аки закон храним бысть, и мучителей повелением почитаема бяху изваянная. ихже бо в лице не могуще чествовати человецы далняго ради обитания, издавеча лице изобразившие, явный образ почитаемаго царя сотвориша, яко да отстоящаго аки близ сущаго ласкают с прилежанием. В продолжение же нечестия и не разумеющих понуди художниково искусство. Сей бо хотя угодити державствующему, произведе хитростию подобие на лучшее: множество же человек привлечено благообразием дела, прежде вмале чествованного человека, ныне в бога вмениша. И сие бысть житию в прельщение, яко или злословлению, или мучительству послуживше человецы, несообщно имя камению и древам обложиша»* (Прем.14:12–21).

Но самое представление язычников о богах своих обличает идолопоклонство.

Если кто возьмет во внимание деяния так называемых ими богов (начну сперва с сего), то найдет, что они не только не суть боги, но даже гнуснейшие были из людей. Ибо каково видеть у стихотворцев описанные распутства и непотребства Диевы? Каково слышать, что Дий похищает Ганимеда, совершает тайные прелюбодеяния, боится и мучится страхом, чтобы против воли его не были разорены Троянские стены? Каково видеть, что он скорбит о смерти сына своего Сарисдона, хочет помочь ему и не может, что против него злоумышляют другие так называемые боги, именно: Афина, Ира и Посидон, а ему помогают женщина Фетида и сторукий Эгеон? Поэтому, справедливо ли считать богом того, кто совершил такие черные

дела, каких общие римские законы не позволяют делать и простым людям? Или, зная, что Диомидом ранены Арей и Афродита, а Ираклом-Ира и преисподний, которого называют адским богом, Персеем же-Дионисий, Аркадом-Афина, что Ифест сринут и стал хромым, кто не заключит худо об их природе и не откажется утверждать, что они боги? Слыша же, что подлежат они страданию и тлению, не признает ли их не более как людьми, и людьми немощными, и не станет ли скорее дивиться тем, которые наносили им раны, нежели ими раненым?

А поэтому жалеть наипаче должно о тех, которые вводятся сим в обман. Ненавидят они любодеев, который приступает к женам их, но не стыдятся боготворить учителей любодейства; и что по законам непозволительно у людей, то не стыдятся приписывать так называемым богам своим.

Притом кланяющиеся камням и деревьям не примечают, что ногами они попирают и жгут подобные вещи, а часть тех же вещей именуют богами. Что незадолго прежде употребляли на свои нужды, то самое, сделав из сего изваяние, в безумии своем чествуют, вовсе не примечая и не рассуждая, что кланяются не богам, но искусству ваятеля. Пока не обтесан еще камень и не обделано вещество, до тех пор попирают их и пользуются ими на потребности свои, часто и низкия; а когда художник по науке своей приведет их в соразмерность и напечатлеет на веществе образ мужа или жены, тогда, свидетельствуя благодарность свою художнику и купив их у ваятеля за деньги, кланяются уже им, как богам. Нередко же и сам делатель истуканов, как бы забыв, что им они сработаны, молится собственным своим произведениям, и что недавно обтесывал и обрубал, то по искусственной обделке именует богами.

Но, может быть, злочестивые прибегнут в этом случае к свойству стихотворцев, говоря, что отличительная черта стихотворцев изображать несуществующее и лгать, слагая басни в удовольствие слушателей. Но если стихотворцами

вымышлены боги, которых нет, то почему же поклоняются им, как существующим?

Кто-нибудь из них скажет следующее: стихотворцы лгут, говоря о непотребных деяниях богов, а в похвалах, когда Дия называют отцом богов, верховным, Олимпийским и царствующим на небе, не вымышляют они, говорят же истину. Но не я один, а и всякий другой может сказать, что это рассуждение идет против них; потому что из прежних опять доводов в укор им обнаружится истина. Деяния изобличают, что они люди; а похвалы выше человеческой природы. Но то и другое не согласно между собою; и небожителям не свойственно делать подобные дела, и о делающих подобные дела никто не предположит, что они боги. Что же остается подумать?

Какое оправдание, какое доказательство представят суеверные читатели сих богов, что это действительно боги? Разве обратятся к тому, что высоко ценят их изобретения, полезные для жизни, и скажут: «И богами они признаны за то, что были полезны для людей». Зевс, как сказывают, владел искусством ваятельным, Посидон – судоходным, Гефест – кузнечным, Афина – ткацким, Аполлон изобрел музыку, Артемида – псовую охоту, Ира – искусство одеваться, Димитра – земледелие, другие же – иные искусства, как повествуют о них историки. Но эти и подобные им познания должны люди приписывать не им одним, а общей человеческой природе, углубляясь в которую, люди изобретают искусства. Ибо искусство, по словам многих, есть подражание природе. поскольку, как люди, по природе способны они были приобретать познания в положенных для людей пределах, то нимало не удивительно, если, вникнув в свою природу и приобретя о ней познание, изобрели они искусства. Если же утверждают, что за приобретение искусств справедливо было наименовать их богами, то и изобретателей других искусств следует наименовать богами на том же основании, на каком они удостоены сего наименования. Финикияне изобрели письмена, Омир – героическую поэзию, елемец Зенон – диалектику, сиракузянин Коракс – риторическое искусство, Аристей ввел в

употребление пчелиный мед, Тринтолен – сеяние жита, спартанец Ликург и афинянин Солон издали законы, Паламид изобрел словосочинение, числа, меры и весы, а другие, по свидетельству историков, сделали известными иные различные и для человеческой жизни полезные вещи. Поэтому, если познания делают богами, и за них стали ваять богов, то необходимо, чтобы, подобно им, стали богами и те, которые впоследствии были изобретателями других вещей. Если же последних не удостоивают божеской чести, а признают людьми, то следует и Дия, и Иру, и других не именовать богами, но верить, что и они были люди, тем более, что не были они и благонравны; как и самым изваянием кумиров язычники доказывают, что боги их не иное что, как люди.

Так называемые у Еллинов философы и люди сведущие, когда обличают их в этом, не отрицают, что видимые их боги суть изображения и подобия людей и бессловесных, но в оправдание свое говорят, что для того у нас все сие, чтобы чрез это являлось нам Божество и давало ответы; потому что невидимого Бога невозможно иначе и познать, как при помощи подобных изваяний и обрядов. А другие, сих превосходя любомудрием и думая сказать нечто еще более глубокомысленное, говорят, что учреждения и изображения сии введены для призвания и явления божественных Ангелов и Сил, чтобы, являясь в сих изображениях, сообщали людям ведение о Боге; это как бы письма для людей; читая их, по бывающему в них явлению божественных Ангелов, могут они познать, какое иметь понятие о Боге. Так баснословят, а не богословствуют (не скажем сего) языческие мудрецы! Но если кто со тщанием исследует рассуждение сие, то найдет, что и сих мнение не менее ложно, как и показанных прежде.

Спросим, как же Бог познается чрез идолов: по причине ли вещества, из какого сделаны идола или по причине данного им образа? Если по причине вещества, то какая нужда в образе? Почему Бог не является просто во всем веществе, прежде нежели сделано из него это? А если причину божественного явления бывает сделанный из вещества образ, то какая нужда в веществе золота или чего-либо иного? Почему Богу не являться

лучше в самых в природе существующих животных, которых образ имеют на себе изваяния? На сем основании мысль о Боге была бы лучше, если бы являлся Он в одушевленных живых существах, словесных или бессловесных, и не нужно было ожидать Его явления в вещах неодушевленных и недвижимых. В этом случае язычники впадают в нечестие, в котором всего больше противоречат сами себе. Естественных животных, четвероногих, птиц и пресмыкающихся почитают мерзостью и гнушаются ими или по причине их свирепости, или по нечистоте и, однако же, изваяв подобия их из камня, дерева, золота, боготворят оные.

Если Божество человекообразно, а потому и идолы так изображаются, то для чего присвояют Божеству и подобия бессловесных? Если же у Него подобие бессловесных животных, то почему присвояют Ему изваяния существ словесных? А если в Нем то и другое, в том и другом виде представляют они Бога, потому что имеет подобие и бессловесных, и словесных существ, то для чего разделяют соединенное и отдельно делают изваяния бессловесных и изваяния людей, а не всегда изваяния их имеют вид тех и других, каковы изображения действительно находятся в баснословии, например: Скилла, Харибда, Иппокентавр, у египтян-Анубис с головою пса? Надлежало бы или только так изображать их, имеющих двоякую природу, или, если имеют один только образ, не вымышлять для них другого. И еще, если они имеют мужской образ, то для чего придают им и подобия женские? И если женский имеют образ, то для чего ложно представляют их в образе мужей?

Вообще, если представляют себе Божество телообразным, а потому воображают у Него и изваяниям дают чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащие к деторождению, то смотри, до какого нечестия и безбожия унился ум их, когда мог так думать о Божестве. Ибо Божеству следовало бы посему претерпевать непременно и все прочее, свойственное телу, то есть, быть рассекаемым, делимым, и даже вообще подверженным нетлению. Сие же и подобное сему свойственно не Богу, а скорее земным телам, потому что Бог

безплотен, нетленен, бессмертен и ни в ком ни для чего не имеет нужды. А посему можно осудить язычников в неразумии за то, что именуют богами идолов, которых сами делают; просят спасения у тех, которых искусством своим предохраняют от тления; молятся об удовлетворении своих нужд тем, о ком знают, что требуют собственной их попечительности; и заключая их в небольших зданиях, не стыдятся называть владыками неба и всей земли.

И не из сего только можно усматривать безбожие язычников, но также и из того, что о самых идолах мнения их не согласны. Ибо не одни и те же именуются у всех богами, но большею частию, сколько есть народов, столько вымышлено и богов. Случается же, что одна область и один город разделяются между собою во мнениях о почитании идолов. Финикияне не знают богов, признаваемых египтянами. Египтяне поклоняются не одним и тем же идолам с финикиянами. Скифы не приемлют богов персидских, а персы – сирских и т. д. Крокодилу поклоняются одни как Богу, у жителей же ближайших мест почитается он мерзостью. Льва чтут одни как Бога, а вне города не только не воздают ему чести, но даже, встретив, убивают его как зверя.

Египтяне чтут вола и Аписа, т.е. тельца; а другие вола и тельца приносят в жертву Дию. Ливияне признают богом овна, которого и называют Аммоном; а у других овен часто закалается в жертву. Инды воздают честь Дионисию, сим именем в переносном смысле называя вино; у других же вино употребляется на возлияние иным богам.

Некоторые дошли уже и до такого злочестия и безумия, что закаляют и приносят в жертву ложным богам своим самих людей, тогда как боги сии суть подобие и образ людей; приносят, таким образом, лучшее худшему, одушевленных закаляют в жертву неодушевленным, разумных приводят на заклание не имеющим движения. Скифы, именуемые таврийскими, в жертву так называемой у них деве, закаляют претерпевших кораблекрушение и взятых в плен еллинов. В древности египтяне приносили людей в жертву Ире, а финикияне и критяне принесением в жертву детей своих

умилостивляли Крона. И древние римляне человеческими жертвами чтили Дия, называемого Латиарием. Так или иначе, но все вообще и сквернили и сквернились; сквернились сами, совершая убийства, и сквернили храмы свои, окуряя их подобными жертвами.

Но, может быть, превосходнейшие из язычников и исполненные удивления к твари, будучи пристыжены обличениями в сих мерзостях, и сами не отрекутся, что действительно сие предосудительно и сто́ит обличения, но останутся в той мысли, что служение миру и частям мира есть несомненное для них и неоспориваемое верование. Даже будут хвалиться, что не камни, не деревья, вообще не изображения людей и бессловесных, птиц, гадов и четвероногих чествуют и обожают они, но солнце, луну, все небесное украшение, а также землю и все влажное естество. При сем скажут, что никто не может доказать, будто бы и это по природе не боги, когда для всякого явно, что они не вещи неодушевленные и бессловесные, но по природе выше людей, потому что одни населяют небо, а другие – землю.

И сие мнение стоит того, чтобы рассмотреть и подвергнуть оное исследованию. Но прежде, нежели приступим к рассмотрению и начнем доказательство, достаточно заметить, что сама тварь едва не вопиет против них, указывая на своего Творца и Создателя – Бога, над нею и над всем царствующего Отца Господу нашему Иисусу Христу, от Которого отвращаются сии мнимые мудрецы, поклоняются же происшедшей от Него твари и боготворят ее, хотя сама она поклоняется своему Творцу и исповедует Того Господа, от Которого отрицаются они ради ее. Она показывает и дает знать, что Отец Слова есть действительно Господь и Творец сих частей, требующий от них беспрекословного Себе повиновения, как говорит и Божие законоположение: *«Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь»* (Пс.18:1).

Достоверность сего не сокрыта от взоров, но весьма очевидна всякому, у кого не вовсе ослеплено умное око. Ибо если кто возьмет во внимание отдельные части твари и будет рассматривать каждую в особенности, например, и солнце

возьмет само по себе, и луну отдельно, а также и землю, и воздух, и теплоту, и холод, и сухость, и влажность, вне взаимной их между собою связи, и каждую из сих частей станет рассматривать особо, как она есть сама по себе, то, без сомнения, найдет, что ни одна часть мира сама для себя недостаточна, но все они имеют нужду одна в другой, и только при взаимной друг другу помощи делаются самостоятельными.

Кто же при всей малосмысленности не знает, что четыре стихии, из которых образовалось естество тел, разумею теплоту и холод, сухость и влажность, поддерживаются только в совокупном соединении, а разделенные и разобщенные от преобладания преизбыточествующей из них делаются уже одна для другой разрушительными? Теплота истребляется увеличивающимся холодом; а холод опять уничтожается силою теплоты. Сухое увлажняется влажным, и последнее иссушается первым. Посему как же вещи сии будут богами, имея нужду в помощи других? Или как можно просить у них чего-либо, когда сами одна от другой требуют себе содействия? Если у нас слово о Боге, то Он ни в ком не имеет нужды, самодоволен, самоисполнен, в Нем все состоится, лучше же сказать, Он всему дает самостоятельность.

Но, может быть, язычники, имея доказательство перед глазами, и сами сознаются, что части творения, взятые раздельно и сами по себе, недостаточны; станут же утверждать, что, когда все части, совокупленные вместе, составляют одно великое тело, тогда целое есть Бог.

Но сие весьма далеко от понятия о Боге. Бог есть целое, а не части; Он не из различных составлен вещей, но Сам есть Творец состава всякой вещи. Смотри же, как нечестиво выражаются о Божестве, которые так говорят о Нем. Если Бог состоит из частей, то, без сомнения, окажется Себе Самому неподобным и составленным из вещей неподобных. Ибо если Он – солнце, то не луна; если луна, то не земля; и если земля, то не будет морем. А таким образом, перебирая каждую часть отдельно, найдешь несообразность такого их рассуждения.

Но согласно с истинным умозрением, можно еще и иначе обличить их безбожие. Если Бог по естеству бесплотен,

невидим, неосязаем, то почему представляют они Бога телом и что видимо глазами и осязуемо рукою, тому воздают божескую честь? И еще, если утвердилось уже такое понятие о Боге, что Он во всем всемогущ и ничто не обладает Им, но Он всем обладает и над всем властвует, то обоготворяющие тварь как не примечают, что она не подходит под такое определение Бога?! Когда солнце бывает под землею, свет его затемняет земля, и он невидим. Луну же днем скрывает солнце блистанием своего света. Земные плоды нередко побивает град; огонь от прилива воды угасает; зиму гонит весна, а лето не позволяет весне преступать свои пределы, и лету опять осень воспрещает выходить из собственных своих пределов. Итак, если бы это были боги, то надлежало бы, чтобы они не были преодолеваемы и затмеваемы друг другом, но всегда находились одно при другом и вместе производили общие свои действия.

Посему, как доказано в «Слове...», по всей справедливости не могут быть истинными богами ни солнце, ни луна, ни другая какая часть твари, а тем паче – изваяние из камней, из золота и из других веществ, и также вымышленные стихотворцами Зевс, Аполлон и другие. Напротив того, одни суть части творения, другие – вещи неодушевленные, а третьи были только смертные люди. Потому служение им и обоготворение их есть внушение не благочестия, но безбожия и всякого злочестия и доказательство великого уклонения от ведения единого и единственно истинного Бога, разумею же – Отца Христова. А когда изобличено сие, и доказано, что языческое идолослужение исполнено всякого безбожия и введено не на пользу, а на погибель человеческой жизни, теперь по изобличении заблуждения пойдем, наконец, путем истины и обратим взор к Вождю и Создателю вселенной – Отчему Слову, чтобы чрез Него уразуметь нам и Бога Отца Его и показать язычникам, сколько удалились они от истины. Сказанное доселе клонилось только к изобличению заблуждений в мире; путь же истины будет иметь целью действительно сущего Бога.

К познанию же и точному уразумению истины имеем нужду не в ком другом, а только в себе самих. Путь к Богу не так далек

от нас, как превыше всего Сам Бог; Он не вне нас, но в нас самих. Спаситель, давая разуметь и подтверждая это, сказал: *«Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк.17:21). Внутри же себя имея веру и Царствие Божие, можем вскоре узреть и уразуметь Царя вселенной – спасительное Отчее Слово. Да не отговариваются служащие идолам еллины, и вообще никто другой да не обольщает сам себя, будто бы нет у них такого пути, а потому и имеют они предлог к своему безбожию. Все мы вступили на путь сей, и всем он открыт, хотя и не все им идут, но многим желательно оставлять его; потому что влекут их совне житейские удовольствия.

А если кто спросит, что же это за путь? Отвечаю: душа каждого, и в ней ум; потому что одним умом может быть созерцаем и уразумеваем Бог. Разве нечестивые как отреклись от Бога, так откажутся и от того, что имеют душу? Это и всего справедливее было бы сказать им; потому что не имеющим только ума свойственно отрицаться от его Творца и Создателя Бога. Посему-то для людей простых нужно вкратце доказать и то, что всякий человек имеет душу, и душу разумную.

Первым немалым признаком того, что душа человеческая разумна, служит отличие ее от бессловесных; ибо по естественной привычке называем их бессловесными по тому самому, что род человеческий разумен. А потом немаловажным будет доказательством и то, что один человек рассуждает о находящемся вне его, мысленно представляет и то, чего нет перед ним, и опять рассуждает и обсуживает, чтобы из обдуманного избрать лучшее. Бессловесные видят то одно, что перед ними, стремятся к тому одному, что у них перед глазами, хотя бы впоследствии был от того им вред; но человек стремится не к видимому, а напротив того, видимое глазами обсуживает рассудком; не редко, устремившись уже, рассудком бывает удержан, и что им обдумано, обсуживает снова. Сие свойственно только людям, и сие-то есть разумность человеческой души, пользуясь которою отличается она от бессловесных и доказывает о себе, что она действительно не одно и то же с видимым в теле. Тело часто лежит на земле, а человек представляет и созерцает, что на небе.

А для тех, которые дошли даже до бесстыдства неразумности, строгим доказательством послужит и следующее. Тело по природе смертно; почему же человек размышляет о бессмертии, и не редко из любви к добродетели сам на себя навлекает смерть? Или, если тело-временно; почему же человек представляет себе вечное, и поэтому пренебрегает тем, что у него под ногами, вожделевает же вечного? Итак, что же это опять будет, как не душа разумная и бессмертная? Все сие доказывает не иное что, как разумную душу, владычествующую над телом. Тело не само себя движет, но приводится в движение и движется другим, как и конь не сам себя впрягает, но понуждает его владеющий им. Посему-то и даются людям законы – делать доброе и отвращаться порока; для бессловесных же, лишенных разумности и мышления, и худое остается невнятным и неразличимым.

Кроме этого, необходимо знать, что душа и бессмертна. Познание же о сем всего более облегчается для нас познанием тела и различием души от тела. Ибо если в «Слове...» нашем доказано, что душа не одно и то же с телом, тело же по природе смертно, то необходимо душе быть бессмертною по тому самому, что она не подобна телу. И опять, если по доказанному душа движет тело, а сама ничем другим не приводится в движение, то следует из сего, что душа самодвижна и по сложении с себя тела в землю опять будет сама себя приводить в движение. Ибо не душа подвергается смерти, умирает же тело, вследствие разлучения с ним души. Посему, если бы душа приводима была в движение телом, то по разлучении с движущим ей следовало бы умереть. А если душа движет и тело, то тем паче необходимо ей приводить в движение и себя. Приводя же себя в движение, по необходимости будет она жить и по смерти тела; потому что движение души не иное что есть, как жизнь ее; как, без сомнения, и о теле говорим, что тогда оно живет, когда движется, и тогда бывает смерть его, когда прекращается в нем движение. Но сие яснее можно видеть из душевной деятельности, пока душа еще в теле. Если и тогда, как душа заключена в теле и соединена с ним, не ограничивается она малостью тела и не соразмеряется с оною, а

тело лежит тогда на одре и как бы уснув смертным сном, пребывает недвижимо, а душа по силе своей бодрствует, возвышается над природою тела и, хотя пребывает в теле, но, как бы преселяясь из него, представляет и созерцает, что превыше земли, не редко же, поощряемая чистотою ума, воспаряет к святым и Ангелам, пребывающим вне земных тел, и беседует с ними, то, разрешившись от тела, когда будет сие угодно соединившему ее с оным Богом, не тем ли паче и не в большей ли еще мере приобретет она яснейшее ведение о бессмертии? И помышляет, и мудрствует она о бессмертном и вечном, потому что она сама бессмертна.

Посему-то душа имеет понятие и о созерцании Бога, и сама для себя делается путем, не извне заимствуя, но в себе самой почерпая ведение и разумение о Боге Слове. А поэтому утверждаем (о чем говорено уже было и прежде), что язычники как отреклись от Бога и кланяются вещам неодушевленным, так, думая о себе, что нет в них разумной души, и причисляя себя к бессловесным, в этом самом несут наказание за свое безумие. Если же уверены они (как и в праве быть уверенными), что есть в них душа и что имеют высокое понятие о своей разумности, то для чего, как бы не имея души, отваживаются поступать вопреки разуму, не мудрствуют, как должно мудрствовать, но ставят себя выше и Божества? Ибо сами, имея бессмертную и невидимую ими душу, уподобляют Бога вещам видимым и смертным. Как отвратились они мыслию от Бога и не сущее стали представлять себе богами, так могут возвыситься умом души своей и снова обратиться к Богу.

Когда душа слагает с себя всю излившуюся на нее скверну греха и соблюдает в себе один чистый образ, тогда (чему и быть следует) с просветлением оною, как в зеркале, созерцает в нем Отчий образ – Слово и в Слове уразумевает Отца, Которого образ есть Спаситель. Или, если учение души недостаточно, потому что ум ее омрачается внешним, и не видит она лучшего, то ведение о Боге можно также заимствовать от видимого; потому что тварь порядком и стройностью, как бы письменами, дает уразуметь и возвещает своего Владыку и Творца.

Бог благ, человеколюбив, попечителен о сотворенных Им душах; и поскольку по естеству Он невидим и непостижим, превыше всякой сотворенной сущности, а род человеческий, происшедший из ничего, не достиг бы ведения о Нем несотворенном, то посему-то самому и привел Он тварь Словом Своим в такое устройство, чтобы Его, невидимого по естеству, могли познавать люди хотя из дел. Апостол Павел пишет к римлянам: *«Невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть (Рим.1:20)*. Ибо, взирая на небесный круг, на течение солнца и луны, на положения и круговращения прочих звезд, совершающиеся различно и по противоположным направлениям, впрочем так, что при всем разнообразии соблюдается звездами одинаковый порядок, кто не придет к той мысли, что не сами себя привели оне в устройство, но есть иной приводящий их в устройство Творец? И видя, что зима уступает место весне, весна – лету, лето – осени, что сии времена года по природе противоположны, одно охлаждает, другое палит, одно питает, а другое истощает, однако же, все они равно и безвредно служат к пользе людей, кто не подумает, что есть Некто совершеннейший всего этого, и Он, приводя все в равенство, всем правит, хотя и не видишь ты Его? Итак, вещи, по природе одна другой противоборствующие и противоположные, не соединились бы между собою, если бы не был совершеннее их связавший их Господь, Которому уступают и повинуются и самые стихии, как рабы послушные владыке. Каждая стихия не противоборствует другой, стремясь к тому, что свойственно ей по природе, но все они соблюдают между собою согласие, признавая соединившего их Господа. По природе оне противоположны, а по изволению Правящего ими дружелюбны. Но если бы не были приводимы в единое срастворение высшим повелением, то каким бы образом стеклись и соединились тяжелое с легким, или сухое с влажным, или круглое с прямым, или огонь с холодом, или, вообще, море с землею, или солнце с луною, или звезды с небом, и воздух с облаками, когда каждая вещь не сходна с другою по природе? В таком случае увидели бы мы уже не благоустройство, но расстройство, не порядок, но бесчиние, не приведение в единый состав, а во всем

разъединение, не соблюдение меры, а отсутствие оной; потому что при раздоре и противоборстве каждой отдельной части или все уничтожилось бы, или что-либо одно оказалось одерживающим верх. Но и это опять доказывало бы расстройство целого; потому что оставшееся что-нибудь одно и лишенное содействия всего прочего делало бы целое несоразмерным, как в теле оставшаяся одна нога и одна рука не сохраняют в себе целого тела. Итак, поскольку во всем открывается не бесчиние, но порядок, не отсутствие меры, но соразмерность, не расстройство, но благоустройство и всестройное сочетание мира, то необходимо заключить и составить себе понятие о Владыке, Который все соединил и скрепил, во всем произвел согласие. Хотя и невидим Он очам, но порядок и согласие вещей противоположных дают уразуметь их Правителя, Распорядителя и Царя. Если увидим, что город, населенный множеством различных людей: больших и малых, богатых и бедных, также старых и молодых, мужчин и женщин – управляется добропорядочно, и жители, хотя различны между собою, но единомысленны: ни богатые не восстают на бедных, ни большие на малых, ни молодые на старых, но все равномерно живут в мире; если, говоря, заметим все сие, то без сомнения поймем, что единомыслие поддерживается присутствием градоправителя, хотя и не видим его. Так, видя порядок и стройность вселенной, необходимо представлять Властителя вселенной Бога, и притом одного, а не многих.

И самый порядок мироправления и согласная во всем стройность доказывают не многих, но единого Мироправителя и Вождя-Слово. Если бы тварь имела многих правителей, то не соблюдался бы такой во всем порядок, но все пришло бы опять в беспорядок, потому что каждый бы из многих наклонял все к своему намерению и противоборствовал другим. И наоборот, единый порядок и единомыслие многих и разных доказывают, что у них один начальник. Так, поскольку в целом мире есть всестройный порядок, ни горнее не восстает против дольного, ни дольное против горнего, но все стремится к одному порядку, то следует представлять себе не многих, а единого Правителя и

Царя всей твари, Который все озаряет светом Своим и приводит в движение.

Не должно думать, что у твари много правителей и творцов, но с строгим благочестием и истиною согласно веровать в единого ее Создателя, что ясно доказывает и самая тварь. Во-первых, если бы один мир произошел от многих, то показывал бы бессилие сотворивших, потому что одно дело совершено многими, а это немаловажный признак, что сведение каждого в деле творения было несовершенно. Ибо если бы и одного было достаточно, то не стали бы взаимных недостатков восполнять многие. Сказать же, что в Боге есть недостаток, не только нечестиво, но и крайне незаконно. Надобно же знать и то, что если бы мир произведен был многими, то имел бы различные и несходные между собою движения, потому что, имея свои отношения к каждому из сотворивших, имел бы и столько же различных движений. От различия же, как говорено было и прежде, опять произошли бы расстройство и во всем беспорядок. И корабль, управляемый многими, не поплывет прямо, пока кормилом его не овладеет один кормчий. Итак, поскольку тварь одна, и мир один, и порядок в нем один, то должно представлять себе и единого Царя и Создателя твари Господа. Ибо и Сам Создатель для того сотворил один всецелый мир, чтобы устройство многих миров не привело к мысли о многих создателях. поскольку же творение одно, то веруем, что и Творец оного один.

Кто же сей Создатель, это всего более необходимо уяснить и сказать утвердительно, чтобы иной, неведением сего введенный в заблуждение, не почел Создателем кого другого и от сего не впал опять в одинаковое с язычниками безбожие. Думаю же, что никто не имеет о сем колеблющегося мнения. Ибо если в «Слове...» нашем показано, что так называемые стихотворцами боги не боги, и обоготворяющие тварь изобличены в заблуждении, вообще же доказано, что языческое идолослужение есть безбожие и нечестие, то по унижении идолов совершенно необходимо, наконец, нашей вере быть благочестивой, и Богу, Которому мы поклоняемся и Которого мы проповедуем, быть единым и истинным Богом, Господом твари

и Создателем всякого существа. Кто же это, как не всесвятый и превысший всякой сотворенной сущности Отец Христов? Он, как наилучший кормчий, собственно Своею Премудростью и собственным Своим Словом, Господом нашим Иисусом Христом, спасительно управляет и распоряжает всем в мире, и все творит, как Сам признает сие наилучшим. И никто не должен сомневаться в этом. Ибо если бы движение твари было неразумно и вселенная носилась как ни есть, то справедливо мог бы иной не верить утверждаемому нами. Если же тварь приведена в бытие словом, премудростью и ведением и во всем мире есть благоустройство, то необходимо настоятелем и строителем сего быть не иному кому, как Божию Слову.

Словом же называю не то, которое внедрено и прирождено в каждой из сотворенных вещей, и которое иные обыкли называть семеноносным⁸; такое слово неодушевленно, ни о чем не мыслит, ничего не представляет, но действует только внешним искусством, сообразно с знанием влагающего оное. Также не то разумею слово, какое имеет словесный человеческий род, не слово сочетаемое из слогов и напечатлеваемое в воздухе. Но разумею живого и действенного Бога, источное Слово Благое и Бога всяческих, Слово, Которое и отлично от сотворенных вещей и от всякой твари, и есть собственное и единственное Слово благого Отца, вселенную же сию привело в устройство и озаряет Своим промыслением. Как благое Слово благого Отца, Оно благоустроило порядок вселенной, сочетая противоположное с противоположным и устрояя из сего единое согласие. Как Божия сила и Божия премудрость, Оно вращает небо и, повесив землю ни на чем не опирающуюся, водрузило ее Своим мановением. Им солнце стало светоносным и озаряет вселенную. От Него и луна имеет свою меру света. Им и вода повешена на облаках, и дожди наводняют землю, и море заключено в пределы, и земля украшена всякого рода растениями и произращает зелень. Если бы какой неверующий, слыша утверждаемое нами, спросил, действительно ли есть Божие Слово, то сомнением о Божием Слове показал бы он свое безумие. Между тем имеет он доказательство в видимом, что все состоялось Божьим Словом

и Божьей Премудростью, и ничто сотворенное не утвердилось бы, если бы не было, по сказанному, произведено Словом, и Словом Божиим. Но, будучи Словом, Оно, как сказано, не из слогов сочетается, подобно человеческому слову, а есть неизменяемый образ Отца Своего. Люди сложены из частей и сотворены из ничего; у них и слово слагаемое и разлагающееся. Но Бог есть Сый и не сложен; потому и Слово Его есть Сый; Оно не сложно, но есть единый и Единородный Бог и Благий, происшедший от Отца, как бы из благого источника; Оно все приводит в устройство и содержит.

И подлинно досточудна причина, по которой Слово, и Божье Слово, низшло к сотворенному; она показывает, что и неприлично было совершиться сему иначе, а не таким образом, как действительно совершается. Естество сотворенных вещей, как происшедшее из ничего, само в себе святое, есть что-то текучее, немощное, смертное. Бог же всяческих по естеству благ и выше всякой доброты и посему человеколюбив; потому что в благом не может ни к кому быть зависти. Посему-то не завидует Он никому в бытии, но хочет, чтобы все наслаждались бытием и всем мог Он являть Свое человеколюбие. Все сотворив вечным Словом Своим и осуществив тварь, не попустил ей увлекаться и обуреваться собственным своим естеством, отчего угрожала бы ей опасность снова прийти в небытие, но, как Благий, управляет вселенною и поддерживает ее в бытии Словом же Своим, Которое Само есть Бог, чтобы тварь, озаряемая владычеством, промыслиением и благоустроением Слова, могла твердо стоять в бытии, как причастная подлинно сущего от Отца Слова и Им вспомоществуемая в бытии, и не подверглась бы тому, чему могла бы подвергнуться (т.е. небытию), если бы не соблюдал ее Бог-Слово, *«Иже есть образ Бога невидимаго, перворожден всея твари: яко Тем и в Нем состоятся всяческая, видимая и невидимая: и Той есть глава Церкви»* (Кол. 1:15–18), как в святых Писаниях учат служители истины.

Сие-то всемогущее, всесовершенное, Святое Отчее Слово, нисшедши во вселенную, повсюду распространило силы Свои, озарив и видимое, и невидимое, в Себе все содержит и

скрепляет, ничего не оставив лишенным силы Своей, но оживотворяя и сохраняя все и во всем, и каждую вещь в особенности и вдруг все в совокупности. Покорствуя Сему Богу-Слову, иное оживотворяется на земле, а иное осуществляется на небе. Его силою все море и великий океан совершают движение свое в собственных своих пределах, и вся суша одевается зеленью и украшается разными всякого рода растениями. И чтобы не длить времени, каждую известную вещь именуя особо, скажу, что из всего, что существует и бывает, ничего нет такого, что произошло бы и состоялось не в Слове и не Словом, как говорит и Богослов: *В «Начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Вся Тем быша, и без Нею ничтоже бысть»* (Ин. 1:1–3).

Слово-Божия Премудрость, держа вселенную и что в воздухе, сводя с тем, что на земле, а что на небе, с тем, что в воздухе, целое сочетая с частями и обращая Своим мановением и изволением, прекрасно и стройно производит единый мир и единый в мире порядок; Само неподвижно пребывает у Отца, и все приводит в движение Своим снисхождением во вселенную, чтобы каждая вещь благоугодна была Отцу Его. Ибо в том открывается чудное действие Божества Его, что одним и тем же мановением не в разные времена, но вдруг и все в совокупности: и прямое, и круглое, горнее, среднее, долнее, влажное, холодное, теплое, видимое и невидимое – обращает и приводит в устройство, сообразно с природою каждой вещи. И чтобы понять это из примера, представь утверждаемое нами в подобии большого хора поющих. Хор состоит из разных людей: из детей и жен, стариков и также молодых; вдруг один управляющий хором подает знак, и каждый поет по своим способностям и силам, муж как муж, дитя как дитя, старый как старый, и молодой как молодой; но все в совокупности выводят одну стройную песнь.

Сам же Вождь и Царь всего, Собою утверждая все, делает все к славе и ведению Отца Своего и делами, какия совершает Он. Как, возрев на небо и рассмотрев его украшение и свет звезд, должны мы восходить мыслию к Слову, Которым все приведено в благоустройство; так, представляя умом Божье

Слово, необходимо нам представлять и Отца Его Бога, от Которого исходя, справедливо именуется Слово Истолкователем и Ангелом Отца Своего. Сие можно нам видеть и на себе самих. Когда у человека исходит слово, заключаем, что источник слова есть мысль, и, вникая в оное, усматриваем означаемую словом мысль; тем паче в высших представлениях и в несравненном превосходстве, усматривая силу Слова, составляем себе понятие и о благом Его Отце, как говорит Сам Спаситель: *«Видевый Мене виде Отца Моего»* (Ин. 14:9).

Но яснее и в большей мере проповедует о сем все Богодухновенное Писание.

Божие Слово издревле предограждало народ иудейский, говоря об уничтожении идолов: «Не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу» (Исх. 20:4). Причину же уничтожения идолов дает видеть в другом месте, говоря: «Идоли язык сребро и золото, дела рук человеческих; уста имут, и не возглаголют: очи имут, и не узрят: уши имут, и не услышат: ноздри имут, и не обоняют: руце имут, и не осяжут: нозе имут, и не пойдут» (Пс. 113:12–15). Не прошло оно молчанием и учения о твари; напротив же того, хорошо зная красоту тварей, чтобы иные, взирая на них не как на дело Божие, по красоте их не стали кланяться им, как богам, предограждает людей, говоря: «Да не возрев очима, и видев солнце и луну и всю красоту небесную, прельстився поклонишися им, яже раздели Господь Бог твой всем языком, иже под небесем» (Втор. 4:19). Народ же иудейский издревле имел у себя полнейшее учение, потому что не из дел только творения, но и из Божественных Писаний почерпал ведение о Боге. И вообще, отвлекая людей от идольской прелести и от неразумного представления о богах, Писание говорит: «Да не будут тебе боги инии разве Мене (Исх. 20:3). Воспрещает людям иметь иных богов не потому, что иные действительно боги, но чтобы, отворотившись от истинного Бога, не начали обоготворять несуществующее; а таковы наименованные богами у стихотворцев и историков, о которых доказано, что это не боги. И самый образ выражения показывает, что они не боги. Сказано: «Да не будут тебе бози инии», – чем означает

будущее время; а что произойдет в будущее время, того, когда говорится о сем, нет еще.

Истребив же языческое или идольское безбожие, умолкло ли Божественное учение, попустило ли человеческому роду являться вовсе не причастным ведения о Боге? Нет, а напротив того, предваряет оно мысль сию, говоря: *«Слыши, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть»* (Втор.6:4). И еще: *«Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея силы твоея»* (Втор.6:5). И еще: *«Господу Богу твоему да поклонишия, Тому единому послужи, и к Нему прилепишия»* (Втор.6:13). А что о промыслении и о благоустроении Слова, простирающихся на все и во всем, свидетельствует все Богодухновенное Писание, достаточным доказательством утверждаемого теперь служит та вера в Слово, с какою говорят богословы: *«Основал еси землю, и пребывает. Учинением Твоим пребывает день* (Пс.118:90–91). И еще: *«Пойте Господеву нашему в гуслах: одевающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горах траву, и злак на службу человеком, дающему скотом пищу»* (Пс. 146:7–9). Чрез кого же дает? Не чрез Того ли, Кем все сотворено? Ибо кем сотворено, тот по естественному порядку и промысляет о всем. Кто же это, как не Божие Слово, о Котором в другом псалме говорит: *«Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их»* (Пс.32:6)? Подтверждаем же, что и все о Нем и Им сотворено, в чем и уверяет нас, говоря: *«Той рече, и быша: Той повеле, и создашася»* (Пс.32:9); как и великий Моисей в том же удостоверяет, в начале мироздания объясняя сказанное и говоря: *«И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию»* (Быт. 1:26). Потому что и совершая творение неба, земли и всего, Ему же говорил Отец: *«Да будет небо; да соберутся воды, и да явится суша, да изведет земля траву и всякое животное»*; посему и можно обличить иудеев, как неверно пользующихся Писаниями. Ибо спросят у них, с кем беседует Бог, когда говорит и повелевая? Если повелевал тварям и с ними беседовал, то напрасно было слово; тварей еще не было, а только должны были произойти. Никто же не

говорит с тем, чего нет. Никто не повелевает и не обращает речи к непроизшедшему еще, чтоб оно произошло. Если бы Бог повелевал тому, что будет, то надлежало бы сказать: «Будь, небо; будь, земля; произрасти, трава; будь сотворен, человек». Теперь же не сотворил еще сего, а повелевает, говоря: «Сотворим человека и ... да возрастет трава», – чем показывается, что Бог разглагольствует о сем с кем-то близким к Нему. Поэтому необходимо, чтобы с Ним был некто, с кем беседуя, творил Он вселенную. Кто же это, как не Слово Его? С кем (пусть скажут) беседовать Богу, как не с Словом Своим? Или кто был с Ним, когда творил Он всякую тварную сущность, как не Премудрость Его, Которая говорит: «Когда творил небо и землю, с Ним бех» (Притч. 8:27). Под наименованием же неба и земли заключает все сотворенное на небе и на земле. Сопребывая же со Отцом, как Премудрость, и на Него взирая, как Слово, создает, приводит в бытие и благоустраивает вселенную и, как Сила Отчая, поддерживает в бытии всю совокупность тварей, как говорит Спаситель: «Все, что вижу творящего Отца, и Я также творю» (Ин. 5:19); и священные ученики Его учат: «...всяческая Тем, и о Нем быша» (Кол. 1:16). Он, как благое рождение от Благого и как истинный Сын, есть Отчая Сила и Премудрость и Слово, и все это не по причастию, не потому, что дано Ему сие совне, как дается Его участникам, которые Им умудряются, чрез Него соделываются сильными и разумными, но потому, что Он есть источная Премудрость, источник Слово, источная, собственно Отчая Сила, источник Свет, источная Истина, источная Правда, источная Добродетель, Отпечатление, Сияние, Образ; короче сказать, всесовершенный плод Отца, единственный Сын, неизменяемый Отчий Образ. И кто, кто изочтет Отца, чтобы изыскать и силы Слова Его? Ибо как Он есть Отчее Слово и Отчая Премудрость, так и снисходя к тварям для познания и уразумения ими Рождшего, делается для них источником святынею, источником жизнью, Дверию, Пастырем, Путем, Царем, Вождем, Спасителем во всем, животворящим Светом и общим о всех промыслием. Сего-то Благого и Зиждительного Сына имея от Себя, Отец не сокрыл Его неизвестным для тварей, но

ежедневно открывает Его всем; потому что Им все стоит и живет. А в Нем и чрез Него являет Отец и Себя Самого, как говорит Спаситель: «*Аз во Отце, и Отец во Мне*» (Ин. 16:10); почему необходимо Слову быть в Рождшем, и Рожденному быть совечным Отцу.

Но при всем том, когда ничто не существует независимо от Отчего Слова, небо же и земля и все, что на них, от Него зависят, несмысленные люди, отвергнув ведение о Нем и благочестие, не сущее предпочли сущему; вместо действительно сущего Бога обоготворили не сущее, служа твари вместо Творца и делая неразумное и злочестивое дело. Это подобно тому, как если бы кто дивился произведениям художника и приведенный в изумление зданиями в городе стал попирать ногами самого здателя, если бы начал хвалить мусикийское орудие, но отринул бы того, кто составил и настроил оное. Подлинно, это люди несмысленные и слепотствующие! Как иначе узнали бы мы дом, корабль, лиру, если корабля не построил кораблестроитель, дома не воздвиг зодчий, лиры не сделал музыкант? Посему как отрицающий это безумен и даже хуже всякого безумца, так, по моему мнению, не здравы умом и те, которые не признают Бога и не чтут Слова Его, общего всех Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа – Слова, Которым Отец все благоустраивает, и содержит, и промышляет о всем во вселенной.

И ты, христороубец, имея веру в Него и благочестие, радуйся и будь благонадежен, что плодом веры в Него будет бессмертие и Небесное Царство, если только душа благоустраивает себя по Его законам. Ибо как живущим по заповедям Его наградою – вечная жизнь, так идущим противоположную стезею, а не стезею добродетели – великий стыд и неотвратимая опасность в день суда за то, что, зная путь истины, делали противное тому, что знали.

Из «Слова о воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти»

Он (Бог-Слово) не был так объят телом, чтобы, когда был в теле, тогда не был и вне тела, и, когда приводил в движение тело, тогда вселенная лишена была Его действия и промысления. Но что всего удивительнее, Он, как Слово, ничем не был содержим, а наипаче Сам все содержал. И как пребывая в целой твари, хотя по сущности Он вне всего, однако же силами Своими присущ во всем, все благоустроая, на все и во всем простирая Свое промысление, оживотворяя и каждую тварь и все твари в совокупности, объемля целую вселенную и не объемлясь ею, но весь всецело пребывая в едином Отце Своем; так и в человеческом пребывая теле и Сам оживотворяя оное, вне всякого сомнения оживотворял и вселенную, пребывал во всех тварях и был вне вселенной, давал познавать Себя в теле делами и не переставал являть Себя в действиях на вселенную. Хотя Душе свойственно рассматривать в помыслах и то, что вне ее тела, однако же не простирает своих действий на что-либо вне ее тела и своим присутствием не приводит в движение, что отдалено от тела. Человек, когда думает о чем-либо отдаленном, чрез это не приводит еще отдаленного в движение и не переносит с одного места на другое. И если кто сидит у себя в доме и размышляет о том, что на небе, то не движет еще чрез это солнца и не обращает неба; но хотя видит их движущимися и сотворенными, однако же не может поэтому произвести их. Не таково было Божие Слово в человеке. Оно не связывалось телом, а напротив того, Само наипаче обладало оным; посему и в теле Оно было, и находилось во всех тварях, и было вне существ, и упокоевалось в Едином Отце. И, что чуднее всего, провождало жизнь как человек, все оживотворяло как Слово и сопребывало со Отцом как Сын. Посему, когда рождала Дева, Оно не страдало и, пребывая в теле, не сквернилось, но напротив того, освящало наипаче и тело; потому что и пребывая во всех тварях, не делается Оно всему причастным, а напротив того, все Им

наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Им сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небе, не сквернится прикосновением к земным телам и не омрачается тьмою, а напротив того, само их освещает и очищает, то тем паче всесвятное Божие Слово, Творец и Господь солнца, давая познавать Себя в теле, не прияло на Себя скверны, а напротив того, будучи нетленным, оживотворяло и очищало смертное тело. Ибо сказано: *«Иже греха не сотвори, ни обретесе лествица во устех Его»* (1Петр. 2:22).

Посему, когда богословствующие о Слове говорят, что Оно ест, пьет и родилось, тогда знай, что тело как тело родилось и питалось приличною пищею, Само же соприбывающее в теле Божие Слово, все благоустроая, и тем, что совершало Оно в теле, показывало в Себе не человека, но Божие Слово. Говорится же сие о Нем потому, что тело, которое вкушало пищу, родилось и страдало, было телом не кого-либо другого, но Господа. И поскольку Господь стал человеком, то прилично было говорить о Нем и сие, как о человеке, чтобы явствовало, что действительно, а не мечтательно имеет Он тело.

Но как из сего познавали Его присущим телесно, так делами, какие совершил чрез тело, давал Он разуметь в Себе Божия Сына. Посему-то к неверным иудеям и взывал, говоря: *«...аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте: да разумеете и познаете, яко во Мне Отец и Аз во Отце»* (Ин. 10:37–38). Как будучи невидимым, познается Он из дел творения, так, соделавшись человеком и невидимый под покровом тела, делами дает знать, что совершающий сии дела – не человек, а Божия Сила и Божие Слово. Ибо не человеческое, но Божие дело повелевать бесам и изгонять их. И видя, как исцелял Он болезни, в какие ввергнут был род человеческий, кто почитет Его человеком, а не Богом? Он очищал прокаженных, хромым давал силу ходить, глухим отверзал слух, слепых делал зрящими, вообще, отгонял от людей всякие болезни и всякие немощи. А из сего всякий может усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращал Он человеку и то, чего недоставало от рождения, и родившемуся слепым отверзал

очи, кто не заключит из сего, что Ему подчинено и самое рождение человеческое, что Он – Создатель и Творец оного? Кто возвращает человеку, чего не было у него от рождения, о том без сомнения явно, что Он – Господь и рождения человеческого. Посему-то в начале, приходя к нам, созидает Себе тело от Девы, чтобы и в этом показать всем не малый признак Божества Своего, потому что создавший тело сие есть Творец и прочих тел. И видя, что тело происходит от единой Девы без мужа, кто не придет к той мысли, что явившийся в сем теле есть Творец и Господь и прочих тел? Также видя, что сущность воды изменена и претворена в вино, кто не заключит, что сотворивший сие есть Господь и Творец сущности всех вод? Посему-то, как Владыка, ступает Он на море и по оному ходит как по суше, в этом показывая видящим признак Своего владычества над всем. Насыщая же малым количеством пищи великое число людей и из недостатка производя избыток, так что пятью хлебами насытились пять тысяч человек, и еще столько же осталось, не иное что давал сим разуметь, но то самое, что Он Господь промысления о вселенной.

Все же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всем промыслении и не уразумевали Божества Его из творения, хотя бы возбужденные телесными Его делами, возвели к Нему взор, а чрез Него приобрели себе понятие ведения об Отце, по сказанному выше, из частного заключая о промыслении Его в целой вселенной. Ибо видя власть Его над бесами или видя, что бесы исповедуют Его Господом своим, кто еще станет колебаться мыслию, что Он – Божий Сын, Божия Премудрость и Сила? Он соделал, что и самая тварь не умолчала, но что всего чуднее, во время смерти, лучше же сказать, во время торжества Его над смертию, то есть на кресте, вся тварь исповедала, что познаваемый и страждущий в теле не просто есть человек, но Божий Сын и Спаситель всех. Ибо когда солнце отвратило зрак свой, земля потряслась, горы распались, все пришли в ужас, тогда показывало сие, что Распятый на кресте Христос есть Бог, а вся тварь – раба Его, страхом своим свидетельствующая о присутствии Владыки. Так Бог-Слово явил Себя людям в делах.

О явлении во плоти Бога-Слова и против ариан

Вознамерившиеся злохудожно разуметь Божественные Писания, в подкрепление хулы своей выставляют относящиеся к человечеству речения о обнищании Сына Божия. Но в сих-то уничижительных речениях и действиях усматривается вся определенная точность христианства. Поэтому если бы могли они слушать блаженного Павла, который пишет к Коринфянам: *«Весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко нас ради обнища, богат сый, да мы нищетою Его обогатимся»* (2Кор.8:9), – то никак не осмелились бы называть Сына неподобным Отцу, особливо зная, какого рода обнищание Его и какова сила креста Его. Посему и в другом месте говорит тот же Павел: *«Да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие»* (Еф.3:18–19). По сей-то причине о нищете и страданиях Его с дерзновением пишет: *«Мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, Имже мне мир распяся, и аз миру»* (Гал.6:14); и еще *«Не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и Сего распята»* (1Кор.2:2), и *«...аще быша разумели, не быша Господа славы распяли»* (1Кор.2:8). И ныне еретики сии, если бы разумели Божественные Писания, то не осмелились бы хулить Творца всяческих, называя Его тварью или созданием.

Приводят в возражение: «Как может Сын быть подобен Отцу или быть от Отчей сущности, когда написано: *»...якоже Отец имет живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в себе»?* (Ин. 5:26) Говорят, у дающего есть превосходство пред приемлющим; написано также: *«...что Мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог»* (Мк.10:18); и еще *«Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?»* (Мф.27:46) и также: *«...о дни же последнем никтоже весть, ни Сын, токмо Отец* (Мк.13:3); и еще *«Егоже Отец святи и посла в мир* (Ин.10:36); и еще *«Бог Отец воскресил Ею из мертвых»* (Гал.1:1). Как же,

говорят, Воскрешенный из мертвых может быть подобен Воскресившему Его или единосущен с Ним?

Из многих возражений предложили мы сии немногие, чтобы по разрешении оных без труда было можно разуметь и прочие. Посему обязаны по возможности объяснить силу оных.

Если блаженный Павел говорит, что Отец воскресил Сына Своего из мертвых, то Иоанн повествует: *«Рече Иисус: разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю»*. Глаголаше же, присовокупляет о церкви тела Своего (Ин.2:19–21). Из сего для внимательных явствует, что поскольку воскрешено тело, то у Павла скажется, что воскрешен из мертвых Сын, потому что относящееся к телу Его скажется о лице Его. Посему таким же образом, когда говорится, что Отец дал жизнь Сыну, разуметь должно жизнь, даруемую плоти. Ибо если Сын есть жизнь, то для чего Жизни принимать жизнь? И если сам Он дает обетование, говоря: *«Овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут, и Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки»* (Ин.10:27); если Он – Божия Премудрость; если Им сотворен всякий возраст, то почему говорится: *«Иисус же преспеваше премудростию и возрастом»*? (Лк.2:52) Если Отец сотворил все чрез собственное Слово Свое и чрез Сына, то явно, что чрез Него же совершил и воскресение плоти Его; а посему чрез Него же и воскресил Его, чрез Него дает Ему и жизнь. Воскрешается Он по плоти как человек и приемлет жизнь как человек, образом обретется, якоже человек (Фил. 2:7); но как Бог, Сам воскрешает храм Свой и дает жизнь плоти Своей, если говорит также: *«Егоже Отец святы и посла в мир»*, – то в другом месте говорит: *«За них Аз свящу Себе, да и тии священи будут воистинну»* (Ин.17:19).

И если говорит: *«Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил»*, – то говорит сие от нашего лица; потому что зрак раба приим, и в подобии человечестем быв, и образом обретется якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестные, и проч. (Фил.7); и как говорит Исаия: *«Сей грехи наша носит и о нас болезнует»* (Ис.53:4). Поэтому не о Себе болезнует, но о нас; не Сам Он оставлен

Богом, но оставлены мы, и ради нас оставленных пришел Он в мир.

И когда Апостол говорит: *«Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякого имене»* (Фил. 2:2), – говорит сие о храме, то есть о теле Его. Ибо не Вышний возносится, возносится же плоть Вышняго, и плоти Вышняго дарова имя, еже паче всякого имене. Не Божие Слово по благодати прияло то, чтобы именоваться Богом; но плоть Его вместе с Ним наименована Богом. Не сказано: "Слово стало Богом, но Бог бе Слово» (Ин. 1:1). то есть, всегда был Бог-Слово, и сей самый Бог соделался плотью, чтобы плоть Его соделалась Богом-Словом; как и Фома, осязав плоть Его, воскликнул: *«Господь мой и Бог мой»* (Ин.10:26), – то и другое именуя вместе Богом; подобно и Иоанн написал: *«Еже бе исперва, еже слышахом, еже видехом очами нашими, еже узрехом, и руки наша осязаша о Словеси животнем»* (1Ин.1:1). Из сего видно, что во плоти осязаем был Сын и Отчее Слово и что то и другое в Божественном Писании наименовано осязаемым Словом жизни.

И когда говорит: *«Не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен»* (Ин. 7:39), – о плоти Его сказует, *яко не у бе прославлена*. Ибо прославляется не Господь славы, но плоть Господа славы; она приемлет славу, с Ним вместе восходя на небо. Посему-то и Дух сыноположения не был еще в человеках, потому что восприятый от нас начаток не восшел еще на небо. Посему как скоро Писание говорит, что Сын приял, что Сын прославлен, говорит сие о Нем по человечеству, а не по Божеству.

И когда Сын говорит: *«Пославший Меня Отец Мой более Мене есть»*(Ин. 14:28), – Отца называет большим Себя, потому что соделался человеком; а как Отчее Слово, равен Он Отцу. Ибо говорит: *«Аз и Отец едино есма* (Ин. 10:30) *и видеый Мене виде Отца»* (Ин.14:9). И не хищением приобретает, чтобы Ему быть равным с Отцем, но равен по естеству и единосущен Отцу, потому что рожден от Отчей сущности.

И когда Апостол говорит, что во Христе *живет всяко исполнена Божества телесне* (Кол. 2:9), должно понимать, что *всяко исполнение Божества* живет во плоти Его. И сказав: *«Иже*

Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его» (Рим. 8:32), в другом месте говорит: «Якоже и Христос возлюбил Церковь, и Себе предаде за ню» (Еф. 5:25).

Не Себя пришел спасти бессмертный Бог, но умерщвленных; не за Себя пострадал, но за нас; и посему-то восприял на Себя наше уничтожение и нашу нищету, чтобы даровать нам богатство Свое. Ибо страдание Его есть наше избавление от страдания; смерть Его – наше бессмертие; слезы Его – наша радость; погребение Его – наше воскресение; крещение Его – наше освящение. Ибо говорит: «За них Аз свящу Себе, да и ти будут священи воистинну» (Ин. 17:19). «Язва Его – наше исцеление; ибо язвою Его мы исцелехом» (Ис. 53:5). Наказание Его-наш мир; ибо наказание мира нашего на Нем, т.е. для нашего мира Он наказуется. Бесславие Его – наша слава; посему ради нас просит Он славы, говоря: «Прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не быть» (Ин. 17:5); ибо в Нем прославляемся мы. Сошествие Его – наше восшествие, по написанному: «...и с Ним воскреси, и спосади на небесных во Христе Иисусе; ... да явит в вещех грядущих презельное богатство благодати Свояе благостынею на нас о Христе Иисусе» (Еф. 2:6).

И когда говорит на кресте: «Отче, в руке Твои предаю дух Мой», – (Лк. 23:46), в Себе предает Отцу всех человеков, в Нем оживотворяемых, потому что они суть члены Его; и сии многие члены суть единое тело, то есть Церковь, как блаженный Павел пишет к Галатам: «...все бо вы едино есте о Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Посему в Себе предает всех.

Так и когда говорит: «Господь созда Мя начало путей Своих» (Притч. 8:22), – говорит сие о Церкви, в Нем создаваемой; потому что Творец всяческих не есть тварь и произведение, но в Творце обновляется тварь, по сказанному Павлом: «Того есмы творение.» «...создана во Христе Иисусе на дела благая» (Еф. 2:10); и как еще говорит: «...да скажется ныне началом и влаstem на небесных Церковью многоразличная премудрость Божия, по предложению век, еже сотвори о Христе Иисусе Господе нашем, о Немже имамы дерзновение и приведение в надеянии верою Его» (Еф. 3:10–11);

и еще: «...яко избра нас в Нем прежде сложения мира быти нам святым и непорочным пред Ним в любви, прежде нарек нас во усыновление Иисус Христом в Него» (Еф.1:4–5); и также говорит о двух народах: «...да оба созиждет Собою во единого нового человека, творя мир: и примирит обоих во едином теле Богу крестом, убив вражду на нем (Еф. 2:15)».

И если говорит: «*Что Мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог*» (Мк. 10:18), – то говорит сие Бог, по плоти Своей и Себя сопричисляя к человекам, и сообразуясь с понятием пришедшего к Нему; потому что юноша почитал Его простым человеком, а не Богом. И ответ имеет следующий смысл: «Если почитаешь Меня человеком, а не Богом, то не называй Меня благим: ибо никтоже благ, потому что благодать свойственна не человеческому естеству, но Богу». Потом присовокупляет: «*Заповеди веси?*» Когда же на вопрос юноши: «*Какие?*» – Господь сказал: «...не прелюбы сотвориши, не убий...» и проч., – и юноша отвечивал, говоря: «...сия вся сохраних от юности моя: что есмь еще не dokonчал?», – тогда говорит ему: «*Аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, елика имаши, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси: и взем крест твой, гряди вслед Мене*» (Мф.19:16–21; Мк.10:17–21; Лк.18:18–22). А сим Господь показал, что и Ему свойственна благодать. Ибо кто идет вслед не благого, тот может ли наследовать вечную жизнь?

И когда говорит о последнем дне: «*Никтоже весть, ни Сын, токмо Отец*», – говорит по человечеству. Ибо если знает Отца, то как не знать Ему последнего дня? «*Никтоже знает Отца, – говорит Он, – токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти*» (Мф. 11:27). И если Дух Святой знает все Божие, то как Сыну не знать дня, который Им сотворен? И если Им сотворены веки и времена, то очевидно, что и последний день включается в сих веках и временах, и Ему невозможно не знать сего дня.

Посему все уничижительные речения, употребленные Господом, относятся к Его обнищанию, чтобы мы в Нем обогатились, а не хулили по оным Сына Божия. И Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы сыны

человеческие, то есть сыны Адамовы, соделались сынами Божиими. Ибо Слово неизглаголанно, неизъяснимо, непостижимо, вечно рожденное свыше от Отца, рождается долу во времени от Девы Богородицы Марии, чтобы рожденные первоначально долу родились вторично свыше, то есть от Бога. Посему Сын единую Матерь имеет на земле, а мы имеем единого Отца на небе. Посему-то именует Себя Сыном Человеческим, чтобы человеки именовали Бога Отцем на небесах. Сказано: *«Отче наш, Иже еси на небесех»* (Мф. 6:9). Как мы, рабы Божии, соделались сынами Божиими, так Владыка рабов соделался смертным сыном собственного Своего раба, то есть Адама, чтобы сыны Адамовы, будучи смертными, соделались сынами Божиими, по сказанному: *«...даде им область чадом Божиим быти»* (Ин. 1:12). Посему Сын Божий вкушает смерть ради плотского отца своего, да сыны человеческие приобщатся жизни Божией ради Бога Отца своего по духу. Он Сын Божий по естеству, а мы сыны по благодати. И еще: Он и по домостроительству ради нас соделался сыном Адамовым, а мы сыны Адамовы по естеству. Посему говорит: *«...восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему»* (Ин. 20:17); потому что Бог, как сказал я выше, есть Отец Его по естеству, а наш Отец по благодати; и Богом Ему соделался по домостроительству, поколику Сам Он соделался человеком, а нам Он Владыка и Бог по естеству. И потому Слово-Отчий Сын, соединившись с плотью, плоть бысть и совершенный человек, да человеки, соединившись с Духом, соделаются единый Дух. Итак, Он есть плотоносный Бог, а мы духоносные человеки. Ибо от сущности человеческой, то есть от семени Адамова, прияв начаток, то есть *зрак раба и в подобии человечестем быв* (Фил. 2:7), даровал нам от Отчей сущности начаток Святого Духа, да соделаемся все мы сынами Божиими в подобии Сына Божия. Он, истинный и по естеству Сын Божий, носит в Себе всех нас, да все мы носим в себе единого Бога.

Нечестиво также утверждать, что Дух Божий создан или сотворен, когда всё Писание Ветхого и Нового Завета присоединяет Его к Отцу и Сыну и с Ними прославляет; потому что Дух того же Божества, той же власти и сущности, как

говорит Сам Господь: «...веруяй в Мя, реки от чрева его истекнут воды живы». Сие же рече о Дусе: "Егоже хотяху приимати верующии в Него» (Ин.7:38–39); как и у Иоилиа говорит от лица Отчего: «...излию от Духа Моего но всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши» (Иои. 2:28). И посему дунув в лице Апостолам, говорит: «...приимите Дух Свят» (Ин. 20:22), – да знаем, что от полноты Божества дается Дух ученикам; ибо сказано:»...во Христе, то есть во плоти Его, живет всяко исполнение Божества телесне» (Кол. 2:9); как и Иоанн Креститель говорит: «...от исполнения Его мы вси прияхом» (Ин. 1:16). В телесном виде, то есть как голубь, явился Дух Святой, сходящий и пребывающий на Нем. В нас живет начаток и залог Божества, а во Христе – всяко исполнение Божества. И никто да не подумает, что Христос приял, не имев Его прежде. Ибо Он послал Духа свыше, как Бог, и Он же приял Его долу, как человек. Посему от Него же нисходит на Него Дух, от Божества Его – на человечество Его. И Исаия от лица Отчего вопиет, говоря:»...сице глаголет Господь Бог твой, сотворивый тя и создавый тя из утробы: не бойся, рабе Мой Иакове, и возлюбленный Израилю, егоже избрах. Яко Аз дам воду в жажду ходящим, в безвоздней, наложу Дух Мой на семя твое, и благословения Моя на чада твоя» (Ис. 64:2–3). В Евангелии же Сын обещает дать воду ходящим в жажде, говоря самарянке о Святом Духе: «...аще бы ведала еси дар Божий, и кто есть Глаголяй ти: даждь ми пити: ты бы просила у Него, и дал бы ти воду живу» (Ин. 4:10); и вскоре потом говорит ей:»...всяк пияй от воды сея, вжаждется паки: а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный» (Ин.10:13–14). Посему и Давид воспевае Богу: «...яко у Тебе источник, живота, во свете Твоем узрим свет» (Пс.35:10), – ибо знал он сущего у Бога Отца Сына-источник Святого Духа. И чрез Иеремию Сын говорит: «...два зла сотвориша людие Мои: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенные, иже не возмогут воды содержати"(Иер.2:13). И когда серафимы славословят Бога, троекратно взывая:

«Свят, свят, свят Господь Саваоф»(Ис.6:3), – тогда славословят они Отца и Сына и Святого Духа. Посему и крещаемся, как во имя Отца и Сына, так и во имя Святого Духа; и соделываемся сынами Бога, а не Богов, потому что Отец, Сын и Святой Дух-Господь Саваоф – едино Божество и един Бог в трех ипостасях. А посему что у Исаии сказал Отец, то, по словам Иоанна, сказал Сын, а, по словам Павла в Деяниях, сказал Дух Святой. Ибо Исаия говорит так:»...видех Господа Саваофа сидяща на престоле высоце и превознесенне, и исполнь дом славы Его. И серафими стояху окрест Его, шесть крил единому и шесть крил другому: и двама убо покрываху лица, своя, двама же покрываху ноги своя, и двама летаху. И взываху друг ко другу и глаголаху: «Свят, свят, свят Господь Саваоф: исполнь небо и вся земля славы Его» (Ис.6:1–3), – и вскоре потом он же говорит:»...слышах глас Господа глаголюща: кого послю, и кто пойдет к людям сим? И рекох: се, аз есмь, посли мя. И рече мне: иди к людям сим и рцы им: слухом услышите, и не уразумеете: и видяще узрите, и не увидите: одевеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют и обратятся, и исцелю я» Ис.6:8–10). Евангелист же Иоанн говорит:»...сего ради не можаху веровати Иудеи во Иисуса, яко рече Исаия, ослепи очи их и окаменил есть сердца их: да не когда узрят очима, и уразумеют сердцем, и обратятся, и исцелю их. Сия же рече Исаия, егда виде славу Его (Ин.12:39–41), то есть славу Сына; а посему и Сын есть Господь Саваоф. Ибо Господь Саваоф толкуется: Господь сил, а Господь сил, Той есть Царь славы, как сказал Давид (Пс.23:10); Господь же славы, по словам Павла, есть распятый Христос (1Кор.2:8). И поскольку сказал Давид: «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит» (Пс. 22:1) и в другом месте: «Пасый Израиля, вонми, Наставляй яко овча Иосифа: Седяй на херувимех явися» (Пс.79:2); в Евангелиях же говорит Сын: «Аз есмь пастырь добрый» (Ин.10:14), – то следует, что Он есть «седяй на херувимех, пасый Израиля». А Павел в Деяниях говорит, что «Дух Святой глагола Исаием» (Деян.28:25) то

самое, о чем сказал Исаия: «...яко Господь Саваоф глагола мне». Так Отец и Сын и Дух Святый есть Господь Саваоф.

И когда Писание говорит об Отце, что Он сотворил *всяческая, видимая и невидимая* (Кол.1:10), тогда в другом месте то же Писание учит нас, что все сотворено чрез Сына. И не иное сотворил отдельно Отец, а иное Сын; но что творит Отец, то творит Он собственною Своею силою, которая есть Сын, ибо *вся Тем быша* (Ин.1:3). Так, когда говорит Сын: «...разорите церковь сию, и трети дни воздвигну ю» (Ин.2:19), – говорит же это, как замечено, о теле Своем, тогда другое Писание говорит, что Отец воскресил Сына Своего из мертвых (Гал.1:1), и говорит справедливо, потому что Словом Своим и Сыном воскресил Он плоть Сына Своего. Не говорим, что тело есть Сын Божий по естеству; говорим же, что оно есть тело Сына Божия. Поэтому когда воскрешено тело, представляется воскрешенным из мертвых Сын. Поэтому относительно к плоти говорим, что Сын умер, и погребен, и воскрешен из мертвых; по духу же Он был везде: и на небе и на земле. Итак, поскольку первоначально богат сый, то есть Бог, впоследствии соделался обнищавшим, то есть человеком, и уподобился нам во всем, кроме греха, то как человек, приемлет жизнь Тот, Кто в Себе имеет жизнь, потому что Сам есть жизнь, приемлет же ради нас; как человек, преспевает премудростию и возрастом Тот, Кто есть вечная Сила Божия и премудрость; как человек, освящается Тот, Кто свят и не имеет нужды в освящении; ибо говорит: «...за них Аз свящу Себе, да и тии священи будут воистинну» (Ин.17:19); и как человек возносится, прияв имя еже паче всякого имене, имя, которое всегда имеет Он по естеству; ибо сказано: «Бог бе Слово».

Посему, о чем говорит Писание, что Сын приял, говорит сие ради тела Его; а тело сие есть начаток Церкви; ибо сказано: «...начаток Христос» (1Кор.15:23). поскольку же Начаток приял имя, еже паче всякого имене, то силою Его совоскрешено и спосаждено и смешение (1Кор.5:7), по сказанному: «...с Ним воскреси и спосади» (Еф.2:6). Посему-то и люди прияли благодать именоваться богами и сынами Божьими. Итак, Господь сперва воскресил из мертвых и вознес в Себе тело

Свое, а потом воскрешает и члены тела Своего, да им как Бог, дарует все, что Сам принял как человек. Посему Сам Себе дарует жизнь, Сам Себя святит и Сам Себя возносит. Когда же говорится, что Отец освятил Его, и воскресил Его, и даровал Ему имя, еже паче всякого имени, и дал Ему жизнь, явно, что чрез Него творит все Отец: чрез Него воскрешает Его, чрез Него святит Его, чрез Него возносит Его, чрез Него дает Ему жизнь. И когда дух Свой предает в руки Отца, предает Себя Богу как человек, да предаст Богу всех человеков; потому что Он есть рука и руке Отца. И когда говорит: «...прежде всех, холмов рождает Мя» (Притч.8:25), – говорит сие от лица Церкви, которая первоначально создана, а потом раждается от Бога. Почему в притче сперва сказано: «Господь созда Мя» (Прит.8:22), – а впоследствии, – "родил" (Прит.8:25).

Если Писание говорит об Отце: «...не Бог ли един созда нас» (Мал.2:10), – то подобно сему говорит и о Сыне: «...яко Тем создана быша всяческая» (Кол.1:16). А то же говорится и о Святом Духе. «Отымеши, – сказано, – дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли» (Пс.103:29–30).

И если Сын об Отце говорит Петру: «...блажен еси, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой, Иже на небесех» (Мф.16:17), – то и о Себе говорит то же самое: «...никтоже знает Отца, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти» (Мф.10:22). А Павел подобно сему говорит и о Святом Духе: «...нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия. Кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем? Такжеже и Божия никтоже весть, точию Дух Божий» (1Кор.2:10). Посему как дух в человеке неотделим от его человечества и сущности, так и Дух в Боге нечужд Его Божества и сущности. И если Господь говорит у Исаии: «...сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» (Ис.1:2), – то в Евангелии говорит Он: «...рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от Духа дух есть... (Ин.3:6); ...дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет: тако есть всяк человек рожденный от Духа» (Ин.3:8); а в начале

Евангелия Иоанн говорит: «...елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его: иже не от крове, ни от похоти мужеския, ни от похоти плотския, но от Бога родишася» (Ин.1:12). Поэтому все, рожденные от Духа Святого, рождены от Бога; и все, крестившиеся во Христа, крестились во Отца и Святого Духа.

И еще, когда Петр говорит Анании: «Почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому и утаити от цены села? Не человеком, солгал еси, но Богу» (Деян. 5:3), – явствует из сего, что солгавший Духу Святому солгал Богу, живущему в человеках чрез Духа Своего. Ибо где Дух Божий, там Бог. Сказано: «... о сем разумею, яко Бог в нас пребывает, яко от Духа Своего дал есть нам» (1Ин.4:13). И если Писание говорит, что Дух Святой глаголал в пророках, то в другом месте скажет блаженный Павел, что в пророках глаголал Отец: «Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый Отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне (Евр.1:1), а в другом месте скажет, что глаголет и Сын, говоря: «Понеже искушения ищите глаголющего во мне Христа» (2Кор.13:3). Сын же наименовал Духа глаголющим в Апостолах: «Егда предадут вы на соборища, не пецытесь, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашею глаголяй в вас» (Мф.10:19–20).

И Апостол иногда говорит, что тела верующих суть храм Святого Духа, а иногда, что члены их суть члены Христовы; иногда же, что они суть храм Отца: «Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие» (2Кор.6:16); и «...аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог» (1Кор.3:17); и еще «...не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий Святой живет в вас (1Кор.3:16)? Ибо кто храм Духа, тот храм Сына и Отца; где обитает Дух Божий, там обитает Бог. И »...якоже Отец воскрешает мертвые и живит, тако и Сын, ихже хочет живит» (Ин. 5:21); а подобно сему говорит и о Духе: «Дух есть, Иже оживляет, плоть непользует ничтоже» (Ин.6:63); и Павел пишет к Коринфянам: «Дух животворит» (2Кор.3:6).

Видишь, что дела Отчия Писание именует делами Сына и Святого Духа, как и Апостол научил, говоря: *«...разделения же дарований суть, а тойжде Дух: и разделения служений суть, а тойжде Господь: и разделения действ суть, а тойжде есть Бог, действуяй вся во всех»* (1Кор.12:2). Так, сказав, что Отец есть *«действуяй вся во всех»*, несколько ниже именует Духа Святого действующим *«...вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо якоже хочет»* (1Кор.12:11).

И если блаженный Павел о Святом Духе учит, что Дух Святой есть залог наследия, то Давид наследием именует Господа. Ибо говорит: *«Господь часть достояния моего и чаши моя»* (Пс.15:5). И в другом месте: *«...воззвах к Тебе, Господи, рех: Ты еси упование мое, часть моя еси на земли живых»* (Пс.141:6); и Иеремия говорит: *«Создавый вся, Той есть достояние Иакову, Господь имя Ему»* (Иер.10:16). Когда же пророки Господа именуют наследием святых, тогда Павел именует наследием Духа Святого и говорит: *«...в немже и веровавшие знаменастеся Духом обетования Святым, Иже есть обручение наследия нашего»* (Еф.1:13–14); как и лице у Моисея, когда приял он закон от Бога, было ознаменовано Святым Духом, и никто из сынов Израилевых не мог взирать на него, потому что на нем знаменася свет лица Господня (Пс.4:7), по написанному в Евангелии: *«...тогда праведницы просветятся яко солнце в Царствии Отца их»* (Мф.13:43). Ибо свет есть Бог, а подобно свет есть и Сын, потому что и Он той же сущности истинного света, как говорит Исаия: *«...и будет свет Израилев во огонь, и освятит его огнем горящим»* (Ис.10:17); в Евангелии же Иоанн Креститель говорит о Господе: *«Той вы крестит Духом Святым и огнем»* (Мф.3:11). В другом месте Писание называет Господа освящающим: *«Аз Господь освящаяй и»* (Лев.22:16). И если Бога именует огнем: *«Бог наш огонь поядаяй есть»* (Евр.12:29); то подобно сему и о Духе Святом говорит: *«...явишася Апостолам разделены языцы яко огненни, седе же на едином коемждо их, и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати»* (Деян.2:3–4). И все те, которые носят

в себе Духа Божия, светоносны; а светоносные облечены во Христа; и облекшиеся во Христа облачаются в Отца, *подобает бо тленному сему облещися в нетление, и мертвенному облещися в бессмертие* (1Кор.15:53); носящие же в себе Духа Божия носят в себе нетление; Бог же есть нетление.

И Давид, говоря: «...мнози глаголют: кто явит нам *благая?*» (Пс.4:7) – говорит сие о Святом Духе. И в другом месте сказал он: «Господь не лишит *благих* ходящих *незлобием*» (Пс.83:12). И Матфей так говорит об Отце: «...аще убо вы *лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него*» (Мф.7:11)? А Лука, повествуя о том же самом, толкует, что значат блага, говоря: «...аще убо вы *зли суще умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*» (Лк. 11:13)? Если бы Дух Святой не был от сущности единого Благого, то не был бы и наименован благом, когда Господь, поскольку соделался человеком, не позволяет называть Себя благом, говоря: «...что *Мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един, Бог*» (Мк.10:18). Духа же Святаго Писание не отрекается называть благом, согласно с Давидом, который говорит: «*Дух Твой благий наставит мя на землю праву*» (Пс.142:2,10).

И еще, если Господь говорит о Себе: «Аз есмь *хлеб животный, иже сшедый с небесе*» (Ин.6:51), – то в другом месте Святаго Духа именует хлебом небесным, говоря: «...хлеб наш *насущенный даждь нам днесь*» (Мф.6:11). Ибо Он научил нас в молитве просить в нынешнем веке хлеба насущного, то есть будущего, начаток которого имеем в настоящей жизни, причащаясь плоти Господней, как Сам Он сказал: «...хлеб, *егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира*» (Ин.6:51). Ибо плоть Господня есть Дух животворящий, потому что зачата от животворящего Духа; а рожденное от Духа Дух есть (Ин. 3:6).

И если Иеремия говорит о Боге, что Он вел Израиля в пустыне: «...и не *рекоша, где есть Господь, изведый нас из земли Египетския, преведый нас по пустыни*» (Иер.2:6), – то

Исаия о Духе Святом сказал, что Он водил Израиля в пустыне. Ибо слышим, говорит он: «...проведе их сквозе бездну, якоже коня сквозе пустыню, и не утрудишься, и яко скоты по полю, и сниде Дух от Господа и настави их» (Ис.63:13). Апостол же пишет к коринфянам, что путеводителем был Христос: «...пияху бо от духовного последующаго камене, камень же бе Христос» (1Кор.10:4).

И если Павел говорит, что призван он Богом, а именно: «Бог избравши мя от чрева матере моея, и призывавый благодатию Своею явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех» (Гал.1:15–16), – то римляне именуют призванными Христом, пиша к ним: «...в нихже есте и вы, звани Иисусу Христу» (Рим. 1:6). А о Павле и Варнаве рече Дух Святой (Деян.13:2), что Им призваны благовествовать Христа у язычников; и всего удивительнее, что Дух Святой оказывается пославшим Павла и Варнаву проповедывать Христа язычникам, когда Иисус рече Павлу в Церкви: «...иди, яко Аз во языки далече пошлю тя» (Деян.22:21); и Павел пишет Галатам: «Павел Апостол, ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем воскресившим Его из мертвых» (Гал.1:1); и несколько ниже: «...скажу же вам, братие, благовествование сие, яко несть по человеку: ни бо аз от человека приях е, ниже научихся, но явлением Иисус Христовым» (Гал.1:11).

И пророки иногда говорят от лица Отца, как, например, в Псалмах говорит Бог: «...единою кляхся о святем Моем, аще Давиду солжу: семя его во век пребудет, и престол его яко солнце предо Мною» (Пс.88:36–37); и еще «...от плода чрева твоего посажду на престоле твоём» (Псал. 131:11), как и Петр сказал: «Давид пророк убо сый, и ведый, яко клятвою клятся ему Бог от плода чресл его по плоти посадити Христа на престоле его» (Деян.2:30); а иногда от лица Сына, как, например, говорит Исаия: «...так глаголет Господь: вас ради присно имя Мое хулится во языцех: сего ради познают людие Мои имя Мое в той день, яко Аз есм Сам глаголяй, ту есм» (Ис.52:5–6); иногда же от лица Святого Духа, как, например, говорит пророк Агав: «так глаголет Дух Святой: мужа,

егоже есть пояс сей» (Деян.21:11); и еще Павел пишет к Тимофею: «Дух явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры» (1Тим. 4:1); и также «рече Дух к Филиппу: приступи и прилепися к колеснице сей, мурина евнуха» (Деян.8:29). И пророк Иезекииль, жалуясь на ветхий народ, сказал: «...и опечалили Мя во всех сих, глаголет Господь» (Иез.16:43); а Павел к народу новому пишет: «...не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже зна́менаетесь в день избавления» (Еф. 4:30). Давид говорит об Иудеях: «...и преогорчиша Бога в пустыни» (Пс.77:40); а Исаия о них же сказал: «...тии же не покоришася, и разгневаша Духа Святаго, и обратися им на вражду» (Ис.63:10); и Стефан говорит в Деяниях: «...жестоковыйнии и необрезанныи сердца и уши, вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши» (Деян.7:51).

И Павел иногда говорит об Отце: «Бог оправдаяй, кто осуждаяй» (Рим.8:33); а подобно то же самое сказует о Сыне и о Святом Духе: «...но омыстесь, но освятитесь, но оправдистесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор.6:11).

Господь о Себе говорит сатане: «...не искусиши Господа Бога твоего» (Мф.4:7); а Петр сказал Сапфире: «...что яко согласистася, искусити Духа Господня» (Деян.5:9)?

Бог все содержит и наполняет, как говорит и чрез Исаию: «...небо и землю Я наполняю, глаголет Господь»; а Павел подобно сему пишет и о Сыне: «...сшедый, Той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая» (Еф.4:10). Давид то же говорит и о Святом Духе: «...камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу» (Пс.138:7)? Сказав же: «Камо пойду от Духа Твоего, – показал он нам, что Святой Дух наполняет все. – И от лица Твоего камо бежу? Аще възыду на небо, Ты тамо еси аще сниду во ад, тамо еси. Но кто сходил во ад кроме Сына, восставшаго из мертвых?»

И если Стефан говорит в Деяниях: «Бог славы явился отцу нашему Аврааму» (Деян.7:2), то Павел то же говорит и о Сыне: «...аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли» (1Кор.2:8); а подобно сему говорит и Давид: «Господь сил, Той

есть Царь славы (Псал.23:10). Ибо единая есть слава Отца и Сына и Святаго Духа: «славы Моея», – сказано в Писании, – «иному не дам» (Ис.48:11). И Сын – не второй Бог, но Слово единого и единственного Бога, богоглаголемое во Отце, как и Отец богоглаголется в Сыне. Так говорит Исаия, со Отцем именуя Богом и Сына: «...и поклонятся Тебе, и в Тебе помолятся: яко в Тебе Бог есть, и несть Бога разве Тебе. Ты бо еси Бог, и не ведехом, Бог Израилев Спас. Постыдятся и посрамятся вси противящиися Ему» (Ис.45:14–16). Противятся же Ему неисповедующие, что Он и Дух Его одной и той же сущности со Отцем и что нет Бога, кроме Его, а также стыдящиеся Его страданий и обнищания. Ибо никто не может знать Бога, если Распятого и Воскресшего из мертвых с Апостолом Фомаю не исповедует Господом и Богом (Ин.20:28). Он говорит Апостолам Своим: «...аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отселе познасте Его и увидите Его. Глагола Ему Филипп: Господи, покажи нам Отца, и довлеет нам. Глагола Ему Иисус: толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе? Видевый Мене, виде Отца Моего: и како ты глаголеши, покажи нам Отца? Не веруеши ли, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть? Глаголы, яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю: Отец же Мой во Мне пребываяй, Той творит дела. Веруйте Мне, яко Аз во Отце Моем, и Отец во Мне есть: аще ли же ни, за та дела веруйте Ми» (Ин. 14:7–11). Дело же Бога Отца изгонять бесов; а Господь говорит, что Духом Святым изгоняет бесов: «...аще ли же Аз, – сказано, – о Дусе Божиим изгоню бесы» (Мф.12:28); и по сказанному у Луки: «...аще ли же Аз о персте Божиим изгоню бесы» (Лк. 11:20). Ибо Писание, когда Христа именует мышцею Отчею, тогда Духа Святого называет перстом Божиим; и когда Сына именует Словом Божиим, тогда Святого Духа называет дуновением Божиим.

И еще Апостол говорит: «...егда предаст царство Богу и Отцу, егда испразднит всяко начальство и всяку власть и силу, подобает бо Ему царствовать, Дóндеже положит вся враги под ногама Своима. Последний же враг испразднится смерть. Вся бо покори под нозе Его, внегда же рещи, яко вся

покорена суть Ему, яве, яко разве Покоршаго Ему вся. Егда же покорит Ему всяческая, тогда и Сам Сын покорится Покоршему Ему всяческая, да будет Бог всяческая во всех» (1Кор. 15:24–28). Сие говорит Апостол о покорности мира покоренного во плоти Его. Ибо о Божеском царствии Его Даниил выразился, что «царствию Его не будет конца» (Дан. 7:14); как, по сказанию Луки, Ангел Гавриил сказал Деве о Господе: «и воцарится во веки и царствию Его не будет конца» (Лк. 1:33). Апостол же говорит, что царствие Его имеет конец, сказано: «...подобает бо Ему царствовать, Дóндеже положит вся враги под ногама Своима»; подобно сему и Давид говорит: «...рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ног Твоих» (Пс. 109:1); и словом седи означает начало; а словами дондеже положены будут враги Твои, указывает конец. «Егда же покорит Ему всяческая, тогда и Сам Сын покорится Покоршему Ему всяческая, да будет Бог всяческая во всех». Это значит, когда все мы покоримся Сыну, окажемся членами Его и соделаемся в Нем сынами Божиими. "Вы бо, – сказано, – едино есте о Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Тогда и Сам Он покорится за нас Отцу, как Глава за членов Своих. А пока не все еще члены Ему покорены, дотоле и Глава их, ожидая членов Своих, не покорена еще Отцу. А если бы и Он был единым из покоряемых, то покорился бы Отцу вначале, а не под конец совершил бы сие. Ибо мы в Нем покоряемся Отцу, мы в Нем царствуем, пока не положены будут враги наши под ногами нашими. По причине врагов наших Владыка небес явился в нашем подобии и приял человеческий престол Давида, отца Своего по плоти, чтобы воссоздать и управить оный; а когда будет управлен и все мы воцаримся в Нем, управляемое человеческое царство предаст Он Отцу, «да будет Бог всяческая во всех» (1Кор. 15:28), и будет царствовать чрез Него, как чрез Божие Слово, царствовав чрез Него прежде, как чрез человека Спасителя.

И когда Петр говорит: «Твердо убо да разумеет весь дом Израилев, яко и Господа и Христа Его сотворил есть Бог, Сего Иисуса, егоже вы распяте (Деян. 2:36), – не о Божестве Его говорит: яко и Господа и Христа Его сотворил есть, но о

человечестве Его, которое есть вся Церковь, в Нем господствующая и царствующая по распятии, и помазуемая на царство небесное, чтобы соцарствовать с Ним, истощившим Себя за нее и восприявшим ее чрез принятие рабия зрака. Ибо Сын Божий, Божие Слово всегда был Господь и Бог; и не по распятии сотворен Господом и Христом, но как сказано прежде, Божество Его сотворило, что человечество Его стало Господом и Христом.

И когда говорит: *«Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия»*, (Мф.26:39) *«обаче не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк.22:42), *«дух убо бодр, плоть же немощна»* (Мф. 26:41), показывает сим две воли: человеческую, свойственную плоти, и Божескую, свойственную Богу; и человеческая по немощи плоти отрекается от страдания, а Божеская Его воля готова на оное. И Петр, услышав о страдании, убоялся и сказал: *«Милосерд Ты, Господи»*. Господь же, укоряя его, говорит: *«...иди за Мною, сатано: соблазн Ми еси, яко не мыслиши яже Божия, но человеческая»* (Мф.16:23). Так разумеется и здесь. В подобии человечеством быв, отрекается от страдания как человек; но как Бог, не причастный страданию по Божеской сущности, с готовностью принял страдание и смерть. Посему-то не бъяше мощно держиму быти Ему, потому что в подобии человеческом был Бог, и умирающий по воле Своей, и воскрешаемый собственною Своею властью, как Бог, о чем говорил и Давид: *«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»* (Пс.67:2). И потом: *«...востани, Господи Боже мой, повелением имже заповедал еси, и сонм людей обыдет Тя: и о том на высоту обратися. Господь судит людем»* (Пс.7:10). Говорит же и Апостол в другом месте: *«пострадал от немощи, но жив есть от силы Божия»*(2Кор.13:4). Но сила Божия есть Сын, страдавший от немощи, то есть от сопряжения с плотью, и молившийся об освобождении от страдания как человек, но пребывающий живым по причине силы Своей.

И если Господь в Евангелии от Иоанна говорит: *«Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога и егоже послал еси Иисус Христа»* (Ин.17:3), – то сей же Иоанн в другом месте называет Сына истинным Богом. Ибо говорит:

«Вемы, яко Сын Божий прииде и дал есть нам разум, да познаем Бога истинного и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе: Сей есть истинный Бог и живот вечный» (1Ин.5:20). Посему Сын – истинный Бог и прежде нежели соделался человеком, и после того, как стал Ходатаем Бога и человеков, человеком Иисус Христом. Сие значат слова: Егоже послал еси Иисус Христа, Который в единении со Отцем по духу, а с нами по плоти, и таким образом стал Ходатаем Бога и человеков. Один и тот же есть не просто человек, но и Бог, как говорит и Иеремия: «Сей Бог наш, не вменится ин к Нему. Изобрете всяк путь хитрости, и даде ю Иакову отроку Своему, и Израилю возлюбленному от Него. Посем на земли явися и с человеки поживе» (Вар.3:36–38). Когда же поживе с человеки, не тогда ли, как подобно им родился от жены, был младенцем, возрастал, вкушал пищу? И в другом месте говорит Иеремия: «Глубоко сердце Ему паче всех, и человек есть, и кто познает Его» (Иер.17:9)? А подобно сему и Исаия говорит: «Яко Отроча родися нам, и Сын дадеся нам, егоже началство бысть на раме Его: и нарицается имя Его велика совета Ангел, Чуден, Советник, Бог крепкий, Властелин, князь мира, Отец будущего века» (Ис.9:6). И в другом месте: «...се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказуемо: с нами Бог» (Мф.1:23). Итак, родившийся от Девы и соделавшийся человеком от Богородицы Марии есть Бог. И еще в другом месте говорит Исаия: «...видехом Его, и не имяше вида, ни доброты» (Ис.53:2). Ибо егоже видел он прежде в Божеском и преславном образе, сидящего на престоле высоком и превознесенном и славословимого серафимами, которые взывали: «Свят, свят, свят Господь Саваоф» (Ис.6:3); а после сего видит Его приившего зрак раба и в подобии человеческого. Потому говорит: «...видехом Его, и не имяше вида, ни доброты: но вид Его бесчестен, умален паче всех сынов человеческих: человек в язве сый, и ведый терпети болезнь, яко отвратися лице Его, бесчестно бысть, и не вменися. Сей болезни наша носит и о нас болеует, и мы вменихом Его быти в труде, и в язве, и во озлоблении. Той же язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония

наша» (Ис. 53:2–5). И в другом месте говорит о Нем: «...се, Бог наш суд воздает, и воздаст, Той приидет и спасет нас. Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат. Тогда скочит хромый яко елень, и ясен будет язык гугнивых» (Ис.35:4–5). И еще в другом месте: «...не Ангел, ниже ходатай, но Сам Господь спасе нас» (Ис. 63:9). А Давид говорит: «...мати Сион речет: человек и человек родися в нем: и Той основа ъ Вышний» (Пс.86:5). Ибо Сей Человек, родившийся в Сионе, есть Сам Вышний, как говорит Давид в другом псалме: «...и да познают, яко имя Тебе Господь, Ты един Вышний по всей земли» (Пс.82:19).

Сие же написали мы отчасти, «да не ктому», – как сказал Апостол, – «бываем младенцы, влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человечесстей, в коварстве козней льщения» (Еф.4:14).

На ариан слово третье⁹.

Ариане, как видно, однажды решившись быть отступниками и противниками истины, упорно домогаются, чтобы к ним относилось написанное: *«...егда приидет нечестивый во глубину зол, не радит»* (Притч.18:3). Обличаемые не успокоятся, приведенные в затруднение не чувствуют стыда, но как *лице жены блудницы*, не хотят *постыдятся ко всем* (Иер.3:3) в своих нечестиях. поскольку изречения, которые выставляют они на вид: *Господь созда Мя* (Притч. 8:22), и *лучший быв Ангелов* (Евр.1:4), и *первородный* (Рим. 8:29), и *верна суца Сотворшему Ею* (Евр. 3:2), имеют правый смысл и показывают благочестивое верование во Христа, то они (не знаю, почему), снова, как напоенные змеиным ядом, не видя того, что должно видеть, не понимая того, что читают, изрыгнув из глубины нечестиваго сердца своего, начали уже порицать сказанное Господом: *«Аз во Отце, и Отец во Мне есть»* (Ин.14:10), говоря, как может вмещаться и Сын во Отце и Отец в Сыне? Или вообще, как может Отец, Который больше, вмещаться в Сыне, Который меньше? Или что удивительнаго, если Сын во Отце, когда и о нас написано: *«...в Нем живем, движемся и есмы»* (Деян. 17:28)?

Они впадают в сие вследствие своего злоумия, думая, что Бог есть тело, и не понимая, что такое истинный Отец и истинный Сын, что такое невидимый и вечный свет и невидимое сияние Его, что такое невидимая ипостась и бесплотный образ. А если бы знали, то не стали бы осмеивать и хулить Господа славы и, бесплотное понимая телесно, перетолковывать сказанное в добром значении. Слыша сие, достаточно было бы знать, что говорит Господь, и веровать; ибо вера в простоте лучше излишних словопрений. Но поскольку вознамерились они к утверждению своей ереси ругаться и над сим, то необходимо обличить их злоумие и для ограждения верных показать истинный смысл.

Слова *Аз во Отце, и Отец во Мне есть* не означают, как думают еретики, будто бы Они один в другого перемещаются,

подобно пустым сосудам наполняемые друг другом, так что Сын наполняет пустоту в Отце, а Отец наполняет пустоту в Сыне, каждый же из Них неполон и несовершен. Ибо сие свойственно телам, потому даже и говорить это совершенно нечестиво. Отец полон и совершен, и Сын есть полнота Божества. И еще, Бог в Сыне не так, как бывает Он во святых, сообщая им крепость; потому что Сын есть Отчая сила и Премудрость. Существа созданные освящаются Духом чрез общение с Сыном; а Сам Сын не по причастию Сын, но есть собственное рождение Отца. И еще, не в таком смысле Сын во Отце, в каком мы *в Нем живем и движемся и есмы*; потому что Сын есть как из источника, из Отца лиющаяся жизнь, которую все животворится и существует. А жизнь живет не другою жизнью, иначе не была бы она и жизнь; напротив же того, Сам Сын все рождает в жизнь.

Посмотрим же, что говорит защитник ереси софист Астерий; ибо он, соревнуя в этом иудеям, написал следующее: «Явно, что и Себя наименовал во Отце, и также Отца в Себе, означая тем, что и слово, Им преподаваемое, есть не Его, но Отчее, и дела суть не Его собственные, но Отца, давшего Ему силу». Но если бы сказал сие просто отрок, то было бы ему извинительно по возрасту. поскольку же написавший это есть так называемый софист, возвещающий о себе, что знает все, то какого достоин он осуждения? И не показывает ли себя чуждым Апостолу, превозносясь *препретельными словесами премудрости* (1Кор.2:4) и думая, что может обольстить ими, когда сам не понимает, что говорит и о чем спорит? Что Сын наименовал свойственным и приличным одному Сыну, как Слово и Премудрости и образу Отчей сущности, то Астерий относит ко всем тварям и делает общим и Сыну и тварям. Сей беззаконник говорит о силе Отца, будто бы она приемлет в себя силу, чтобы, по своему злочестию, можно было с последовательностью сказать ему, что Сын усыновлен в Сыне, и Слово прияло власть слова. И он не хочет еще согласиться, что сие сказано Сыном, как Сыном, но и Его, как приемлющего и научившегося сему, ставит в один ряд со всеми созданиями.

Если Спаситель сказал: *«Аз во Отце, и Отец во Мне»*, не потому, что произнесенные Им слова суть слова Сына, но потому, что это суть слова и дела Отца, то и Давид говорит: *«...услышу, что речет о мне Господь Бог»* (Пс.84:9); и Соломон: *«...моя словеса рекошася от Бога»* (Притч.31:1). И Моисей был служителем словес, изреченных Богом; и каждый пророк говорил не от себя, но от Бога: *«...сице глаголет Господь»*; и дела, какие совершали святые, называли они не своими, но приписывали Богу, подавшему силу. Так Илия и Елисей призывали Бога, чтобы Он воскресил мертвецов. Нееману, очистив его от проказы, говорит Елисей: *«...да разумеешь, что есть Бог во Израиле»*; и сам Самуил во дни жатвы молился Богу, чтобы дал дождь; и Апостолы говорили, что творят знамения не своею силою, но по благодати Господа. Из всего явствует, что сие изречение могло бы для всех быть общим, и каждый, подобно Спасителю, мог бы сказать: *«Аз во Отце, и Отец во Мне»*. И потому уже не один Он есть Сын, Слово и Премудрость, а только в числе многих. Но если бы в таком смысле говорил Господь, то надлежало бы Ему сказать не так: *«Аз во Отце, и Отец во Мне»*, но лучше: *«... и Я во Отце, также Отец и во Мне»*, чтобы показывало сие не собственное и исключительное отношение Его ко Отцу, как Сына, но общую Ему со всеми благодать. Но не так сказано, как думают еретики. Не признавая, что Он есть преискренний Сын от Отца, клеветуют они напреискренного Сына, Которому одному приличествует о Себе сказать: *«Аз во Отце, и Отец во Мне»*. Сын во Отце, сколько сие можно постигать; потому что всецелое бытие Сына собственно принадлежит Отчей сущности; Сын от Отца, как сияние от света, как поток из источника. Посему кто видит Сына, тот видит и представляет собственно принадлежащее Отцу. Так, бытие Сына, будучи от Отца, и есть во Отце, и Отец в Сыне. Ибо что собственно от Отца, то есть Сын. Он в Сыне, как в сиянии солнце, как в слове ум, как в потоке источник. Таким образом, кто видит Сына, тот видит и представляет собственно принадлежащее Отчей сущности; потому что Отец в Сыне. поскольку бытие Сына есть Отчий

образ и Отчее Божество, то следует, что Сын во Отце и Отец в Сыне.

Поэтому, Спаситель справедливо, сказав прежде: «*Аз и Отец едино есма (Ин.10:30)*», – присовокупил: *Аз во Отце, и Отец во Мне*», чтобы показать тождество Божества и единство сущности. Они едино не в том смысле, что оно разделено на две части, которые из себя составляют одно, и не в том смысле, что одно поименовано дважды, так что один и тот же иногда есть Отец, а иногда Сын Самого Себя; так думавший Савеллий признан еретиком. Напротив того, два суть по числу, потому что Отец есть Отец, и не Он же есть Сын, и Сын есть Сын, и не Он же есть Отец; но естество одно, потому что рождение не неподобно Родившему, и есть Его образ, и все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Сыну. Поэтому Сын есть не другой Бог, ибо не совне примышлен. Иначе, без сомнения, было бы много богов, если бы примышлено было чуждое Божество, кроме Божества Отчего. Если Сын есть иное, как рождение, то Он то же самое, как Бог. Он и Отец суть едино, как сказано, по свойственности и сродственности естества и по тождеству единого Божества. Ибо и сияние есть свет, а не второе что по солнцу, не иной свет, не свет по причастию света, но всецелое собственное его порождение. Таковое же порождение по необходимости есть единый свет, и никто не скажет, что суть два света; но хотя солнце и сияние суть два, однакоже один от солнца свет, в сиянии светящий повсюду. Так и Божество Сына есть Божество Отца, а потому оно и нераздельно; и таким образом, един Бог, и нет иного кроме Его.

Поелику Они едино, и Божество одно и то же, то, кроме наименования Отец, то же самое скажется о Сыне, что скажется об Отце; так, например, Сын именуется Богом: *и Бог бе Слово; Вседержителем: сия глаголет Иже бе, и сый, и грядый, Вседержитель (Откр.1:8)*; Господом: *един Господь Иисус Христос (1Кор.14:6)*. Говорится, что Сын есть свет: *Аз есмь свет (Ин. 8:12)*; изглаждает грехи: *но да у весте. Сказано, яко власть иметь Сын Человеческий на земли отпущати грехи (Лк.5:24)*. А найдешь и многое иное. Ибо Сам Сын говорит: «*...вся, елика иметь Отец, Моя суть (Ин.16:15)*», и

Моя Твоя суть» (Ин.17:10). Кто слышит, что свойственное Отцу скажется о Сыне, тот и чрез сие узрит Отца в Сыне; узрит же и Сына во Отце, когда сказуемое о Сыне скажется также и об Отце. Почему же о Сыне скажется свойственное Отцу? Не потому ли, что Сын есть Отчее рождение? Почему же и свойственное Сыну принадлежит Отцу? Не потому ли опять, что Сын есть собственное рождение Отчей сущности? Будучи же собственным рождением Отчей сущности, Сын справедливо именуется Своим принадлежащее Отцу.

Посему прилично и согласно с сказанным: *Аз и Отец едино есма, присовокупил: да разумеете, яко Аз во Отце, и Отец во Мне есть*, а прежде сего сказал еще: *видевый Мене виде Отца* (Ин.14:9). И в сих трех изречениях один и тот же смысл. Таким образом, кто уразумел, что Сын и Отец едино суть, тот знает, что Сын во Отце и Отец в Сыне, потому что Божество Сына есть Божество Отца, и Оно то же в Сыне. И кто постиг сие, тот верует, что *видевый Сына виде Отца*, потому что в Сыне созерцается Божество Отца.

Сие же ближе иной может усмотреть в подобии царского изображения; потому что в изображении есть вид и образ царя, а в царе есть вид представленного в изображении; представленное в изображении подобие царя неотлично от него; почему кто смотрит на изображение, тот видит в нем царя, и наоборот, кто смотрит на царя, тот узнает, что он представлен в изображении. А по сему безразличию подобия, желающему после изображения видеть царя изображение может сказать: «Я и царь – одно и то же; я в нем, и он во мне. Что видишь во мне, то усмотришь и в нем; и что видел ты в нем, то усмотришь во мне». Посему кто поклоняется изображению, тот поклоняется в нем царю, потому что изображение есть его образ и вид. Так, поскольку Сын есть образ Отца, то необходимо представлять себе, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытие Сына, и Сын есть всецелый Бог. Посему равен будучи Богу, *не восхищением непщева быти равен Богу* (Фил.2:6).

И еще, поскольку Божество и образ Сына принадлежит не иному кому, но Отцу, то сие и значит сказанное: *Аз во Отце. Так, Бог бе во Христе мир примиряя Себе* (2Кор. 5:19). Ибо Сын

есть собственность Отчей сущности, в Нем тварь примиряется с Богом. Так, что совершил Сын, все то есть дела Отца, Ибо Сын есть образ Отчего Божества, Которое совершило дела. Так, кто взирает на Сына, тот видит Отца; ибо в Отчем Божестве и есть и созерцается Сын, и Отчий образ в Сыне показывает в Нем Отца, и, таким образом, Отец в Сыне. А свойственное Отцу и Божество в Сыне показывает Сына в Отце и то, что Сын всегда неотделен от Отца. И кто сказуемое об Отце слышит или видит, как сказуемое также и о Сыне, не в том смысле, что по благодати или по причастию привзошло сие в сущность Сына, но в том, что самое бытие Сына есть собственное рождение Отчей сущности, тот, по замеченному выше, хорошо поймет сказанное: *Аз во Отце, и Отец во Мне; и Аз и Отец едино есма*. Сын таков же, каков и Отец, потому что имеет все, что свойственно Отцу, потому и подразумевается с именем Отца; никто не наименует Отцом, когда нет Сына. Называющий Бога Творцом не означает сим непременно и сотворенного, потому что Творец прежде тварей; но кто именует Бога Отцом, тот вместе со Отцом дает разуместь и о существовании Сына. Посему, кто верует в Сына, тот верует во Отца, потому что верует в свойственное Отчей сущности. И таким образом, одна есть вера во единого Бога. Кто поклоняется Сыну и чтит Его, тот в Сыне поклоняется Отцу и чтит Отца, потому что Божество едино. Посему единая честь и единое поклонение, именно то, которое в Сыне, и чрез Него воздается Отцу; и поклоняющийся так поклоняется единому Богу, потому что Бог един, и нет иного кроме Его.

Посему когда один Отец именуется Богом и говорится, что Бог един: *Аз есмь, и несть Бог разве Мене* (Втор.32:39), и *Аз первый и Аз и по сих* (Ис. 44:6), тогда говорится сие прекрасно; потому что един есть Бог, единственный и первый. Но говорится сие не в отрицание Сына. Да не будет сего. Ибо и Он в едином, и первом и единственном, как единственное Слово единого и первого и единственного, Его Премудрость и сияние. Но и Сам Он есть первый и исполнение первого и единого Божества, всецелый и совершенный Бог. Следовательно, не ради Его говорится сие, но показывает, что нет другого такого же, каков

Отец и каково Его Слово. И этот смысл пророческих слов всем явен и очевиден.

Но нечестивые и сие выставляя на вид, хулят Господа и нас укоряют, говоря: «Вот Бог называется единым, единственным и первым; как же говорите вы, что Сын есть Бог? Если бы и Сын был Бог, то не сказал бы Сам Бог: «Я единственный, или Бог есть един». Посему, необходимо, сколько можно, объяснить смысл и сих изречений, чтобы и из этого все уразумели, что ариане подлинно богоборцы.

Ежели у Сына есть соперничество со Отцом, то пусть слышат такие слова. Или если, как Давид выслушал об Адонии и Авессаломе, так и Отец взирает на Сына, то пусть Сам к Себе говорит и произносит такие слова, чтобы Сын, именуя Себя Богом, не отвлек иных от Отца. Если же кто знает Сына, тот лучше знает Отца, потому что Сам Сын открывает ему Отца; и он, как сказано, лучше узрит Отца в Слове; Сын же, пришедши, прославлял не Себя, но Отца, когда говорил приступившему к Нему: *что Мя глаголеши блага? Никтоже благ, токмо един Бог (Мф.19:17)*, и вопросившему: *кая заповедь бо́льши есть в законе (Мф. 22:36)* отвечал: *слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть (Мк.12: 29)*; и народу говорил: *сنيдох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Ин.6:38)*, и учеников учил: *Отец Мой более Мене есть (Ин.14:28)*, и: *кто чтит Меня, чтит Пославшего Меня (Ин.5:23)*; если говорю, Сын таков к Своему Отцу, то какое противление между Ними, чтобы из подобных изречений выводить такое подозрение? С другой стороны, если Сын есть Отчее Слово, то у кого, кроме христорцев, станет безрассудства думать, что Бог изглаголал такое слово в оклеветание и отрицание Слова Своего? Это не христианская мысль. Да не будет сего! Не ради Сына написано сие, но в низложение измышленных людьми лжеименных богов. И сей смысл таковых речений имеет основательную причину. поскольку преданные лжеименным богам уклоняются от Бога истинного, то, как благий и благопопечительный о людях, Бог, взывая к заблудшим, говорит: *Аз есмь Бог един, и Аз есмь, и несть Бог разве Мене (Втор.32:39)*, и подобными сему

словами, чтобы посрамить не сущее, всех же обратить к Себе. И как, если бы кто среди дня и при сиянии солнца написал просто дерево, не имеющее в себе призрака света, и сказал бы, что сие изображение есть причина света; солнце же, смотря на сие, скажет: «Я одно составляю дневный свет, и нет другого дневного света, кроме меня», – то оно скажет сие, имея в виду не свое сияние, но обман, производимый изображением дерева и несходством пустого начертания. Так и изречения: *Аз есмь*, и *Аз есмь Бог един*, и *несть разве Мене* сказаны для отвращения людей от богов лжеименных и в научение их познать наконец истинного Бога. Без сомнения, Бог, говоря сие, изрек чрез Слово Свое, разве нынешние иудеи присовокупят и то, что не чрез Слово глагола Бог. Но хотя и беснуются сии чада диавола – так сказано в Писании. Ибо слово Господне было к пророку, и он слышал это. Если же Господне было Слово и чрез Слово изрек сие Господь, – а что говорит и делает Бог, не иначе говорит и делает, как в Слове, – то, конечно, богоборцы, не ради Его сказано сие, но по причине чуждых и не сущих от Него. Ибо и по сказанному выше подобию, если бы солнце произнесло означенные прежде слова, то, не вне имея свое сияние, но в сиянии являя свет свой, стало бы обличать заблуждение и говорить сказанное. Следовательно, не в отрицание Сына и не ради Его употреблены таковые изречения, но в низложение лжи.

Бог не говорил таких слов вначале Адаму, хотя с Ним было Слово, Которым вся быша. Тогда не было нужды, потому что не было идолов. Когда же люди восстали против истины и наименовали себе, каких хотели, богов, тогда настала нужда в подобных речениях к низложению не сущих богов. А я бы присовокупил: подобные изречения наперед сказаны и к вразумлению безрассудства христорборцев, что вымышляемый ими вне Отчей сущности бог не есть истинный, не есть образ и сын единственного и первого Бога. Посему, если Отец именуется единственным истинным Богом, то говорится сие не в отрицание Того, Кто сказал: *Аз есмь истина* (Ин. 14:6), но опять в отвержение неимеющих качеств быть истинными как Отец и как Слово Его. Ибо и Сам Господь непосредственно присовокупил: *и егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17:3). А

если бы Он был тварь, то не присоединил и не причислил бы Себя к Сотворшему Его. Ибо какое общение у истинного с неистинным? Теперь же, присоединив Себя к Отцу, показал тем, что Отчего Он естества и дал нам разуметь, что истинное Он рождение истинного Отца. Сие уразумев, и Иоанн научил нас, пиша в послании: *и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе Сей есть истинный Бог и живот вечный (1Ин.5:20)*. И поскольку о твари пророк говорит: *прострый един небо (Иов. 9:8)*, и Сам Бог: *Аз распрострох небо един (Ис. 44:24)*, то всякому сделалось явно, что речением *един* означает и Слово Единого, *Имже вся быша, и без Него ничтоже бысть (Ин.1:3)*. Итак, если тварь пришла в бытие Словом, Бог же говорит: *Аз един*, то вместе с Единым разумеется и Сын; Им сотворено и небо. Так, если говорится: *един Бог, и Аз един, и Аз первый*, то и Слово разумеется соприсущим в едином, единственном и первом, как сияние во свете. Сие же не может быть разумеемо об ином ком, кроме единого Слова, потому что все прочее из ничего произведено Сыном и далеко отстоит по природе. А Сам Сын по естеству от Отца и есть истинное рождение.

Поэтому изречение: *Аз первый*, которое сии неразумные думали представить в защиту своей ереси, обличает более их злоумие. Бог говорит: *Аз первый, и Аз по сих*. Итак, если как сопричисляемый к последующим за Ним тварям, именуется первым из них, и потому твари суть вторые по Нем, то, по мнению вашему, и Сам Он будет превосходить тварей только одним временем. А сие одно уже выше всякого нечестия. Если в означение того, что Он не от кого-либо другого, что ничего нет прежде Его, что Сам Он есть начало и вина всего, и в опровержение Еллинских басен сказал: *Аз первый*, -то явно, что при наименовании Сына первородным, не по причине сопричисления Его к твари называется Он первородным, но в показание того, что все созидаются и усыновляются чрез Сына. Ибо как Отец есть первый, так и Сын, поколику Он-образ первого и первый в Нем пребывает, есть первый же, но и рождение от Отца, и о Нем всякая тварь созидается и усыновляется.

Но еретики готовы и на сие возражать своими баснотворными вымыслами, говоря: «Не в том смысле Сын и Отец суть едино и подобны один другому, в каком проповедует сие Церковь, но в каком нам это угодно». Ибо говорят: «Поелику чего хочет Отец, того же хочет и Сын, и не противоречит Отцу и в велениях и в суждениях, напротив же того, во всем с Ним согласен, соблюдая тождество велений и преподавая учение сообразное и тесно соединенное с учением Отца, то в том смысле Он и Отец едино суть». И сие некоторые из еретиков осмелились не только говорить, но и писать. Но можно ли что сказать более несообразное и неразумное? Ибо если по сей причине Сын и Отец суть едино, и в этом только смысле Слово подобно Отцу, то следует, что и Ангелы и иные высшие нас существа, начала, власти, престолы, господства, даже видимые твари, солнце, луна и звезды, подобно Сыну, суть также сыны, и о них должно сказать, что они и Отец едино суть, и каждое из существ сих есть образ Божий и Слово Божие. Ибо чего хочет Бог, того же хотят и они, не разногласят ни в суждениях, ни в велениях, но во всем покорны Сотворившему. Они не пребыли бы в своей славе, если бы и сами не желали того, чего хочет Отец. И тому, кто не пребыл в сем согласии, но пренебрег оным, сказано: *како спаде с небесе денница восходящая завтра* (Ис.14:12)? В таком же случае, почему сей один есть едиnorodный Сын, и Слово, и Премудрость? И почему при таком множестве подобных Отцу Он один есть образ? Ибо и из людей найдутся многие подобные Отцу; много мучеников, а прежде них были пророки и Апостолы, и еще прежде сих патриархи. Многие и ныне соблюли заповедь Спасителю, соделавшись милосердыми, *якоже Отец, Иже на небесех* (Лк.6:36), и сохранили сказанное: *бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас* (Еф.5:1–2). Многие соделались подобными Павлу, как и он Христу (1Кор. 4:16). Однако же никто из них не есть ни Слово, ни Премудрость, ни едиnorodный Сын, ни образ; никто из них не дерзнул сказать: *Аз и Отец едино есма*, или *Аз во Отце, и Отец во Мне есть*. Напротив того, о всех сказано: *кто подобен Тебе в бозех, Господи* (Пс. 86:8)? Или

кто уподобится Господеви в сынех Божиих (Пс.88:7)? О Нем же говорится, что один Сын есть истинный и по естеству образ Отчий. Если и мы созданы по образу, именуемся образом и славою Божиею (1Кор. 11:7), то опять сию благодать звания имеем не сами по себе, но потому, что в нас обитает образ Божий и истинная слава Божия, то есть Слово Божие, ради нас соделавшееся напоследок плотию. поскольку и такое мудрование еретиков оказывается неприличным и неразумным, то необходимо подобие и единство относить к самой сущности Сына. Если же понимать не в том смысле, то окажется, по сказанному, что Сын ничем не преимуществует пред тварями, и Он не будет подобен Отцу, уподобится же велениям Отца и отличен будет от Отца, потому что Отец есть Отец, а веления и учение суть Отцовы. Посему если Сын подобен Отцу только по велениям и учению, то, по словам их, Отец будет Отцом только по имени, а Сын не будет неразличным образом, лучше же сказать, окажется вовсе не имеющим какого-либо свойства или подобия со Отцом. Ибо какое подобие и свойство у того, кто отличен от Отца? И Павел, который учит подобно Спасителю, не подобен Ему по сущности. Посему еретики, мудрствуя так, обманываются.

Сын и Отец едино суть в том смысле, как это сказано. Сын подобен Отцу и от Самого Отца, как только можно разуместь и представлять себе Сына в отношении к Отцу, как можно разуместь сияние в отношении к солнцу. поскольку таково бытие Сына, то когда делает Сын, делающий есть и Отец, и когда Сын приходит к святым, приходящий в Сыне есть Отец, как Сам Он возвестил, говоря: *«...приидем Аз и Отец, и обитель у него сотворим»* (Ин. 14:23). Ибо в образе созерцается Отец, в сиянии пребывает свет. Посему, как сказали мы несколько выше, когда Отец дает благодать и мир, дает их и Сын, как выражает это Павел, пиша во всяком послании: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Ибо одна и та же благодать, подаваемая от Отца в Сыне, как один свет в солнце и сиянии, и солнце светит посредством сияния. Так опять, молясь о фессалоникийцах и говоря: *Сам же Бог и Отец наш, и Господь наш Иисус Христос, да исправит путь*

наш к вам (1Фес.3:11), Павел соблюл единство Отца и Сына. Ибо не сказал: да исправят, как о двоякой благодати, подаваемой двоими, но да исправит, желая показать, что Отец подает благодать чрез Сына. Злочестивые еретики, хотя могли бы при сем почувствовать стыд, но не хотят. Если бы не было единства, если Слово не собственное рождение от Отчей сущности, как сияние от света, и Сын естеством далек от Отца, то было бы достаточно одного Отца, чтобы подавать благодать, не приобщая в даруемом к Сотворшему ни одной из тварей. Теперь же таковое даяние показывает единство Отца и Сына. Никто не станет молиться о приятии чего-либо от Отца и от Ангелов или от какой-нибудь другой твари, никто не скажет: «Да подаст тебе Бог и Ангел», – но просит и Отца и Сына по причине единства и единого даяния. Ибо даруемое дается чрез Сына, и что ни делает Отец, все делает чрез Сына. Потому и приемлющий имеет несомненную благодать.

Если же патриарх Иаков, благословляя внуков Ефрема и Манассию, сказал: *Бог, Иже питает мя из млада даже до дне сего, Ангел, Иже мя избавляет от всех зол, да благословит детища сия (Быт.48:15–16)*, – то к сотворшему их Богу присовокупил не одного из сотворенных и по естеству сущих Ангелов, и не у Ангела просил благословения внукам, оставив питающего его Бога, но сказав: *Иже мя избавляет от, всех зол*, показал тем, что это есть не сотворенный какой Ангел, но Божие Слово, Которому молился он совокупно со Отцом, и чрез Которого Бог избавляет, кого хочет. Зная, что Он именуется и Ангелом великого совета Отчего, Его, а не другого кого, нарек благословляющим и избавляющим от зол. Не того желал он, чтобы его самого благословил Бог, а внуков Ангел; но Кого сам призывал, говоря: *не пущу Тебе, аще не благословиши мене (Быт.32:26)*, а это был Бог, как говорит сам Иаков: *видех Бога лицом к лицу (Быт.32:30)*, – Того же умолял благословить и сынов Иосифовых. Ангелу свойственно служить Божью повелению; неоднократно Ангел предшествует народу Божию, чтобы изгнать Аморея и посылается охранять народ на пути; но и это не его есть дело, но повелевавшего ему и пославшего его Бога. Который один может избавлять, кого восхощет

избавить. Посему не иной кто, но Сам явившийся Господь Бог сказал Иакову: *се Аз есмь с тобою, сохраняяй тя на всяком пути, имже аще пойдеш* (Быт. 28:15); опять не иной кто, но явившийся Бог воспрепятствовал Лаванову злоумышлению, повелев Лавану, *да не возглаголет ко Иакову зла* (Быт. 31:24), и сам Иаков не иного кого, но Бога призывал, говоря: *изми мя от руки брата моею Исава, яко боюся его* (Быт. 32:11), и беседуя с женами, говорил: *не даде Бог Лавану зла сотворити мне* (Быт. 31:7). Посему и Давид не иного кого, но Бога умолял об избавлении: *к Тебе, Господи, внемли скорбети ми, воззвах, и услышал мя еси. Господи, избави душу мою от устен неправедных и от языка лъстива* (Пс.119:1–2). Ему восписуя благодарение, *глагола словеса песни* в семнадцатом псалме *в день, в оньже избави его Господь от руки всех враг его, и из руки Саула, и рече: возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое, и прибежище мое, и Избавитель мой* (Пс.17:1–3). И Павел, претерпев многие гонения, не иного кого, но Бога благодарил, говоря: *от всего избавил меня Господь, и избавит, наНьже уповахом* (2Кор. 1:10). Не иной кто, но Бог благословил Авраама и Исаака. И Исаак, молясь об Иакове, сказал: *Бог мой да благословит тя, и возрастит тя, и умножит тя: и будеш в собрания языков, и да даст тебе благословение Авраама отца моего* (Быт. 38:3–4). Если же благословлять и избавлять принадлежит не иному кому, но Богу, и избавляющий Иакова был не иной кто, но Сам Господь, патриарх же призывал на внуков избавляющего его самого, то явно, что в молитве не иного кого присоединил он к Богу, но Слово Его, Которое посему назвал и Ангелом, потому что Оно одно открывает нам Отца.

Сие же сделал и Апостол, говоря: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Ибо в таком случае и благословение было надежно по нераздельности Сына со Отцом, и потому, что даруемая благодать есть одна и та же. Хотя дает Отец, но даруется чрез Сына. Хотя Сын именуется дарствующим, но чрез Сына и в Сыне подает Отец. *Благодарю, – говорит Апостол в послании к Коринфянам, – Бога моего всегда о вас, о благодати Божией, данной вам о Христе*

Иисусе (1Кор.1:4). Сие же самое можно видеть в свете и сиянии. Чтò освещает свет, тò озаряет сияние; и чтò озаряет сияние, тò есть освещение самого света. Так и когда видим Сын, видим и Отец, потому что Сын есть Отчее сияние. И таким образом, Отец и Сын едино суть.

Но сего никто не скажет о созданных вещах и о тварях. Когда делает Отец, не делает того же кто-нибудь из Ангелов или иная какая тварь; ни одна из тварей не есть творящая причина, но все они в числе созданных. Сверх того, они отделены и далеки от Единого, инаковы с Ним по естеству, и сами будучи дела, не могут делать того, чтò делает Бог, не могут, как сказал я прежде, содарствовать, когда дарствует Бог. Взирая на Ангела, никто не скажет, что видел Отца. Ибо Ангелы, как написано, *суть служебнии дуси, в служение посылаеми* (Евр. 1:14), и о дарах, подаваемых от Бога Словом, возвещают приемлющим. И сам явившийся Ангел исповедает о себе, что послан он Владыкою; так, Гавриил Захарии и Богородице Марии сам сие исповедал. Кто видит явление Ангелов, тот знает, что видит Ангела, а не Бога. Захария видел Ангела, а Исаия видел Господа. Маное, отец Сампсонов, видел Ангела, а Моисей зрел Бога. Гедеон видел Ангела, Аврааму же явился Бог. И кто видел Бога, тот не говорил, что видел Ангела; а кто видел Ангела, тот не думал, что видел Бога. Ибо много, или лучше сказать, совершенно по естеству различны созданные существа с сотворившим их Богом.

Если же иногда при явлении Ангела видевший слышал глас Божий, как было при купине, *ибо явися Ангел Господень в пламени огненне из купины, и воззва Господ Моисею из купины, глаголя: Аз есмь Бог отца твоего, Бог Авраамов, Бог Исааков, и Бог Иаковль*, (Исх. 3:2, 4, 6)- то не Ангел был Бог Авраамов, но в Ангеле был глаголющий Бог; и хотя видим был Ангел, но глаголал в нем Бог. Ибо как в облачном столпе глаголал Бог Моисею в скинии, так и в Ангелах является Он глаголющим. Так и Навину глаголал Он чрез Ангела.

Но чтò глаголет Бог, тò, как известно, глаголет чрез Слово, а не чрез иного кого. И чтò делает Слово, которое неотлучно от Отца, не подобно и не чуждо Отчей сущности, тò суть дела

Отца; и Слово со Отцем единое совершает дело. И что́ дает Сын, то́ есть Отчее даяние. И кто видел Сына, тот знает, что видел Его, видел не Ангела, и не существо высшее Ангелов, не какую-либо тварь, но Самого Отца. И кто слышит Слово, тот знает, что слышит Отца, как и озаряемый сиянием знает, что освещается солнцем.

И Божественное Писание, желая, чтобы так разумели мы, представило нам, о чем говорили мы и прежде, такие подобия, которыми могли бы мы и пристыдить предателей иудеев, и отразить обвинение еллинов, когда они говорят и думают, будто бы в учении о Троице и мы признаем многих богов. Ибо, как показывают самые подобия, не вводим мы трех начал, или трех отцев, как последователи Маркиона и манихеи. Не трех солнц представляем образ, но солнце и сияние, и один свет от солнца в сиянии. Так знаем единое начало и говорим, что зиждительное Слово имеет не иной какой образ Божества, но Божество единого Бога, потому что рождено от Бога.

Посему ариане гораздо справедливее могут быть обвиняемы в многобожии или безбожии, потому что суесловят, будто Сын есть тварь отвне и Дух из ничего. Ибо говорят, что Слово – не Бог, или и называя Его Богом по причине написанного, но не собственно принадлежащим Отчей сущности, по разнородности Отца и Сына, вводят многих богов, если только не осмеливаются утверждать, что и Слово нарицается Богом по причастию, в каком смысле и все может быть так названо. Но и так думая, равно нечествуют, говоря, что Слово есть одна из всех тварей. А нам и на ум никогда не приходило сего. Ибо один вид Божества, который есть и в Слове, и один Бог Отец самосуший, потому что Он *над всем*, (Рим. 9:5), являющийся в Сыне, потому что *проникает чрез всяческая* (Прем. 7:24), и в Духе, потому что во всех действует о Нем чрез Слово. Так исповедуя Троицу, исповедуем единого Бога и гораздо благочестивее рассуждаем о Боге, нежели еретики, признающие многовидное и многочастное Божество; потому что признаем единое в Троице Божество. Ибо если не так, напротив того, Слово из не сущих, есть тварь и произведение, то Оно или не есть Бог истинный, потому что

есть одна из тварей; или, если еретики, постыждаемые Писанием, называют Его Богом, то по необходимости должны именовать двух богов: одного Творца, другого же сотворенного – и служить двум господам: одному Несозданному, другому же созданному и твари; иметь две веры: одну в истинного Бога, другую же в сотворенного, или вымышленного и наименованного Богом. А слепотствуя таким образом, по необходимости должны, когда поклоняются Несозданному, презирать созданного, а когда приступают к твари, отвращаться от Творца. Ибо невозможно видеть одного в другом; потому что чужды и различны между собою их естества и действия. А так думающие непременно сочетают во едино многих богов – к сему ведет начинание отпадающих от единого Бога. Почему же ариане, так рассуждая и представляя, не причисляют себя к язычникам? Ибо как те, так и они служат твари паче сотворившего всяческая Бога. Хотя избегают они именования язычниками для обольщения несмысленных, однако же в тайне содержат мысль, подобную языческой. Ибо и мудрое это изречение, обыкновенно ими употребляемое: «...не именуем двух несозданных», употребляют, по-видимому, для обольщения простодушных. Говоря: «...не именуем двух несозданных», именуют двух богов и богов, имеющих различные естества: одного имеющего естество созданное, а другого – несозданное. Если язычники служат одному Несозданному и многим созданным, они же одному Несозданному и одному созданному, то и в таком случае не различаются от язычников, потому что именуемый у них созданным есть один из многих созданных, а также и многие языческие боги с сим одним имеют то же естество; и сей один и те суть твари. Жалки еретики, тем более, что сами себе вредят, мудрствуя против Христа: отпали они от истины и, отрицаясь от Христа, превзошли иудеев в предательстве, погрязают же вместе с язычниками сии богоненавистники, служа твари и различным богам.

Един есть Бог, а не многие, и едино есть Слово Божие, а не многие. Бог есть Слово. Оно одно имеет Отчее видение. Сим-то будучи видением, Сам Спаситель постыждает иудеев, говоря:

Пославый Мя Отец Сам свидетелствова о Мне. Ни гласа Его нигдеже слышасте, ни видения Его видесте: и словесе Его не имате пребывающа в вас, зане, егоже Той посла, Сему вы веры не емлете (Ин.5:37–38). Прекрасно к Слову присовокупил видение, показывая сим, что Само Слово Божие есть изображение и образ и видение Отца Своего, и что иудеи, неприявшие Глаголавшаго сие, не приняли Слова, то есть Божия видения. Сие-то видение патриарх Иаков узрев, был благословлен и вместо Иакова наречен от Него Израилем, как свидетельствует Божественное Писание, говоря: *воссия же ему солнце, егда преиде вид Божий (Быт.32:31).* Но вид сей был Тот, Кто говорит: *видевый Мене виде Отца, и Аз во Отце, и Отец во Мне; и Аз и Отец едино есма.* Так един есть Бог, и одна вера в Отца и Сына. И поскольку Слово есть Бог, то опять *Господь Бог наш Господь един есть (Втор.6:4),* потому что Он есть собственный и нераздельный Сын по свойственности и сродству сущности.

Но непостыждаемые и сим, ариане говорят: «Не как вы говорите, но как нам хочется. поскольку отвергли вы прежние наши вымыслы, то нашли мы новый, и утверждаем: в таком же смысле Сын и Отец суть едино, Отец в Сыне, и Сын во Отце, в каком и мы можем быть в Нем. Сие написано в Евангелии от Иоанна, сего Христос желал и для нас, говоря: *Отче Святый, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино якоже и Мы (Ин.17:11);* и еще чрез несколько слов: *не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да еси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут: да и мир веру иметь, яко Ты Мя послал еси. И Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есмы: Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино, и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси (Ин.17:20–23).*». Потом сии хитрецы, как бы нашедши предлог, присовокупляют сие: «Если как мы во Отце бываем едино, так Он и Отец едино суть, так и Он есть во Отце, – то почему же по сказанному Им: *Аз и Отец едино есма, и Аз во Отце, и Отец во Мне,* называет Его собственно принадлежащим и подобным Отчей сущности? Необходимо или и нам быть собственно

принадлежащими Отчей сущности, или и Ему быть чуждым, как чужды мы».

Так нерассудительно суесловят еретики. А я не вижу в таком их злоумии ничего иного, кроме неразумной дерзости и диавольского высокоумия: потому что и они, подобно диаволу, говорят: «...на небо взыдем, будем подобны Вышнему». Чтò раздается людям по благодати, тò хотят они сравнять с Божеством Дарующего. Слыша, что люди называются сынами, возмнили, что и сами они равны истинному по естеству Сыну. И теперь опять слыша от Спасителя: «...да будут едино, якоже и Мы», сами себя вводят в обман, дерзко мечтают, что и они также будут в Боге, как Сын во Отце и Отец в Сыне, не примечая того, что от такого самомнения пал отец их диавол. Ежели, как говорили мы неоднократно, Слово Божие есть то же, чтò и мы, и ничем не отличается от нас, как только временем, то пусть будет Оно подобно нам, пусть у Отца имеет то же место, какое имеем и мы: пусть не называется ни едиnorodным, ни единым Словом, ни Отчею Премудростию, но пусть будет имя сие общим у Него со всеми нами, подобными друг другу. Ибо у тех, у которых естество одно, справедливо быть общему имени, хотя и различаются между собою по времени. Адам-человек, и Павел-человек; и ныне рождающийся также человек, и время не изменяет естества рода. Поэтому если Олово отличается от нас только временем, то и нам должно быть такими же, каково Слово. Но мы – не Слово или Премудрость, и Оно – не тварь или произведение. Ибо почему все мы произошли от одного, а Оно одно есть Слово? Но если еретикам прилично говорить такие речи, то нам неприлично и мыслию касаться их хулы. И хотя не следовало бы даже входить в какое-либо рассмотрение представленных изречений при таком ясном и благочестном их смысле и правой нашей вере, однако же, чтобы еретики и в сем оказались злочестивыми, самым сим изречением, как научились от отцов, кратко обличим их неправославие.

В Писании нередко предметы естественные представляются людям в образ и пример. И это для того, чтобы из естественного виднее были произвольные движения в людях. И таким образом показывается или дурный, или

правдивый человеческий нрав. Так, дурные нравы имеет в виду, если заповедует: *не будите яко конь и мек, имже несть разума* (Пс.31:9); или когда, укоряя сделавшихся таковыми, говорит: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс.48:13); и еще: *кони женонеистовни сотворишася* (Иер.5:8). И Спаситель, показывая, каков Ирод, сказал: *рцыте лису тому* (Лк.13:32); и Апостолам заповедал: *се, посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф.10:16). Сказал же сие не с тем, чтобы мы по природе сделались подобными скотам, стали змиями или голубями (не такими сотворил Он нас, посему и природа не допускает сего), но с тем, чтобы избегали мы неразумных стремлений, зная же мудрость змия, не вдавались в его обман и присвоили себе кротость голубя. В рассуждении же Божественного, представляя опять людям образы, Спаситель говорит: *будите милосерди, якоже и Отец ваш, Иже на небесех, милосерд есть* (Лк.6:36); и: *будите вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф.5:18). Сказал же сие не для того опять, чтобы стали мы такими же, каков Отец, потому что нам, тварям, из ничего приведенным в бытие, невозможно сделаться такими же, каков Отец; напротив того, как заповедал: *не будите яко конь* не с тем, чтобы не сделались мы скотами, но чтобы не подражали их неразумию, так сказал: *будите милосерди якоже Отец* не с тем, чтобы стали мы такими же, каков Отец, но чтобы, взирая на Его благодеяния, когда делаем что доброе, делали не ради людей, но ради Его, ожидая наград от Него, а не от людей. Как хотя один есть Сын по естеству, истинный и едиnorodный, но и мы делаемся сынами, не Ему подобно, не по естеству и не в действительности, но по благодати Призвавшего; и, будучи земными людьми, именуемся богами, не такими, каков Бог и каково истинное Слово Его, но как восхотел даровавший сие Бог: так подобно Богу делаемся милосердыми, не приходя чрез сие в равенство с Богом, не делаясь по естеству и истинными благодетелями, потому что благодетельствовать – не наше, но Божие изобретение, но поколику совершаемое по благодати для нас Самим Богом делаем мы общим и для других, не

рассуждая, но просто на всех простирая благотворительность. Сим только, а не иным образом, можем и мы соделаться несколько подражателями Бога, потому что даруемым от Него обслуживаем друг другу.

Но как хорошо и правильно понимаем сие, так читаемое в Евангелии от Иоанна место имеет тот же смысл. Ибо не сказано: как Сын во Отце, так да будем и мы. И возможно ли сие, когда Он есть Божие Слово и Божия Премудрость, а мы созданы из земли; Он по естеству и сущности есть Слово и истинный Бог (так говорит Иоанн: *вемы, яко Сын Божий прииде и дал есть нам разум, да познаем Бога истинного и да будем во истиннем, в Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и живот вечный* (1Ин.5:20), а мы по усыновлению и благодати чрез Него делаемся сынами, приобщаясь Его Духа (ибо сказано: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Ин.1:12)? Посему Он есть истина, Сам о Себе свидетельствуя: *Аз есмь истина* (Ин.14:6), что подтвердил и беседуя со Отцом Своим: *святи их во истину Твою: Слово Твое истина есть* (Ин. 17:17); а мы по подражанию делаемся добродетельными и сынами. Итак, Спаситель сказал: *«...да будут едино якоже и Мы»* (Ин.17:22), не для того, чтобы соделались мы такими же, каков Он, но чтобы, как Он, будучи Словом, пребывает во Отце Своем, так и мы, взирая на Него и у Него заимствуя некоторый образ, стали едино друг с другом по единомудушию и единству духа и не разногласили подобно коринфянам, но мудрствовали одно и то же, подобно упоминаемым в Деяниях пяти тысячам, которые все были как один человек (Деян.4:32). Будем как сыны, а не как Сын, и боги, но не каков Сам Он, и милосерды как Отец, но не каков Отец, а как сказано, соделавшись едино, якоже Отец и Сын; не в таком смысле будем едино, в каком по естеству Отец в Сыне, и Сын во Отце, но в каком сообразно сие с нашим естеством, в каком возможно для нас сообразовать себя с этим и научиться, как должны мы стать едино, подобно тому, как научились быть милосердными; потому что обыкновенно в единении бывают подобное с подобным, и всякая плоть входит в единение по роду. Слово нам не подобно, но подобно Отцу; поэтому, Оно по

естеству и в действительности есть едино со Отцом Своим, а мы, будучи однородны друг с другом, потому что все произошли от одного, и у всех людей одна природа, делаемся друг с другом едино по расположению, имея для себя образцом естественное единение Сына со Отцом. Как кротости учил Он Своим примером, говоря: «...научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирён сердцем» (Мф. 11:29), не для того, чтобы сравнились мы с Ним (сие невозможно), но чтобы, взирая на Него, пребывали всегда кроткими, так и здесь, желая, чтобы имели мы истинное, твердое и нерасторгаемое благорасположение друг к другу, берет пример с Себя и говорит: «...да будут едино, якоже и Мы. А единство Наше нераздельно: посему и они, познав в Нас нераздельное естество, да сохраняют также взаимное между собою согласие». Люди же, как сказано, безопаснее подражают тому, что заимствуется из естества, потому что сие пребывает одинаковым и никогда не изменяется, человеческий же нрав изменчив и, только взирая на неизменяемое по естеству, может избегать худого и сообразовать себя с лучшим. И таким образом, сказанное: *да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17:21), имеет правильный смысл.

Если бы нам возможно было соделаться тем, что Сын во Отце, то надлежало бы сказать: и тии в Тебе едино да будут, как Сын во Отце. Теперь же не сказал сего, а говоря: в Нас, показал расстояние и различие, а именно, что Он единый есть в едином Отце, как единое Слово и Премудрость, мы же – в Сыне и чрез Сына во Отце. Но говоря сие, не иное что дал разуметь, как следующее: «Нашим единством *и тии* да соделаются едино друг с другом так же, как Мы едино по естеству и в действительности: иначе, не соделаются едино, если не научатся единству в Нас». А что речение: *та Нас* имеет сие значение, послушай Павла, который говорит: *сия же преобразих на себе и Аполлоса, да от нас научитесь не паче написанных мудрствовати* (1Кор. 4:6). Итак, речение: *в Нас* не значит: *во Отце*, как Сын во Отце, но есть только пример и образ и употреблено вместо слов: *да научатся от Нас*. Как Павел для Коринфян, так и единство Сына и Отца для всех служит образцом и уроком, из которого, взирая на естественное

единство Отца и Сына, люди могут научиться, как и они должны в образе мыслей соделаться едино друг с другом.

Если же в рассуждении сего изречения должно защищаться и иным образом, то можно еще сказать, что речение: *в Нас равнозначительно словам: силою Отца и Сына да будут едино*, говоря то же самое, потому что без Бога невозможно стать едино. И сие опять можно найти и в Божественном слове, например: *о Бозе сотворим силу (Пс.59:14); и Богом преиду стену (Пс.17:30); и о Тебе враги наша избодем роги (Псал.48:6)*. Итак, явно, что о имени Отца и Сына можем соделаться едино, возыметь твердый союз любви. Ибо ту же опять мысль распространяя, Господь говорит: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы*. Весьма прилично и здесь не сказал: *да будут в Тебе, как и Я в Тебе*, но говорит: *якоже и Мы*. А говоря: *якоже*, показывает в сказанном не тождество, но образ и пример. Посему, Слово подлинно и истинно имеет тождество естества со Отцом; а нам, как сказано, возможно только подражать. Ибо немедленно присовокупил: *Аз в них и Ты во Мне, да будут совершени во едино*. Здесь Господь просит уже для нас чего-то бóльшего и совершеннейшего. Ибо известно, как Слово стало в нас: Оно облеклось в нашу плоть. Но и Ты во Мне, Отче, потому что Твое Я Слово. И поскольку Ты во Мне, потому что Твое Я Слово, а Я в них по телу, и чрез Тебя совершилось во Мне спасение людей, то прошу, *и тии едино да будут по телу во Мне и по его совершению; да и тии совершени будут*, имея единство с телом сим и в нем став едино, да все, как понесенные Мною на Себе, будут едино тело и един дух и достигнут в мужа совершенна. Ибо все мы, приобщаясь Его тела, делаемся едино тело, имея в себе единого Господа.

Когда же изречение сие имеет такой смысл, еще более обличается неправословие христорборцев. Ибо снова повторяя, скажу: если бы сказал просто и отрешенно: *да будут в Тебе едино, да тии и Аз в Тебе едино будем*, то богоборцы имели бы хотя непостыдный предлог. Теперь же не просто сказал, но: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да вси едино будут*. И опять говоря: *якоже*, показывает, что далеко людям быть в

Отце, как Он во Отце, и далеко не по месту, но по естеству. Ибо по месту ничто не далеко от Бога, все же далеко от Него по одному естеству. И как заметил я прежде, кто произносит частицу: *якоже*, показывает не тождество и не равенство, но пример сказуемого сравнительно в каком-либо отношении. И сему опять можно поучиться у Самого Спасителя, Который говорит: «...*якоже бе Иона во чреве китове три дни и три ночи, тако будет и Сын Человеческий в сердцах земли*» (Мф.12:10). Иона был не то, что Спаситель; Иона не сходил во ад; кит был не ад, да и поглощенный Иона не извел с собою поглощенных китом, но изшел один, когда повелено было киту. Поэтому, никакого тождества и равенства не означает сим речением: *якоже*, а напротив того, отличается одно от другого; сходство же Ионы показывается несколько выражением: *три дни*. Так и мы, поскольку Господь говорит: *якоже*, не соделываемся тем же, что Сын во Отце, и Отец в Сыне; но *якоже* Отец и Сын, так и мы соделываемся едино по образу мыслей и по согласию духа. Спаситель, *якоже* Иона, будет в земле. Но как Спаситель не Иона, и Господь не так сошел во ад, как тот был поглощен, одно же с другим различно: так если и мы соделаемся едино, как Сын во Отце, не будем посему то же, что Сын, и равны Ему, но совершенно от Него отличны. Потому-то о нас сказано: *якоже*, ибо то, что не в естестве и клонится к чему-то иному, делается как естественное. Посему Сам Сын просто и без всякого посредства есть во Отце, потому что свойственно Ему сие по естеству; а мы, не имея сего в естестве своем, имеем нужду в образе и примере, чтобы и о нас сказать Ему: *якоже Ты во Мне, и Аз, в Тебе*.

Когда же, говорит, будут они так совершенны, тогда уразумеет мир, *яко Ты Мя послал еси*. Если бы не пришел Я и не понес на Себе дела их, то никто из них не стал бы совершенным, но все пребывали бы тленными. Поэтому Ты и действуй в них, Отче, и как дал Мне понести сие тело, так и им Духа Твоего, *да и тии едино будут*, и соделаются совершенными во Мне. Ибо совершение их показывает, что было пришествие Слова Твоего, и мир, видя их совершенными и богоносными, без сомнения, уверует, *яко Ты Мя послал еси*, и

Я приходил к ним. Откуда бы им приять совершение, если бы Я, Слово Твое, не соделался человеком, приав на Себя тело их, и не совершил дело, которое дал Мне Ты, Отче? Дело же совершено, потому что люди, искупленные от греха, не остаются более мертвыми, но, обожившись и взирая на Нас, имеют между собою взаимный союз любви.

Итак, мы, сколько можно было простее рассмотреть выражения сего изречения, предложили сие пространно, блаженный же Иоанн в Послании в немногих словах и гораздо совершеннее нашего, покажет смысл написанного, обличит разумение нечестивых, научит, как бываем мы в Боге и Бог в нас, а также, как мы делаемся в Нем едино и сколько Сын отстоит от нас по естеству, а тем заставит наконец ариан не думать о себе, что и они будут такими же, каков Сын, чтобы иначе и им не услышать: *ты же человек еси, а не Бог (Иез. 28:3); и не распростирайся убог сый с богатым (Притч.23:4)*. Итак, Иоанн пишет, говоря следующее: *о сем разумею, яко в Нем пребываем, и Той в нас, яко от Духа Своего дал есть нам (1Ин.4:13)*. Итак, по данной нам благодати Духа и мы бываем в Нем, и Он в нас. И поскольку Дух, Который бывает в нас, есть Божий, то и мы, имея в себе Духа, справедливо почитаемся пребывающими в Боге, а таким образом и Бог бывает в нас. Следовательно, не как Сын во Отце, так и мы бываем во Отце. Сын не делается причастником Духа, чтобы чрез это быть Ему во Отце. Не Он приемлет Духа, а паче Сам подает Его всем, и не Дух сочетает Сына со Отцем, но паче Дух приемлет от Слова. И Сын во Отце, как собственное Его Слово и сияние. А мы без Духа чужды Богу и далеки от Него, причастием же Духа сочетаемся с Божеством; почему быть нам во Отце есть не наше, но сущего и пребывающего в нас Духа, пока сохраняем Его в себе исповеданием, как опять говорит Иоанн: *...иже аще исповестъ, яко Иисус есть Сын Божий, Бог в нем пребывает, и той в Бозе (1Ин. 4:15)*.

Итак, какое подобие и какое равенство у нас с Сыном? Или не обличаются ли ариане всеми, особливо Иоанном, что иначе Сын во Отце, иначе бываем в Нем мы? И мы никогда не будем такими, каков Он, и Слово не таково, как мы, разве еретики и

теперь, как и всегда, осмелятся сказать, что Сын и Сам стал во Отце по причастию Духа и за превосходство дел. Но и сие опять даже в мыслях только допустить до крайности нечестиво. Ибо Он, как сказано, *дает Духу, и что имеет Дух, имеет сие от Слова* (Ин.16:15).

Итак, Спаситель, говоря о нас: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут*, не означает сим, что будем иметь с Ним тождество, ибо примером Ионы доказано и это. Но это есть моление ко Отцу, как написал Иоанн, чтобы чрез Него подавался верующим Дух, чрез Которого и надеемся быть в Боге и сочетаться с Ним. поскольку Слово во Отце, а Дух дается Словом, то хочет, чтобы прияли мы Духа и чтобы, когда приимем Его, имея в себе Духа Слова, сущего во Отце, оказались и мы по Духу соделавшимися едино в Слове, а чрез Слово и во Отце. Если же говорит: «как Мы», то сие не иное что значит, как следующее: таковая данная благодать Духа да соделается в учениках неутратимою и непреложною. Ибо что, по сказанному прежде, Слову во Отце естественно, о том желает, чтобы и нам чрез Духа дано сие было непреложно. Зная сие, Апостол сказал: *...кто ны разлучит от любви Божия* (Рим. 8:35)? *Нераскаянна бо дарования Божия* и благодать призвания (Рим.11:29). Следовательно, Дух пребывает в Боге, а не мы сами по себе. Как мы – сыны и боги по сущему в нас Слову, так будем в Сыне и во Отце, и будем почитаемы соделавшимися *едино* в Сыне и во Отце; потому что в нас тот же Дух, Который и в Слове, сущем во Отце. Посему, когда отпадает кто от Духа по причине какого-либо порока, то хотя непреложная благодать пребывает в желающих, если кто по падении раскаивается, однако же, сей падший уже не в Боге, потому что отступил от него сущий в Боге святой и утешительный Дух; напротив же того, согрешающий будет в том, кому подчинил себя, как было сие с Саулом. *Ибо Дух Господень отступи от него, и давяше его дух лукавый* (1Цар.16:14).

Слыша сие, надлежало бы наконец устыдиться богоборцам и не воображать себя равными Богу. Но они не понимают сего; ибо сказано: *нечестивый не разумеет разума* (Притч. 29:7). Они не терпят благочестивых словес, потому что тяжело им и

слышать их. Ибо вот, как неутомимые в злочестии, ожесточенные, подобно фараону, видя и слыша опять в Евангелиях повествуемое о человечестве Спасителя, по примеру Самосатского, забыли совершенно Отчее Божество Сына и дерзким языком смело говорят: «...как может быть от Отца по естеству и уподобляться Ему по сущности Сын, Который говорит: *дадеса Ми всяка власть* (Мф.28:18); и *Отец не судит никому же, но суд весь даде Сынови* (Ин.5:22); и *Отец любит Сына и вся даде в руке Его. Веруяй в Сына имать живот вечный* (Ин. 3:35–36); и еще *вся Мне предана суть Отцем Моим.... ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще восхощет Сын открыти* (Мф.11:27); и еще *все, еже даст Мне Отец, ко Мне приидет*» (Ин. 6:37)? Потом еретики присовокупляют: «...если бы Он был, как утверждаете, Сыном по естеству, то не имел бы нужды принимать, но, как Сын, имел бы сие по естеству. Или как может быть по естеству истинною силою Отчею. Кто во время страданий говорит: *ныне душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего, но сего ради приидох на час сей. Отче, прослави имя Твое. Прииде же глас с небесе: и прославих, и паки прославлю* (Ин.12:27–28)? Подобно также сему сказал Он: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет чаша сия* (Мф. 26:39). И сия рек Иисус возмутися духом, и свидетелствова и рече: аминь, аминь глаголю вам, яко един от вас предаст Мя» (Ин.13:21). И при сем говорят зломудренныи: «если бы Он был силою, то не страшился бы, но и другим подавал бы силу». Потом говорят: «...если бы Он был по естеству истинною и собственною Отчею Премудростию, то почему написано: *Иисус преспеваше премудростию и возрастом, и благодатию у Бога и человек* (Лк. 2:52)? И пришедши во страны Кесарии Филипповы, спрашивал учеников: *кого Мя глаголют человецы быти* (Мф. 16:13)? И пришедши в Вифанию, спрашивал: *где лежит Лазарь* (Ин. 11:34)? Сверх того, говорил ученикам: *коliko хлебы имате* (Мк. 6:38)? Почему же, говорят, Тот есть Премудрость, Кто преспевает премудростию и не знает того, о чем желал узнать от других?» Еще же говорят они и следующее: «...как собственным Отчим Словом, без Которого, как мудрствуете вы,

Отец никогда не был и чрез Которого все творит, может быть Тот, Кто на кресте говорит: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мф.27:46)? И прежде сего молится Он: *Отче, прослави имя Твое* (Ин.12:28); *прослави Мя, Ты, Отче, славою, юже имех у Тебе прежде мир не бысть* (Ин.17:5), и в пустыне молился, и повелел ученикам: *молитесь, да не внидете в напасть*, и сказал: *дух бодр, плоть же немощна* (Мф.16:41), и *о дни же том или о часе никтоже весть, ни Ангели, ни Сын»* (Мк. 13:32). Потом опять и в рассуждении сего говорят сии жалкие: «...если бы Сын, по вашему разумению, существовал у Бога вечно, то не был бы Ему неизвестен день, напротив того, Он знал бы, как Слово, и Соприсущий не был бы оставлен, не стал бы просить о приятии славы, имея ее во Отце, и вообще, не стал бы молиться, потому что, как Слово, ни в чем не имел бы нужды. Но поскольку Он – тварь и в числе получивших бытие, то и говорил таким образом, и имел нужду в том, чего не имел, потому что тварям свойственно иметь недостаток и нужду в том, чего не имеют».

На подобные речи отваживаются злочестивые; но рассуждающих так должно смело спросить, почему вообще Слово соделалось плотью? Или присовокупить еще, как Ему, будучи Богом, можно было соделаться человеком? Или как Бесплотный мог понести на Себе тело? Или и по-иудейски сказать с Каиафою, почему вообще Христос, будучи человеком, творил Себя Богом? Так или подобно сему роптали тогда иудеи, взирая на Христа, а ныне ариане, читая о Нем, не веруют и впадают в хулы. Если кто, сличив слова тех и других, подвергнет их исследованию, то непременно найдет, что те и другие вдаются в то же неверие, у тех и у других равная дерзость нечестия, у тех и у других общая прях с нами. Иудеи говорили: "Как, будучи человеком, может быть Богом?" Ариане же говорят: «Если был истинный Бог от Бога, то как мог соделаться человеком?» И как Иудеи соблазнялись и посмеивались, говоря: «Не претерпел бы Он креста, если бы Божий был Сын», – так ариане, став прямо с ними в ряд, говорят нам: «Как смее вы называть собственным Словом Отчей сущности Имеющего тело, почему и претерпел сие?»

Потом как Иудеи искали убить Господа за то, что Бога называл Отцом Своим и творил Себя равным Богу, делая то же, что делает Отец, так ариане и сами научились говорить: «Не равен Он Богу». Бог не собственный по естеству Отец Слова, и ищут смерти тех, которые не так думают. И еще Иудеи говорят: *не Сей ли есть Сын Иосифов, егоже мы знаем отца и Матер? како убо глаголет: прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь, и с небесе сних* (Ин. 6:42;8:58)? Внимают им и ариане, равным образом говоря: «Как может быть Словом или Богом, Кто, как человек, спит, плачет, спрашивает?» Те и другие за то, что в Спасителе было человеческого по причине носимой Им на Себе плоти, отрицают вечность и Божество Слова. Итак, поскольку такое безумие есть иудейское, и иудейское занятое у предателя Иуды, то пусть ариане или явно исповедуют себя учениками Каиафы и Ирода, не прикрывая иудейства именем христианства и совершенно, как говорили мы и прежде, отрицают пришествие Спасителя во плоти (это мудрование свойственно их ереси); или, если в угождение Констанцию и обольщенным ими, боятся явно иудействовать и обрезаться, то не говорят свойственного иудеям. Ибо справедливо отвращаться мудрования тех, от имени которых отказываются.

Да будет же известно арианам, что мы христиане. Мы христиане, и нам свойственно хорошо понимать сказанное о Спасителе в Евангелиях, и как вместе с иудеями не метать в Него камнями, если слышим о Божестве и о Его вечности, так вместе с вами не соблазняться теми смиренными речениями, какие ради нас употребляет как человек. Посему если и вы желаете быть христианами, то отложите ариево безумие и слух свой, оскверненный хульными речениями, омойте словесами благочестия, зная, что, как скоро перестав быть арианами, оставите зломудрие нынешних иудеев, тотчас, как из тьмы, воссияет вам истина, и не будете уже укорять нас, что признаем двух вечных, но и сами узнаете, что Господь есть истинный и по естеству Божий Сын и познается не просто вечным, но соприсущим Отчей сущности. Ибо именуются вечными и такие вещи, которых Он есть Зиждитель. Так, в псалме двадцать третьем написано: *«...возмите врата князи ваша, и возмיתесь,*

врата вечная» (Пс.23:9); но явно, что и сии врата сотворены Им. Если же Он есть Зиждитель вечного, то может ли кто из нас сомневаться еще, что Он превыше и сего вечного? Но Господь познается не столько по вечности, сколько по тому, что Он Божий есть Сын. Ибо будучи Сыном, не отлучен от Отца, и не было, когда бы Он не был, напротив того, Он всегда, и будучи образом и сиянием Отца, имеет и Отчую вечность.

*Посему сколько еретики изобличили себя худо понимающими те изречения, какия выставляли они на вид, сие можно видеть из сказанного нами прежде кратко; но что и в рассуждении изречений, ныне представляемых ими из Евангелий, разумение их оказывается неосновательным, сие удобно можно видеть, если и теперь особенно обратимся к цели нашей христианской веры и, приняв ее для себя за правило, будем, как сказал Апостол, внимательны к чтению Богодухновенного Писания (1Тим.4:13). Ибо христорборцы, не уразумев сей цели, совратились с пути истины и преткнулись о камень претыкания (Рим.9:23), мудрствуя паче, нежели как должно мудрствовать. Итак, цель сия и отличительная черта Святого Писания, как неоднократно говорили мы, возвестить нам о Спасителе две истины: что Он всегда был Бог, и есть Сын, будучи Словом, сиянием и Премудростью Отца, и что напоследок, ради нас приняв на Себя плоть от Девы Богородицы Марии, соделался человеком. И можно находить, что сие дается разуместь во всем Богодухновенном Писании, как сказал Сам Господь: «...испытайте Писаний, яко та суть свидетельствующая о Мне» (Ин.5:39). Но чтобы, собирая воедино все изречения, не написать много, удовольствуемся тем, что вместо всех мест приведем на память следующие. Иоанн говорит: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово, Сей бе искони к Богу. Вся Тем быша, и без Него ничтоже быст (Ин.1:1–4); потом Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, яко едиnorodного от Отца (Ин.1:14).* И Павел пишет: *«Иже во образе Божиим сый, не восхищением нещевя равен быти Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеса якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти,**

смерти же крестныя» (Фил. 2:6–8). Ибо кто, начав с сего, с тою же мыслию пройдет все Писание, тот увидит, как в начале сказал Слово Отец: да будет свет (Быт. 1:4), да будет твердь (Быт. 1:6), сотворим человека (Быт. 1:26), при скончании же веков посла Его в мир, не да судит миру, но да спасется Им мир (Ин. 3:17); и написано: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог (Мф. 1:23). Посему читающий Божественное Писание да изучает и ветхозаветные изречения и в Евангелиях да усматривает Господа, соделавшегося человеком. Ибо сказано: Слово плот бысть, и вселися в ны.

Слово соделалось человеком, а не снизошло в человека. И сие необходимо знать, чтобы злочестивые, остановившись на сем, не обольстили иных и обольщенные не подумали, что как в прежния времена в каждом из святых было Слово, так и ныне низошло Оно в человека, и осватило его, и явилось в нем, как и в прочих людях. Ибо если бы так это было, и Слово явилось только в человеке, то не было бы в сем ничего необыкновенного, и видящие не дивились бы и не стали говорить: кто есть Сей (Мф. 8:27)? И почему Ты, человек сый, твориши Себе Бога (Ин. 10:33)? Привычно было для них слышать, что было Слово Господне к каждому пророку. поскольку же теперь Само Божие Слово, Имже вся быша, снизошло до того, что соделалось и Сыном Человеческим, и смирило Себя, зрак раба приим, то посему Иудеям крест Христов есть соблазн, нам же Христос Божия сила и Божия премудрость (1Кор. 1:24). Ибо, как сказал Иоанн, Слово плоть бысть; Писанию обычно человека называть плотию, как сказано чрез пророка Иоилу: *излию от Духа Моего на всяку плоть (Иоил. 2:28)*; и как Даниил сказал Астиагу: *не покланяюся кумиром руками сотворенным, но живому Богу, сотворшему небо и землю и владущему всякою плотию (Дан. 14:5)*. И Даниил, и Иоиль род человеческий называют плотию. Итак, в древности к каждому из святых бывало Слово и освящало приемлющих Его искренно, но когда рождались они, не говорилось, что Слово соделалось человеком, и когда страдали,

также не говорилось, что Слово пострадало. Когда же от Марии пришел *едино в кончину веков, во отменение греха (Евр.9:26)*, потому что, так благоволив, *Отец посла Сына Своего, рождаемого от жены, бываемая под законом (Гал.4:4)*, тогда говорится, что Слово, восприяв на Себе плоть, соделалось человеком, и в ней (как сказал Петр, *Христу убо пострадавшему за ны плотию 1Пет.4:1*) пострадало за нас, чтобы явно стало, и все мы уверовали, что, всегда будучи Богом, освящая тех, к кому приходило, и все устроая по воле Отца, напоследок ради нас соделалось Слово человеком, и, как говорит Апостол, *Божество обитало во плоти телесне (Кол.2:9)*. А сие значит, что Слово, будучи Богом, имело собственное тело и, употребив его как орудие, ради нас соделалось человеком.

И поскольку Слово было во плоти, то о Нем сказуется свойственное плоти, например: алкание, жажда, страдание, утруждение, и все тому подобное, что удобоприемлемо для плоти. Дела же свойственные Самому Слову, каковы: воскресение мертвых, дарование прозрения слепым, исцеление кровоточивой, совершало Оно посредством тела Своего. И Слово немощи плоти носило на Себе, как собственные, потому что плоть сия была Его; и плоть служила делам Божества, потому что в ней пребывало Божество и тело было Божие. Хорошо сказал пророк: *понесе (Ис.53:11)*; не сказал: исцелил наши немощи, чтобы Слову, как существу вне тела и исцелившему только оное, что и всегда делало, не оставить людей снова повинными смерти; но Оно носит наши немощи, несет наши грехи, чтобы видно было, что ради нас соделалось человеком, и тело, на себе носящее сии немощи, есть Его собственное. И как Само Слово не потерпело вреда, вознесши, как сказал Петр, *грехи наша на теле Своем на древо (1Пет.2:24)*, так мы, люди, освободились от своих страстей и исполнились правды Слова. Посему когда страдала плоть, не вне ее было Слово; почему и страдание называется Его страданием. И когда Божески творило Оно дела Отца, не вне Его была плоть, но опять в самом теле творил сие Господь. Потому и соделавшись человеком, говорил: *«...аще не творю дела Отца Моею, не имите Ми веры: аще ли творю, аще и*

Мне не веруете, делѡм Моим веруйте: да разумеете, яко во Мне Отец, и Аз в Нем» (Ин.10:37–38). Конечно, когда нужно было восставить Петрову тещу *огнем жегому (Мф.8:14)*, тогда по-человечески простер руку, а Божески прекратил болезнь. И слепому от рождения от плоти человеческой сотворил плюновение и Божески отверз очи брением. И Лазаря, как человек, воззвал человеческим гласом, а Божески, как Бог, воскресил Лазаря из мертвых.

Все же так делалось и показывало, что не мечтанием, но действительно имел тело. И Господу, облекшемуся в плоть человеческую, прилично было облечься в совершенную плоть со всеми свойственными ей страданиями, чтобы, как тело именуется собственным Его телом, так и телесные страдания именовались Его только собственными, хотя и не касались Божества Его. Если бы тело принадлежало иному, то и страдания именовались бы страданиями сего иного. А если это плоть Слова (ибо Слово плоть бысть), то необходимо и страданиям плоти именоваться страданиями Того, чья плоть. А кому приписываются страдания, каковы особливо: быть осужденным, быть предану на биение, а также жажда, крест, смерть и другие немощи телесные – того и составляют они заслугу и благодать. Посему сообразно с истиною и прилично таковые страдания приписываются не иному кому, но Господу, чтобы и благодать была от Него, и мы соделались не служителями иного кого, но истинно богочестивыми; потому что не кого-либо из созданных, не простого какого человека, но по естеству сущего от Бога и истинного Сына, и когда соделался Он человеком, призываем тем не менее именуя Господом и Богом и Спасителем.

Кто ж не подивится сему? Или кто не согласится, что воистину Божие это дело? Ибо если бы дела свойственные Божеству Слова совершились не посредством тела, то человек не был бы обожен. И наоборот, если бы свойственное плоти не приписывалось Слову, то человек не освободился бы от сего совершенно, но хотя, как сказали мы прежде, избавился бы ненадолго, однако же в нем оставались бы еще грех и тление, как было это с людьми, жившими прежде. И это очевидно.

Многие соделались святыми и чистыми от всякого греха: Иеремия был освящен от матерняго чрева (Иер.1:5); Иоанн, носимый еще во чреве, *взыграся радощами* от гласа Богородицы Марии (Лк.1:44). Однако же, *царствова смерть от Адама даже до Моисеа и над несогрешившими по подобию преступления Адамова* (Рим.5:14). А таким образом, люди тем не менее оставались смертными, тленными, доступными свойственным естеству страданиям. Теперь же, поскольку Слово соделалось человеком и Себе усвоило свойственное плоти, сие не касается уже тела по причине бывшего в теле Слова, но истреблено Им, и люди не остаются уже грешными и мертвыми по своим страстям, но, восстав силою Слова, навсегда пребывают бессмертными и нетленными. Посему когда рождается плоть от Богородицы Марии, родившимся именуется Тот, Кто другим дает бытие, чтобы на Себя перенести Ему наше рождение, и нам, как единой земле, не отходить в землю, но, сочетавшись с Словом, Которое с неба, от Него быть возведенными на небо. Посему не без причины перенес Он на Себя также и прочие немощи тела, чтобы мы уже не как человеки, но как свои Слову, стали причастниками вечной жизни. Ибо не умираем уже по прежнему бытию во Адаме, но поскольку бытие наше и все телесные немощи перенесены на Слово, то восстаем от земли по разрешении клятвы за грех Тем, Кто в нас и за нас соделался клятвою. И сие справедливо. Как все мы от земли сущие умираем в Адаме, так, возродившись свыше водою и Духом, все оживотворяемся во Христе, потому что плоть наша есть уже как бы не земная, но с Словом приведенная в тождество Самим Божиим Словом, Которое ради нас *плоть бысть*.

Но чтобы точнее уразуметь и бесстрастие естества в Слове, и немощи, приписываемые Ему по причине плоти, хорошо выслушать блаженного Петра. Ибо он может быть достоверным свидетелем о Спасителе. Итак, пишет он в своем послании, говоря: «...Христу убо пострадавшу за ны плотию» (1Пет.4:1). Следовательно, когда скажется о Христе, что алчет, жаждет, утруждается, не знает, спит, плачет, просит, убегает, рождается, отказывается от чаши, и вообще, приписывается Ему всё

свойственное плоти, каждый раз справедливо будет повторять то же. Так, Христос алчет и жаждет за *ны плотию*; именует Себя незнающим, заушается и утруждается за *ны плотию*; и еще возносится на крест (Ин.12:37), рождается, возрастает *плотию*; страшится, скрывается *плотию*; говорит: «...аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия» (Мф.26:39), терпит биение, приемлет раны *плотию*; и вообще, все подобное сему восприемлет на Себя *плотию*. Посему и сам Апостол сказал: «Христу убо пострадавшу, не Божеством, но за *ны плотию*», чтобы разумеемы были страдания, не Самому Слову по естеству свойственные, но свойственные по естеству самой плоти. Поэтому, никто да не соблазняется тем, что в Господе есть человеческое, а напротив того, да знает, что Само Слово по естеству бесстрастно, и однако же по причине плоти, в которую облеклось Оно, скажется о Нем это; потому что свойственно сие плоти, а тело стало собственным телом Спасителя. И Он, как бесстрастный по естеству, и пребывает бесстрастным, не терпя от сего вреда, но паче уничтожая и истребляя все сие; люди же, так как немощи их перешли на Бесстрастного и истреблены, и сами уже навеки делаются бесстрастными и свободными от немощей, как учит Иоанн, говоря: "...и весте, яко Он явился, да грехи наша вóзмет, и греха в Нем несть» (1Ин.3:5).

Поелику сие так, то никто из еретиков не будет вопиять, почему восстанет плоть по природе смертная? Почему, если восстанет, опять не будет алкать, жаждать, страдать и не останется смертною? Почему, хотя она из земли произошла, прекратится в ней то, что ей естественно? Иначе плоть могла бы отвечать такому упорному еретику: «Хотя я из земли, по природе смертная, но впоследствии стала *плотию Слова*; Само Слово, хотя Оно бесстрастно, понесло на Себе мои страдания, и я сделалась свободною от них, и от рабства им уволена освободившим меня от них Господом. Если вопиешь на то, что избавилась я от естественного тления, то смотри, не вздумай вопиять и на то, что Слово Божие восприяло на Себя мой рабский образ». Как Господь, облекшись *плотию*, соделался

человеком, так мы люди, воспрятые Словом, обожаемся ради плоти Его и уже наследуем вечную жизнь.

Сие по необходимости подвергли мы предварительному исследованию, чтобы нам, если увидим Спасителя божески что-либо совершающего или изрекающего, орудием собственного тела Своего разуместь, что делает Он сие как Бог; и опять, если увидим Его по-человечески говорящего или страждущаго, не оставаться в неведении, что, понесши на Себе плоть, соделался Он человеком и таким образом делает и говорит это. Зная свойственное тому и другому естеству, видя и разумея, что то и другое совершается одним, право будем веровать и никогда не впадем в заблуждение. Если же кто, взирая на совершаемое Словом божески, будет отрицать тело или взирая на свойственное телу, будет отрицать плотское пришествие Слова, или по человеческим действиям Слова станет думать о Нем низко, то таковой, как иудейский корчемник, мешая вино с водою, почтет крест соблазном, а как язычник, признает проповедь буйством. Сие и постигло богоборцев ариан. Ибо взирая на человеческия дела Спасителя, почли Его тварью. Посему и взирая на Божеские дела Слова, надлежало им отрицать бытие тела Его и сопричислить уже себя к манихеям.

Но пусть, хотя поздно, вразумятся они, что *Слово плоть бысть*; а мы, держась цели веры, признаем имеющим правильный смысл то, что понимают они худо. Сказанное: *«Отец любит Сына и вся даде в руке Его (Ин.3:35), и вся Мне предана суть Отцем Моим (Мф.11:26), и не могу Аз о Себе творити ничесоже. Якоже слышу, сужду» (Ин.5:30)* и все подобные сим изречения показывают не то, что Сын некогда не имел сего. И почему же того, что имеет Отец, не имело вечно единое по сущности Отчее Слово и Премудрость, не имел Тот, Кто говорит: *«...вся, елика иматъ Отец, Моя суть, и Мое принадлежит Отцу» (Ин.16:15; 17:10)*? Если что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну, а Отец имеет это всегда, то явно, что все, что имеет Сын, поколику сие принадлежит Отцу, всегда есть в Сыне. Итак, не потому сказал сие, что некогда не имел, но потому, что Сын, что ни имеет, имея сие вечно, имеет от Отца. Чтобы иной, видя Сына имеющим все, что имеет Отец, и

введенный в заблуждение сим безразличным подобием и тождеством того, что имеет, не вознечествовал, как Савеллий, и не почел Сына Отцем, говорил Сын: «...дадеся Ми» (Мф.28:18), и "приях" (Ин.10:18), и «Мне предана суть», показывая сим то одно, что Он не Отец, но Отчее Слово и вечный Сын, по подобию со Отцем вечно имеющий то, что имеет от Отца. поскольку же Он Сын, то от Отца имеет все, что ни имеет у Себя вечно.

А что речения «дадеся, предана», и подобные сим не умаляют Божества в Сыне, напротив же того, более доказывают, что Он истинно Сын, сие можно дознать из самых сих изречений. Ибо если *вся предана* Ему, то во-первых, отличен Он от всего, что приял; а потом, будучи наследником всего, есть единственный и собственный по сущности Отчий Сын. А если бы Он был один из всех, то не был бы наследником всего, но и каждый принимал бы, сколько восхотел бы и дал Отец. Теперь же Он, приемля все, есть иной от всего и единственный собственный Отчий Сын. А что речения "дадеся и предана" и все им подобные не показывают, что Сын некогда не имел, сие можно видеть из другого подобного изречения. Сам Спаситель говорит: «...якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе» (Ин.5:26). Словом *даде* дает разуметь о Себе, что Он не Отец, а словом *так* показывает естественное подобие и единство Сына со Отцом. Поэтому если было, когда не имел Отец, то явно, что было, когда не имел и Сын. Ибо как имеет Отец, так имеет и Сын. А если нечестиво говорить это, гораздо же благочестивее сказать, что Отец всегда имеет, то, когда говорит Сын, что, как имеет Отец, так имеет и Сын, совместно ли с чем утверждать еретикам, что Он имеет не так, но иначе? Посему более достойно веры Слово и, всегда имея все то, что именует Себя приавшим, имеет это от Отца. Отец имеет не от кого-либо, а Сын имеет от Отца. Как в рассуждении сияния, если самое сияние скажет: «Свет дал мне освещать всякое место, и я освещаю не от себя, но как хочет сие свет», то, говоря сие, покажет не то, что некогда не имело оно сего, а напротив, следующее: «Я собственность света, и все, что принадлежит

ему, есть мое»; так и еще в большей мере должно представлять себе и о Сыне. Отец, все дав Сыну, все опять Сам имеет в Сыне. И когда имеет Сын, Отец опять имеет это, потому что Божество Сына есть Божество Отца. Так, Отец в Сыне промышляет о всем. Посему таков смысл подобных сим изречений.

А что касается до сказанного о Спасителе по-человечески, то и сие также имеет благочестивый смысл. Ибо для того и входили мы в исследование таковых речений, чтобы нам, если услышим Его спрашивающего, где лежит Лазарь, и когда, пришедши в пределы Кесарии, вопрошает Он: «...кого *Мя глаголют человецы быти?*» (Мф.16:13) и «*коликo хлебы имате?*» (Мк.6:38) и *что хочета, да сотворю вама?* (Мф.20:32) – из сказанного прежде всего уразумевать правильный смысл сих изречений и не соблазняться подобно христорборным арианам. И, во-первых, сим нечестивым должно сказать следующее: почему думают, что Спаситель не знает? Кто спрашивает, тот не по незнанию непременно спрашивает; напротив того, и ведущему можно спрашивать о том, что знает. И действительно, Иоанн о Христе, вопрошающем: *коликo хлебы имате?* знал, что Он не был в неведении, а напротив, ведал сие. Ибо говорит: *сие же глаголаше искушая Филиппа: Сам бо ведяше, что хочет сотворити* (Ин.6:6). А если знал, что творил, то и спрашивал не по неведению, но зная. А подобно сему, должно понимать и другие таковые же изречения, именно, когда спрашивал Господь: *где лежит Лазарь?* или *кого Мя глаголют человецы быти?* – спрашивал не как незнающий, но знал то, о чем спрашивал, ведая, что хочет сотворити. А таким образом, ухищрение еретиков немедленно ниспровергается.

Если же еще будут упорствовать в рассуждении того, что Христос спрашивал, то пусть слышат, что в Божестве нет неведения, а плоти, как сказано, свойственно не ведать. И что сие справедливо, то смотри, как Господь, вопрошавший: *где лежит Лазарь?* когда не был еще на месте, а находился далеко, говорил: *Лазарь умре* (Ин.11:14) и сказывал, где умер. И Кого еретики почитают неведущим, Тот предузнает помышления учеников, ведает, что в сердце у каждого и что в

человеке; а что еще важнее, Он один знает Отца и говорит: «Аз во Отце, и Отец во Мне» (Ин.14:10). Итак, не для всякого ли очевидно, что неведение свойственно плоти, Само же Слово, поколику Оно – Слово, знает все и прежде события. Оно и когда соделалось человеком, не перестало быть Богом, и не избегает человеческого, потому что Оно – Бог. Да не будет сего. Напротив же того, будучи Богом, прияло на Себя плоть и, будучи во плоти, обожило плоть. И как вопрошало во плоти, так в ней же и воскресило мертвого и всем показало, что Животворящий мертвых и воззывающий душу тем паче знает тайны всех. Оно ведало, где лежит Лазарь, однако же вопрошало. Поступило же так все ради нас претерпевшее всесвятейшее Божие Слово, чтобы таким образом понести на Себе и неведение наше, даровать нам познание единого истинного Его Отца и Его Самого, ради нас посланного во спасение всех; а выше этой милости и быть ничего не может.

Посему и об изречениях, представляемых еретиками, когда говорит Спаситель: *дадеса Ми власть* (Мф.28:18), и *прослави Сына Твоего* (Ин.17:1); и когда Петр говорит: *дана Ему власть*, знаем, что все сказано в том же смысле, потому что говорится все сие по-человечески, по причине тела. Ибо, хотя не имеет нужды, однако же сказуется как бы Сам приявшим, что приял по человечеству, чтобы опять, так как приемлет Господь, и так как на Нем почивает даяние, твердою пребывала благодать. Простой человек, прияв, может и лишиться приятного: и сие видно стало на Адаме, потому что он, прияв, утратил. Но чтобы благодать соделалась неотъемлемою и постоянно соблюлась у людей, для этого Он присволяет Себе даяние, как человек, называет Себя приявшим власть, которую всегда имеет, как Бог; прославляющий других говорит: *прослави Мя*, желая показать, что имеет плоть, которой нужно прославление. Посему, когда приемлет плоть, поскольку приемлющая плоть в Нем, и, прияв оную, соделался Он человеком, то Себя именует как бы приявшим. Итак, если, как говорено было неоднократно, Слово не соделалось человеком, то пусть, по словам вашим, Слову принадлежит и приятие, и нужда в прославлении, и неведение. А если соделалось человеком (ибо и действительно

соделалось), то человеку принадлежит и приять, и иметь нужду, и не ведать.

Почему же Дающего почитаем приемлющим, о Том, Кто снабдевает других, предполагаем, что имеет нужду, и Слово, как несовершенное и имеющее нужду, отделяем от Отца, а человечество лишаем благодати? Если Само Слово, поколику Оно – Слово, ради Себя и приемлет и прославлено, если Оно по Божеству прославлено и воскресло, то какая надежда людям? Они, как и были, остаются нагими, и жалкими, и мертвыми, нимало не участвующими в дарованном Сыну. Для чего же Слово и приходило и *плоть бысть*? Если для приятия того, что, говорит Оно, приняло, ежели прежде не имело сего, то по необходимости Оно должно благодарить тело, потому что, когда стало с телом, тогда приняло от Отца, чего не имело до снисшествия в плоть; а из сего оказывается, что Оно Само паче усовершилось чрез тело, нежели тело чрез Него. Но это иудейское мудрование. А если Слово приходило искупить род человеческий и чтобы людей освятить и обожить, *Слово плоть бысть* (ибо для сего и стало Оно плотию), то кому уже не явно, что если именует Себя приявшим что-либо, когда стало плотию, то именует относительно не к Себе, но к плоти? Во плоти был Именующий Себя приявшим; плоти и дарования были даны чрез Него Отцом.

Рассмотрим же, что такое было, чего просил Он Себе и, вообще, что такое именовал Он Себя приявшим, чтобы хотя этим могли быть пристыждены еретики. Итак, просил Себе славы и сказал: *вся Мне предана быша* (Лк10:22). И по воскресении говорит, что приял всякую власть. Но и прежде нежели сказал: *вся Мне предана быша*, был Господом всего, ибо *вся Тем быша* (Ин.1:3), и *един Господь, Имже вся* (1Кор.8:6). И прося славы, был и есть Господом славы, как говорит Павел: *аще быша разумели, не быша Господа славы распяли* (1Кор.2:8). Ибо имел и ту славу, о какой просил, говоря: *славою, юже имел у Тебе, прежде мир не бысть* (Ин.17:5). И ту власть, какую приявшим Себя наименовал по воскресении, имел прежде сего приятия и прежде воскресения, потому что Сам от Себя запрещал сатане, говоря: *иди за Мною, сатано*

(Мф.4:10), ученикам же дал над ним власть, когда возвратившимся им сказал: *видех сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк.10:18). Но что и еще именовал Себя приившим, то оказывается имевшим и до приятия, потому что изгонял бесов, Сам разрешал, что было связано сатаною, как учинил сие над дщерию Авраамлею (Лк.13:16); отпускал грехи, говоря расслабленному и жене, помазавшей ноги: *отпускаются греси твои* (Мф.9:2; Лк.7:48); воскрешал мертвых; обновил бытие слепого, даровав ему зрение, и совершил это, не отложив до того времени, когда приимет, но как властитель. Почему и из сего явствует, что, соделавшись человеком, и по воскресении то самое, что имел Он, как Слово, именует Себя приившим по человечеству, чтобы чрез Него люди на земле, как соделавшиеся причастниками Божественного естества, имели наконец власть над бесами, а на небесах, как освободившиеся от тления, вечно царствовали. Вообще же надобно знать, что если именует Себя приившим что-либо, не как неимевший приял Он сие, потому что Слово, будучи Богом, имело это всегда, именуется же теперь приемлющим по человечеству, чтобы, по приятии сего плотию в Нем, от нея уже твердым пребыло и в нас. Такой имеет смысл и сказанное Петром: *приемь от Бога честь и славу* (2Пет.1:17), *покоршымся Ему Ангелом* (1Пет.3:22). Как по человечеству Он вопрошал и по Божеству воскресил Лазаря, так говорится по человечеству о Нем: *приемь*; покорность же Ангелов доказывает Божество Слова.

Поэтому, умолкните, богоненавистники, и не унижайте Слова, не отъемлите у Него единого со Отцем Божества, как у имеющего в чем-либо нужду или у неведущаго, чтобы не возвергнуть вам на Христа своих недостатков, как сделали иудеи, метавшие тогда в Него камнями. Все сие принадлежит не Слову как Слову, но свойственно человекам. И как слыша, что он *плюнул* (Ин.9:6), *простер руку* (Мф.8:3), *воззвал Лазаря*, действия сии, хотя и совершены они с помощью тела, называем не человеческими, но Божиими, так, если в Евангелии о Спасителе скажется что-либо человеческое, то, вникая опять в свойство сказуемаго и находя сие чуждым Богу, приписываем

это не Божеству Слова, но Его человечеству. Ибо хотя *Слово плоть бысть*, но немощи суть собственность плоти; и хотя плоть стала богодвижима в Слове, но благодать и сила принадлежат Слову. Дела Отчие совершал Он с помощью плоти, и тем не менее видимы также были в Нем немощи плоти. Так Он вопрошал и воскресил Лазаря; возражал Матери, говоря: *не у прииде час Мой* (Ин.2:4) и в то же время соделал воду вином, потому что во плоти был истинный Бог, и Слово имело истинную плоть. Посему, делами давал познавать и Себя – Сына Божия, и Отца Своего; а немощами плоти показывал, что носит на Себе истинное тело и что оно есть Его собственное.

Поелику же приведено это в ясность, то исследуем и сие изречение: «...о дни же и о часе никтоже весть, ни Ангели, ни Сын» (Мк.13:32). Ибо еретики, всего более оставаясь в великом о сем неведении и омрачаясь при сем смыслом, думают иметь в этом сильный предлог к своей ереси. Но мне кажется, что они, представляя сие в предлог и ища себе в этом опоры, снова богоборствуют, как исполины. Ибо Господь неба и земли, *Имже вся быша* (Ин.1:3) судится о дни и часе, всеведущее Слово обвиняется ими, как не знающее о дне, ведающий Отца Сын именуется не знающим часа во дни. Можно ли кому сказать что-либо сего малосмысленнее? Или какое безумие можно сравнить с их безумием? Словом произведено все: и годы, и времена, и ночь, и день, и вся тварь; и Зиждитель именуется не знающим создания! Самая связь речи в представленном месте показывает, что Сын Божий знает *день и час*, хотя ариане и претыкаются о неведение. Сказавни Сын, описывает ученикам предшествующее дню, говоря, что будет *тò и тò, и тогда кончина* (Мф.14:14). Но Кто говорит о предшествующем дне, Тот, конечно, знает и день, который явится после предсказанного. А если бы не знал часа, не мог бы означить и предшествующего часу, не зная, когда будет час сей. Как, если кто иной, желая незнающим обозначить дом или город, опишет, что пред домом или городом, обозначив же все это, скажет: «Потом вскоре и город или дом», то, без сомнения, обозначающий знает, где этот дом или город; а если бы не знал,

то не стал бы обозначать, что́ пред ними, чтобы по незнанию или слушающих не завести куда далеко, или самому, говоря это, не ошибиться и не обмануться в обозначении; так Господь, говоря о предшествующем *дню и часу*, в точности знал, и не может не иметь ведения о том, когда настанет сей *час и день*.

Почему же, зная, не сказал тогда ученикам явно? Никто не должен допытываться, о чем Сам Он умолчал. *Кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть (Рим.11:34)?* Почему же, зная, сказал, что не знает и Сын? Известно, думаю, всякому верующему, что и сие сказал не по иному чему, но как человек по причине плоти. Не есть это недостаток Слова, но человеческому естеству свойственно и не знать. И сие опять вполне можно уразуметь, если кто с благою совестью исследует время, когда и кому сказал сие Спаситель. Итак, сказал Он сие не тогда, как приведено Им в бытие небо, не тогда, как Слово устроило все у самого Отца, и не прежде того, как соделалось человеком, но когда *Слово плоть бысть*. Поэтому и все, что́ Слово после того, как соделалось человеком, говорит по-человечески, справедливо относить к человечеству. Ибо Слову свойственно знать сотворенные вещи и не иметь неведения о начале и конце их, потому что твари – Его дело. И Слово знает, сколько тварей произвело Оно, и долго ли существовать им. Зная же начало и конец каждой твари, без сомнения, знает решительный и общий конец всего. Говоря в Евангелии о Себе по человечеству: *Отче, прииде час: прослави Сына Твоего (Ин.17:1)*, конечно, как Слово, знает и час общего конца, не знает же как человек, потому что человеку свойственно не знать, особливо сего не знать. Но и это название усвоено Спасителем по человеколюбию; ибо когда Господь соделался человеком, не стыдится по причине незнающей плоти говорить о Себе: «Не знаю», желая показать, что, ведая как Бог, не знает по плоти. Не сказал, что не знает и Сын Божий, чтобы не оказалось неведущим Божество, но говорит просто: *ни Сын*, чтобы неведение относилось к Сыну Человеческому. Посему, говоря об Ангелах, не простирается выше и не сказал: «*ни Дух Святой*», но умолчал, делая тем двоякое указание, что, если знает Дух, тем паче, как Слово, знает Слово, от которого и Дух

приемлет (Ин.16:14); и что, умолчав о Духе, делает явным, что о человеческом Своем служении сказал: *"ни Сын"*.

В доказательство же того, что сказанное *ни Сын* *ведь* относится к человечеству, показывает вместе, что по Божеству ведаёт Он все. Ибо о Том же Сыне, о Котором сказал, что не знает часа, говорит, что знает Он Отца. *Ни Отца*, сказано, *кто знает, токмо Сын* (Мф.11:27). Всякий же, кроме ариан, согласится, что знающий Отца тем паче знает все касающееся твари, а в числе всего и конец её. И если день и час определены уже Отцем, то явно, что определены чрез Сына и Сын знает определенное чрез Него. Ибо нет ничего, что пришло бы в бытие и определено было не чрез Сына. Следовательно, Сын, будучи Творцом всего, знает, какими, в каком числе и надолго ли, по изволению Отца, получили бытие твари, в чем и когда будет их изменение. Еще же, если все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Сыну (как это сказал Сам Сын, (Ин.16:15), а Отцу принадлежит знать день, то явно, что знает и Сын, и сие собственно принадлежащим Себе имея от Отца. И еще, если Сын во Отце и Отец в Сыне. Отец же знает день и час, то явствует, что и сущий во Отце Сын и ведущий, что во Отце, Сам знает день и час. Если также Сын есть истинный образ Отца, а Отец знает и день и час, то явно, что и Сын знанием сего уподобляется Отцу.

И неудивительно, если Тот, *Имже вся быша*, и в Ком *всяческая состоятся* (Кол.1:17), знает созданные вещи, и когда конец каждой вещи и всех вообще. Но удивительно то, что и такую истину защищать принудило нас сие безрассудство, подлинно приличное только безумию ариан. Ибо причисляя к созданным Сына Божия – присносущное Слово, вскоре обучатся они утверждать, что и Сам Отец меньше твари. Если знающий Отца не знает дня и часа, то боюсь, чтобы не сказали сии безумцы, что ведение о твари, и даже о малой части твари, важнее ведения об Отце. Но они, произнося такую хулу на Духа, пусть остаются в том ожидании, что, как сказал Господь, никогда не получат отпущения в сем нечестии (Мф.12: 31).

Мы же, как христоролюбивые и христоносные, знаем, что Слово сказало: «не знаю», не приписывая незнания Себе, как

Слову, потому что Оно знает, но указывая на человечество, потому что человекам свойственно не знать; и поскольку облеклось в неведущую плоть, то, в ней пребывая, в отношении к плоти сказало: «не знаю». Так, сказав тогда: «не знает и Сын», и представив в пример незнание людей при Ное, тотчас присовокупил Господь: *бдите убо, яко не веете и вы, в кий час Господь ваш приидет* (Мф.24:42). И еще: *в оньже час не мните*, Сын Человеческий приидет (Мф.24:44). Ради вас, соделавшись подобным вам, сказал Я: ни Сын. А если бы не знал по Божеству, то надлежало бы сказать: *бдите*, потому что не знаю, и в какой час не ожидаю. Но Господь не сказал сего; сказав же: *яко не веете вы, и в оньже не мните*, показал, что не знать свойственно людям, ради которых и Он, имея подобную с ними плоть и соделавшись человеком, говорит: не знает и Сын; ибо не знает по плоти, хотя и знает, как Слово. И пример живших при Ное снова обличает бесстыдство христовборцев; потому что и здесь не сказал о Себе: Я не знал, но говорит: *не уведеша, Дóндеже прииде вода* (Мф.24:39). Не знали люди; а Кто навел потоп (это был Сам Спаситель), Тот знал день и час, в который отверз хляби небесные и разверз бездны, и сказал Ною: *вниди ты и сынове твои в ковчег* (Быт.6:18;7:1). Если бы не знал, то не предсказал бы Ною: *еще дний седьмь, Аз наведу потоп на землю* (Быт. 7:4). Если же означает день изображением бывшего при Ное, день же потопа знал, то знает, конечно, и день Своего пришествия. И сказав притчу о девах, еще яснее показал, кто суть не знающие дня и часа, когда говорит: *бдите убо, яко не веете дне, ни часа* (Мф.25:13). Незадолго пред сим говорил: *никтоже весть, ни Сын*; а теперь не сказал: и Я не знаю: но говорит: *вы не веете*. Следовательно, когда и ученики спрашивали о кончине, сказал Он: *ни Сын*. по причине тела, относительно к плоти, желая показать, что не знает, как человек: потому что людям свойственно не знать. Если Он есть Слово, и Сам имеющий прийти, Сам Судия, Сам Жених, то знает, когда и в какой час приидет и когда скажет: *востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Ефес. 5:14). Как, соделавшись человеком, Он с человеками алчет и жаждет и страждет, так с человеками и не знает, как человек; по Божеству

же, как во Отце сущее Слово и Премудрость, знает, и ничего нет сокрытого от ведения Его.

Так и о Лазаре опять по человечеству вопрошает Тот, Кто пришел его воскресить, и знает, откуда воззовет душу Лазаря; но знать, где была душа, важнее, нежели знать, где лежало тело. Спрашивал же по человечеству, чтобы воскресить по Божеству. Так спрашивает учеников, пришедши *во страны Кесарии*, хотя знал и прежде ответа Петрова. Ибо если Отец открыл Петру то, о чем вопрошал Господь, явно, что откровение было чрез Сына; ибо сказано: *никтоже весть Сына, токмо Отец, ни Отца, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти* (Мф.11:27). Если же ведение об Отце и Сыне открывается чрез Сына, то несомненно, что вопрошающий Господь, Сам прежде открыв Петру от Отца, впоследствии спрашивал по человечеству, желал тем показать, что, вопрошая по плоти, знает по Божеству, что скажет Петр. Итак, ведает Сын, потому что знает все, знает Своего Отца, а сего знания ничто не может быть выше и совершеннее.

Хотя и сего достаточно к обличению еретиков, но, чтобы еще более чрез это показать в них врагов истины и христорборцев, желательно мне спросить в свою очередь. Апостол во втором послании к Коринфянам говорит: *вем человека о Христе, прежде лет čtyредесяти: аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть* (2Кор. 12:2). Поэтому что же скажете? Знал ли Апостол, что с ним было в видении, хотя говорит: *не вем*, или не знал? Если не знал, то смотрите, чтобы вам, навывкнув падать, не впасть и в беззаконие фригов, которые говорят, будто бы пророки и другие служители Слова не знают, ни что делают, ни о чем возвещают. Если же говоря: *не вем*, Апостол знал, потому что имел в себе Христа, открывающего ему все, то, подлинно, не развращенно ли и не самоосужденно ли сердце христорборцев? Об Апостоле, когда говорит: *не вем*, утверждают, что знает, о Господе же, когда говорит: *не вем*, утверждают, что не знает. Если Павел потому, что был в нем Христос, знает и то, о чем говорит: *не вем*, то не тем ли паче ведает Сам Христос, хотя и говорит: *не вем*? Апостол, поскольку открывает ему Господь, знает, что

было с ним, потому и говорит: *вем человека о Христе*, зная же человека, знает и то, как был восхищен этот человек. Так, Елисей видел и знал, как взят был Илия. Но и зная, когда сыны пророческие стали думать, что Илия повергнут Духом *на едину от гор* (4Цар.2:16), сначала уверял их в том, что видел и знал; когда же стали принуждать его, умолк и согласился, чтобы шли искать. Неужели, поскольку умолк, то и не знал? Знал, конечно, но согласился как незнавший, чтобы они, убедившись, не сомневались более о взятии Илии. Тем паче Павел, будучи сам восхищен, знал, как он был восхищен; потому что и Илия знал, и если бы спросил кто, сказал бы, как был взят. Однако же, Павел говорит: *не вем*, как думаю, двух ради причин: во-первых, как сам сказал, *да не како за премногая откровения* почитает кто его иным *паче, еже видит* (2Кор. 12:6); а во-вторых, поскольку Спаситель сказал: *не вем*, и Павлу сказать прилично было: *не вем*, чтобы не казаться рабу выше Господина своего и ученику выше Учителя (Мф.10:24).

Следовательно, Давший ведение Павлу гораздо паче знал Сам. Ибо, говоря о том, что предшествует дню, как сказано выше, знал Он, когда день и когда час. Однако же, зная, говорит, что не знает и Сын. Для чего же тогда наименовал Себя незнающим, что знал, как Владыка? Сколько исследователям нужно прибегать к догадкам, думаю, что для нашей пользы сделал сие Господь. Предположению моему Сам Он дает значение истины. В том и другом Спаситель соблюл полезное для нас; потому что и сделал известным, что встретится прежде конца, чтобы, как Сам Он сказал, не изумлялись мы сим событиям и не ужасались их (Мф.24:6), но по оным ожидали последующего за тем конца; о дне же и часе не благоволил сказать по Божеству: «знаю», но по причине неведущей плоти, по замеченному выше, сказал: *не вем*, чтобы еще не предложили Ему вопросов, и тогда уже Ему или не опечалить учеников, не сказав, или, сказав, не сделать того, что не было бы полезно им и всем нам. Ибо что ни делает Он, все это, без сомнения, для нас, так как ради нас *Слово плоть бысть*. Поэтому ради нас сказал, что не знает и Сын. И не солгал, сказав это, потому что, как человек, по человечеству сказал, что

не знает, и не допустил учеников вынуждать у Него ответ, потому что сказанным «не знаю» остановил их вопрос.

В Деяниях Апостольских написано, что, когда *взыде* на Ангелы (Пс.17:12), восходя как человек и вознося на небо плоть, которую понес на Себе, когда и ученики, видя сие, снова вопрошали, скоро ли будет конец и скоро ли приидет, тогда сказал им яснее: *«...несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти»* (Деян.1:7). Не сказал тогда *"ни Сын"*, как говорил прежде сего по человечеству, но *несть ваше разумети*; потому что плоть Его была уже воскресшая, отложившая мертвенность и обоженная, и Ему, восходящему на небеса, прилично уже было отвечать не по плоти, но научить, наконец, по Божеству; *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти: но примите силу*. Какая же Отчая сила, кроме Сына? Ибо Христос – *сила Божия и Божия Премудрость* (1Кор.1:25). Итак, Он, будучи Словом, знал. Ибо говоря сие, давал разуметь: «...я знаю», но *несть ваше разумети*; для вас, и сидя на горе, говорил Я по плоти: «...не знает и Сын», имея в виду вашу и общую всех пользу. Ибо вам полезно слышать сие и об Ангелах и о Сыне по причине обманщиков, какие будут после сего, чтобы вы, когда демоны преобразятся в Ангелов и вознамерятся говорить о кончине, не верили им, потому что они не знают, и когда антихрист, приняв притворный вид, скажет: «я Христос», и для обольщения слушающих покусится также говорить о дне и о кончине, и ему не поверили, помня Мое слово: «ни Сын».

Сверх того, не знать, когда конец или когда день кончины, полезно людям, чтобы, зная, не соделаться им небрегающими о текущем времени во ожидании дней близких к концу, и не иметь предлога, что тогда только позаботятся о себе. Поэтому умолчал и о смертной кончине каждого, чтобы под предлогом знания люди, надмившись, не начали бóльшую часть времени нерадеть о себе. Так Слово сокрыло от нас то и другое, и конец всего, и предел каждого (потому что с общею кончиною соединен конец и каждого, и кончиною каждого приближается общий конец), чтобы, поскольку конец неизвестен и непрестанно ожидается, с каждым днем, как призываемые, преспевали мы, в

предняя простираяся, задняя же забывая (Флп.3:13). Ибо кто, зная день кончины, не оставит без внимания текущего времени? Не зная же дня сего, не будет ли готовиться каждый день? Посему-то и присовокупил Спаситель к сказанному, говоря: *«Бдите убо, яко не весте вы, в кий день Господ ваш приидет»* (Мф.24:42); и *«в оньже не мните час, Сын Человеческий приидет»* (Лк. 12:40). Следовательно, сказал сие по причине пользы такого неведения; ибо говорит сие с тою целью, чтобы всегда были мы готовы. Вы, говорит, не знаете, а Я, Господь, знаю, когда прииду, хотя ариане не ожидают Меня, Отчее Слово. Итак, Господь, лучше нас зная полезное для нас, предостерегал Сам учеников; и они, выразумев сие, исправили тех фессалоникийцев, которые готовы были погрешить в этом.

Но поскольку христорборцы и сим не приводятся в стыд, то, хотя знаю, что сердце их ожесточеннее фараонова, хочу однако же спросить их еще и о сем. Бог спрашивает в раю, говоря: *«Адаме, где еси»* (Быт. 3:9)? Вопросает и Каина: *«...где есть Авель, брат твой»* (Быт. 4:9)? Поэтому что скажете о сем? Если полагаете, что Бог не знает и потому спрашивает, то вы присоединяетесь уже к манихеям, потому что им принадлежит такая дерзкая мысль. Если же, опасаясь явного наименования манихеями, принудите себя сказать, что спрашивает зная, то какую несообразность или странность можете примечать в том, что Сын, чрез Которого тогда вопрошал Бог, Сей, говорю, Сын и ныне, облеченный плотию, как человек, вопрошает учеников? Разве пожелаете, став манихеями, порицать и данный тогда Адаму вопрос, только бы иметь вам случай похвалиться своим злоумием.

Во всем обличаемые, еще ропщете вы по причине сказанного у Луки, хотя и хорошо сие сказано, вы же понимаете худо. Что же это именно, необходимо предложить здесь, чтобы и в этом виден был развращенный ум еретиков. Итак, Лука говорит: *«...и Иисус преспеваше премудростию и возрастом и благодатию у Бога и человек»* (Лк.2:52). Таково изречение. Но поскольку ариане и в сем находят преткновение, то необходимо опять спросить их как саддукеев и фарисеев, о ком говорит Лука? Спрашиваем же так, Иисус Христос есть ли человек, как и

все прочие человеки, или Бог, носящий на Себе плоть? Если и Он обыкновенный человек, подобный другим людям то пусть и преуспевает так же, как человек. Это-мудрование Самосатского, которого и вы в сущности держитесь, по имени же только отрицаетесь ради людской молвы. А если Он-Бог, носящий на Себе плоть (как и действительно), и *Слово плоть бысть*, и будучи Богом, снисшло на землю, то какое преспеяние имел Тот, Кто равен Богу? Или с чего начав, возрастал Сын, всегда сущий во Отце? Если преспеивает всегда Сущий во Отце, что будет выше Отца, в чем бы преспеивать Сыну? Потом хорошо будет сказать здесь то же, что сказано о приятии и прославлении. Если преспеивает, соделавшись человеком, то явно, что, пока не соделался человеком, был несовершен, и более плоть стала причиною Его совершенства, нежели Он причиною совершенства плоти. И еще, если, будучи Словом, преспеивает, то чем же может соделаться высшим Слова, Премудрости, Сына, Божией силы? А Слово есть все это, и кто может соделаться сколько-нибудь причастником сего, как луча, тот делается совершеннейшим человеком и равноангельным. Ибо и Ангелы, и Архангелы, и господства, и все силы, и престолы, по общению с Словом, *выну видят* лице Отца Его. Как же Дарующий совершенство другим Сам преспеивает после них? Ангелы служили и при человеческом Его рождении, и сказанное Лукою говорится после служения Ангелов. Как же вообще может даже прийти сие на мысль человеку? Или как Премудрость преспеивала премудростию? Как Подающий благодать другим (о чем Павел, зная, что Им преподается благодать, говорит во всяком послании: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами*) Сам преспеивал благодатию? Или пусть скажут, что Апостол солгал, или пусть осмелятся утверждать, что Сын не есть Премудрость. А если Он-Премудрость, как Соломон сказал и написал Павел: *Христос Божия сила и Божия Премудрость*, то какое преспеяние допускала Премудрость? Люди, будучи тварями, могут простираться вперед и преспеивать в добродетели. Так, Енох *преложен бысть*, и Моисей возрастая усовершеншался, и Исаак, преспеивая, стал велик, и Апостол сказал о себе, что с каждым днем *простирается в предняя*. Ибо

каждому было в чем преспевать, взирая на предлежащую ему степень. Но Сын Божий, как единый, к чему мог простираться? Все преспевает, взирая на Него, Сам же Он един во едином Отце, и от Него уже не простирается, но в Нем всегда пребывает. Посему преспевать свойственно людям; Сын же Божий, поскольку Ему не в чем преспевать, будучи совершенным во Отце, смирил Себя нас ради, чтобы Его смирением мы могли паче возрастать; возрастание же наше не в ином чем состоит, как в удалении от чувственного и в приближении к Самому Слову, потому что и Его смирение не иное что есть, как восприятие нашей плоти. Поэтому преспевало не Слово, поколику Оно, Слово, совершенное от совершенного Отца, ни в чем не имеющее нужды, но и других возводящее к преспеянию; но и здесь именуется преспевающим по человечеству, потому что и преспеяние свойственно также людям.

И Евангелист, говоря с строгою осмотрительностью, к преспеянию присоединил и *возраст*. Слово и Бог не измеряется возрастом, возрасты же принадлежат телам; следовательно, и преспеяние принадлежит телу. С преспеянием тела преспевало в нем для видящих и явление Божества. А в какой мере открывалось Божество, в такой более и более для всех людей возрастала благодать, как в человеке. Будучи младенцем, был Он носим; став отроком, остался во храме и вопрошал священников о законе; а по мере того, как постепенно возрастало тело, и являло Себя в нем Слово, исповедуют уже сперва Петр, а потом и все, что *воистинну Божий Он Сын*, хотя иудеи, и древние и сии новые, добровольно смежают очи и не хотят видеть, что преспевать премудростию не то значит, будто бы преспевает Сама Премудрость, скорее же то, что преспевает премудростию человечество.

И Иисус преспеваше премудростию и благодатию. Если же надобно выразиться вместе истинно и удобопонятно, то Иисус преспевал Сам в Себе, потому что *Премудрость* созда Себе дом (Притч.9:1) и соделала, что дом преспевал Ею. О каком же говорится преспеянии? Не о том ли обожении и не о той ли благодати, какие, по замеченному выше, после

уничтожения в людях греха и бывшего в них тления, по подобию и сродству с плотию Слова, преподаются им Премудростию? Так, когда с летами возрастало тело, соответствовало сему в нем и явление Божества, и всем делалось явно, что Божий это храм и что Бог был в теле.

Если же будут упорствовать, что Слово, соделавшееся плотию, наречено Иисусом и к Нему станут относить сказанное: *преспеваше*, то пусть слышат, что и сие не умаляет Отчего Света (потому что Сын есть Отчий Свет), показывает же опять, что Слово соделалось человеком и носило на Себе истинную плоть. И как говорили мы, что Слово плотию страдало, плотию алкало и плотию утруждалось, так справедливо можно сказать, что Оно плотию преспевало; потому что не вне было Слово, когда совершалось сие, какое бы то ни было, сказанное нами преспеяние. В Слове была преспевающая плоть и называется плотию Слова. И сие опять для того, чтобы человеческое преспеяние, по причине соприсущего Слова, пребывало непогрешительным. Итак, это не преспеяние Слова, Премудрость не была плотию; но плоть соделалась телом Премудрости. Посему, как уже сказали мы, не Премудрость, поколику Она-Премудрость, Сама в Себе преспевала, но человечество преспевало премудростию, постепенно возвышаясь над естеством человеческим, обожаясь, соделываясь и являясь для всех органом Премудрости для действительности Божества и Его воссияния. Потому не сказал Евангелист, что преспевало Слово, но *Иисус преспеваше*, а сим именем наречен Господь, соделавшись человеком. И таким образом, преспеяние, как сказали мы и выше, принадлежит естеству человеческому.

Посему как с преспеянием плоти Господь Сам именуется преспевающим, потому что тело принадлежало Ему собственно, так и сказуемое относительно ко времени смерти, что Господь возмущался, плакал, надобно принимать в том же смысле. Ибо еретики, кидаясь туда и сюда, и на этом как бы вновь созидая свою ересь, говорят, что вот плакал и говорил: *ныне душа Моя возмутися* (Ин.12:27), и молился, *да мимоидет чаша* (Мф.26:39); почему же, если говорил это, Он-Бог и Отчее

Слово? Так написано, богоборцы, что плакал, и говорил: *возмутися, и на кресте сказал: Елои, Елои, лима савахфани? еже есть: Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мк. 15:34; Мф.27:46); молился и о том, *да мимоидет чаша: и сие* написано. Но я желал бы также, чтобы и вы дали ответ. Ибо каждое из ваших возражений необходимо отражать тем же. Если Глаголющий есть простой человек, то пусть плачет и боится смерти как человек. Если же Он-Слово во плоти (для нас необременительно повторять всегда одно и то же), то чего было бояться Ему – Богу? Или почему убоялся смерти, будучи Сам жизнь и других спасая от смерти? Или почему, говоря: *не убойтеся от убивающих тело* (Лк. XII, 4), Сам убоялся? Почему Тот, Кто говорит Аврааму: *не бойся, яко с тобою есмь* (Ис. 43:5), и Моисея поощряет к мужеству пред фараоном, и Навину говорит: *крепися и мужайся* (Нав.1:6), Сам пришел в боязнь от Ирода и Понтия? Притом другим став помощником, чтобы не имели страха (ибо сказано: *Господь мне помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек* Пс.117:6), Сам устрасился игемонов, людей смертных, и добровольно пришедши на смерть, убоялся смерти? Совместно ли с чем и не злостно ли говорить, что убоялся смерти или ада Тот, Кого *видевшие вратницы адовы убояшася* (Иов.38:17)? Если же по словам вашим убоялось Слово, то почему же незадолго пред сим, говоря о злоумышлении иудеев, Оно не спаслось бегством, но когда искали, сказало: *Аз есмь* (Ин.17:5)? Господь мог и не умереть, как говорил: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю; и никтоже возмет ю от Мене* (Ин.10:18). Напротив того, бояться свойственно было не естеству Слова как Слова, христороборцы и неблагодарные иудеи, но Слово было во плоти, подверженной страху. И не говорилось сего о Слове до приятия Им плоти; когда же *Слово плоть бысть*, и соделалось человеком, тогда написано сие относительно к человечеству. Несомненно же, что, о Ком написано сие, Тот воскресил Лазаря из мертвых, воду соделал вином, даровал зрение родившемуся слепым, и говорил: «*Аз и Отец едино есма*» (Ин.10:30).

Итак, если еретики человеческие свойства выставляют в предлог к тому, чтобы о Сыне Божиим думать низко, лучше же сказать, почитают Его человеком совершенно земным и не небесным, то почему из дел Божеских не признают Слова, сущего во Отце, и не отрекутся наконец от своего злочестия? Ибо можно им видеть, почему Творящий дела есть Тот же Самый, Кто являет и удобостраждущее тело, попуская ему плакать и алкать и обнаруживать в себе свойственное телу. Чрез подобное сему делал Он известным, что Он ,бесстрастный Бог, и приял на Себя удобостраждущую плоть; а делами доказывал о Себе, что Он есть Божие Слово, впоследствии соделавшееся человеком, и говорил: *аще и Мне не веруете, видя Меня облеченным в человеческое тело, делом Моим веруйте, да разумеете, яко Аз во Отце, и Отец во Мне (Ин.10:38).*

Но весьма великими кажутся мне бесстыдство и хула христорборцев. Слыша: *Аз и Отец едино есма*, усиливаются перетолковать смысл и расторгнуть единство Отца и Сына; а слыша, что плакал, проливал пот, страдал, не обращают внимания на тело, но причисляют за сие к твари Того, Кем тварь получила бытие. Чем же наконец еретики сии отличаются от иудеев? Как те хульно приписывали дела Божии веельзевулу, так и они, причисляя к тварям совершившего дела сии Господа, понесут на себе и одинаковое с иудеями непощадное осуждение. Но им, слыша *Аз и Отец едино есма*, надлежало видеть единое Божество и свойственное Отчей сущности, а слыша «плакал» и подобное тому, именовать сие свойственным телу, тем паче, что в том и другом имеют основательный повод признавать одно написанным о Нем, как о Боге, а другое сказанным по причине человеческого Его тела. В Бесплотном не было бы свойственного телу, если бы не приял на Себя тленного и смертного тела. Ибо смертною была святая Мария, от Которой было тело. А потому, когда был Он в теле страждущем, способном плакать и утомляться, тогда необходимо стало, чтобы Ему вместе с телом приписывалось и то, что собственно принадлежит плоти. Итак, если Он плакал и возмущался, то плакало и возмущалось не Слово как Слово, но

это свойственно было плоти; если и молился: «...да мимоидет чаша», то не Божество страшилось, но и сия немощь свойственна была человечеству.

И слова: «...вскую Мя еси оставил», по сказанному выше, Ему же опять, хотя нимало не страждущему (потому что Слово было бесстрастно), приписали однако же Евангелисты. Ибо Господь соделался человеком, и сие совершается и говорится Им, как человеком, чтобы Ему Самому, облегчив и сии страдания плоти, соделать плоть свободною от них. Посему не может быть и оставлен Отцом Господь, всегда сущий во Отце, как и прежде нежели изрек сие, так и по произнесении сих слов. Но непозволительно опять сказать, будто бы убоялся Господь, Которого убоявшись, *вратницы адовы* дали свободу содержимым во аде, *и гробы отверзошася, и много, телеса святых восташа и явишася своим* (Мф.17:52–53). Итак, да умолкнет всякий еретик, и да устрашится говорить, будто бы имел боязнь Господь, от Кого бежит смерть как змий, пред Кем трепещут демоны, Кого страшится море, для Кого разверзаются небеса и все силы колеблются. Ибо вот, когда говорит Он: «вскую Мя еси оставил», Отец показывает, что как всегда, так и в это время был Он в Нем, потому что земля, зная вещающего Владыку, немедленно потряслась, завеса раздралась, солнце сокрылось, камни расселись, гробы, как сказано выше, отверзлись, и бывшие в них мертвецы восстали, и, что всего удивительнее, предстоящие, которые прежде отреклись от Него, когда увидели сие, исповедуют, что *воистинну Божий Сын есть Сей* (Мф.17:54).

В рассуждении же сказанного Им: *аще возможно есть, да мимоидет чаша* (Мф.17:39), обратите внимание на то, почему Сказавший сие в ином случае сделал упрек Петру: *не мыслиши, яже Божия, но человеческая* (Мф. 26:23). Об отменении чего просил, Сам того хотел, на то и пришел. Но как Ему было свойственно хотеть сего, потому что на сие и пришел, так плоти свойственно было и страшиться; почему, как человек, сказал Он слова сии. И опять, то и другое сказано было Им в доказательство, что Он-Бог, Сам хотел сего, но, соделавшись человеком, стал иметь страшливую плоть и по причине оной

волю Свою срастворил человеческою немощию, чтобы, и сие также уничтожив, снова соделать человека не боящимся смерти. Вот подлинно необычайное дело! Кого христорборцы почитают говорящим по боязни, Тот мнимую боязнию соделал людей отважными и небоязненными. И блаженные Апостолы после Него, вследствие слов сих, столько начинают презирать смерть, что не обращают внимания на судей своих, но говорят: *«...повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком»* (Деян.5:29). Другие же святые мученики до того простирали небоязненность, что скорее можно было почитать их преходящими в жизнь, нежели претерпевающими смерть. Итак, не явная ли несообразность-удивляться мужеству служителей Слова, и приписывать боязнь Самому Слову, силою Которого и они презирали смерть? Самою твердою решимостию и мужеством святых мучеников доказывается, что не Божество имело боязнь, но нашу боязнь отъял Спаситель. Ибо, как смерть привел в бездействие смертию и все человеческое-Своим человечеством, так и мнимую боязнию отъял нашу боязнь и соделал, что люди не боятся уже смерти. Поэтому и говорил и вместе делал сие. Человечеству свойственно было говорить: *«да мимоидет чаша»*; и *«вскую Мя еси оставил»*; а по Божеству соделал Он, что меркнет солнце, и восстают мертвые, и опять, говоря по-человечески: *ныне душа Моя возмутися*, говорил Божески: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю*. Возмущаться свойственно было плоти, а иметь власть положить и приять душу, когда хочет, не человекам уже свойственно, но возможно только силе Слова. Человек умирает не по собственной своей власти, но по необходимости природы и против воли; Господь же, Сам будучи бессмертным, но имея смертную плоть, был властен, как Бог, разлучиться с телом и снова восприять оное, когда Ему было угодно. О сем и Давид воспевает: *не оставиши душу мою во аде, ниже даси преподобному Твоему видети истления* (Пс.15:10). Плоти тленной прилично было не оставаться более смертною, сообразно с естеством своим, но пребывать нетленною по причине облекшегося в нее Слова. Как Оно, быв в

нашем теле, подражало свойственному нам, так мы, прияв Его, от Него приобщаемся бессмертия.

Посему ариане напрасно притворяются соблазняющимися и низко думают о Слове, если написано: *возмутися, и плакал*. По-видимому, не имеют они человеческого чувства, не зная естества человеческого и свойственного людям. Надлежало более дивиться сему, что Слово было в такой удобостраждущей плоти и не воспрепятствовало злоумышляющим, не показало убийц, хотя и мог сие сделать Тот, Кто других удерживал от смерти и умерших воскрешал из мертвых. Напротив того, Слово попустило пострадать собственному Своему телу. Для того, как говорил я прежде, и пришло Оно, дабы пострадать плотию и плоть соделать наконец бесстрастною и бессмертною и дабы чрез страдания и все бывшее, поколику относилось это и к Самому Слову, соделать, чтобы более уже не касалось это людей, но совершенно уничтожилось в Нем, и люди, как храм Божий, пребывали уже нетленными вовек.

Если бы так рассуждали о сем христорборцы и церковное руководство признавали за якорь веры, то не подверглись бы крушению в вере и не дошли бы до такого бесстыдства, чтобы противиться желающим восставить их от падения и, лучше сказать, почитать врагами увещающих к благочестию. Но, как видно, еретик имеет подлинно лукавое и во всем развращенное нечестием сердце. Ибо вот во всем обличаемые и, как оказывается, лишенные всякого смысла, они не стыдятся; но как описываемая в еллинских баснях гидра, когда умерщвляли у неё прежних змей, порождала новых и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь порождаемых змей, так и сии богоборцы и богоненавистные, подобно гидрам в душе, смертельно поражаемые во всем, что выставляют в свою защиту, изобретают себе новые иудейские и буии вопросы и, как бы враждуя против истины, вымышляют новое, чтобы только во всем показать себя христорборцами. Ибо после столь многих обличений, при которых и сам отец их диавол обратился бы вспять, они снова ропшут, вымышляя в ухищренном сердце своем, и одним шепчут, другим, как комары, жужжат, говоря: «Положим, что так толкуете вы это и преодолеваете

умозаключениями и доводами; но должно сказать, что по хотению и изволению произошел Сын от Отца». И, ограждая себя Божиим хотением и изволением, обольщают сим многих. Но если бы кто из правоверующих говорил сие в простоте, то не было бы ничего подозрительного в сказанном, потому что простодушное произнесение таких слов превозмогалось бы православным разумением. поскольку же говорят это еретики, а еретические речи подозрительны и, как написано, *управляют же нечестивии лестии, и словеса их льстива* (Притч. 12:5–6), хотя бы сделали и один намек, потому что имеют развращенное сердце, то исследуем сказанное ими и разыщем, не с тем ли они, во всем обличенные, наконец, подобно гидрам, измыслили новое речение, чтобы при таком хитрословии и при своей вкрадчивости снова в ином виде посеять свое нечестие.

Кто говорит, что Сын произошел по хотению, означает сим то же, что и утверждающий: «Было, когда не было Сына, и Он произошел из не сущего, и есть тварь». Но поскольку ариане постыждены за такие речи, то хитрецы сии вознамерились иначе означить то же самое, ограждаясь хотением, как каракатицы черной влагой, чтобы омрачить тех людей простосердечных, а самим не забыть своей ереси. Откуда сие по хотению и изволению? Или из какого Писания приводят такие слова? Пусть скажут сии подозрительные в речах своих и изобретатели злочестия! Отец, с небеси открывая Слово Свое, изъявил: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. 3:17); и чрез Давида сказал: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Пс. 44:2); и Иоанну повелел сказать: *в начале бе Слово*; и Давид воспевая говорит: *яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35:10); Апостол же пишет: *Иже сый сияние славы* (Евр. 1:3); и еще *Иже во образе Божии сый* (Флп. 2:6); и *Иже есть образ Бога невидимаго* (Кол. 1:15). Все и везде говорят о бытии Слова и нигде о том, что Оно от хотения, и вообще, что Оно сотворено. Где же нашли еретики хотение или изволение, предшествующее Божью Слову? Разве, оставив Писания, прикроются злоумием Валентина. Ибо Птолемей, ученик Валентинов, говорил, что Нерожденный имеет два рога: мысль и изволение – и сперва помыслил, потом изволил; и что помыслил, того не мог бы

произвести, если бы не превзошли и силы воли. И научившись из сего, ариане хотят, чтобы Слову предшествовали изволение и хотение. Итак, пусть соревнуют они в заблуждениях Валентину; а мы, читая Божии словеса, находим о Сыне: *бе, и слышим, что Он один во Отце и есть Отчий образ; об одних же созданных, потому что их и по естеству некогда не было, превзошли же они впоследствии, читаем, что им предшествовало хотение и изволение, как воспевают Давид во сто тринадцатом псалме: Бог наш на небеси и на земли: вся елика восхоте, сотвори (Пс.113:11); и во сто десятом: велия дела Господня, изыскана во всех волях Его (Пс.110:2); и еще во сто тридцать четвертом: вся елика восхоте Господь, сотвори, на небеси и на земли, в морях и во всех безднах (Пс.134:6).* Посему если Сын есть дело и произведение, один из всего, то пусть будет сказано, что и Он произведен хотением; ибо, по указанию Писания, так произошли твари. И защитник ереси, Астерий, соглашаясь с сим, пишет так: «Если недостойно Создателя производить по изволению, то пусть во всем также отъята будет у Него воля, чтобы неприкосновенным сохранилось у Него достоинство. Если же прилично Богу хотеть, то пусть и в рассуждении первого рождения принадлежит Ему совершеннейшее. Ибо невозможно, чтобы одному и тому же Богу и приписываемая была воля в рассуждении производимого, и приличествовало не хотеть». Сложив в словах своих величайшее, какое только возможно, злочестие, а именно, что произведение и рождение есть одно и то же и что Сын есть одно из всех сущих рождений, лжеумствователь заключил тем, что о произведениях следует говорить, что они по хотению и изволению.

Итак, если Сын иной есть от всех, как и прежде сего было доказано, вернее же сказать, Им произведены и дела, то пусть не говорят, что и Он по хотению, иначе и Он будет происходить так же, как состоялось все сотворенное Им. Ибо Павел, которого прежде не было, впоследствии однако *волею Божиею* стал Апостолом (1Кор.1:1). И наше звание, которого не имели мы некогда, ныне же получили, имеет предшествовавшее ему хотение, как опять говорит тот же Павел: *бысть по*

благоволению хотения Его (Еф.1:5). Сказанное же Моисеем: да будет свет, и да изведет земля, и сотворим человека думаю, как сказано было и выше, означает хотение Творящего, потому что Создатель совещаает сотворить не существовавшее некогда, привходящее же совне. Но собственному Его Слову, рожденному от естества Его, не предшествует совещание: потому что Отец все прочее, о чем совещаает, Им производит, и Им зиждет, как учит нас и Апостол Иаков, говоря: *восхотев породити нас Словом истины (Иак.1:18)*. Посему о всех возрождаемых и единожды приводимых в бытие есть Божие хотение в Слове, Которым Бог преднамеренное Им производит и возрождает. И сие опять дает разуместь Апостол, пиша в Фессалонику: *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас (1Фес. 5:18)*. Если же, Кем творит, в Том и хотение, и во Христе воля Отца, то как же Сам Христос может происходить по хотению и изволению? Если и Он, подобно нам, произошел по хотению, то необходимо и о Нем состояться хотению в другом каком-либо слове, которым и Он производится. Ибо доказано, что хотение Божие не в том, что приводится в бытие, но в Том, Кем и о Ком приходят в бытие все создания.

Притом поскольку сказать по хотению, значит то же, что и было, когда не был; то пусть удовольствуются сим изречением: было, когда не был, и постыждаемые тем, что чрез сие означают время, пусть знают, что, употребляя слово по хотению опять наводят на мысль, что прежде Сына было время. Ибо тому, чего некогда не было, как должно сказать о всех тварях, предшествует совещание. Если же Слово есть Зиждитель тварей, Само же соприусе Отцу, то Присноусущему может ли, как не сущему, предшествовать совещание? Если предшествует Ему совет, то как же Им все? Напротив того, один из всех будет и Сам Сын, рожденный по хотению, подобно тому, как и нас Слово истины соделало сынами, и необходимо уже нам, как сказано, искать другаго слова, которым и Сын получил бытие и рожден вместе со всеми, кого восхотел породить Бог.

Поэтому ежели есть иное Божие слово, то пусть и Сын произведен будет словом. Если же нет иного слова (как и действительно нет), но все, что угодно было Отцу, получило

бытие Сыном, то не выказывается ли в этом многоглавое коварство еретиков? Постыженные за наименование Сына произведением и тварию и за это положение: не было Божия Слова, пока не рождено, снова выражают иначе, что Сын есть тварь, ограждая себя речением «хотение» и говоря, что если Он не по хотению произошел, то значит, что по необходимости и против воли имел Бог Сына. Но кто же налагает на Него необходимость? Прелукавые еретики, старающиеся все обратить в пользу своей ереси? Усмотрели вы, что противоположено хотению, а что важнее и выше, того не заметили. Как хотению противопоставляется несогласное с волею, так выше и первоначальнее свободного избрания то, что в естестве. Человек строит дом по свободному изволению, а сына рождает по естеству. И что устроивается по хотению, то получило начало бытия, и оно для творящего есть внешнее; а Сын есть собственное рождение Отчей сущности, не отвне Отца. Поэтому Отец не совещавет о Сыне, иначе должно было бы заключить, что Он совещавет и о Себе Самом. Итак, в какой мере Сын выше твари, в такой же и то, что от естества, выше хотения. И еретикам, слыша сие, надлежало не вменять хотению того, что от естества; но они, забыв, что слышат о Сыне Божиим, осмеливаются употреблять о Боге человеческие противоположения «по необходимости и против воли», чтобы отрицать им бытие истинного Сына Божия.

Действительно, пусть скажут нам сами, по хотению ли или не по хотению у Бога то, что Он благ и милосерд? Если по хотению, то должно заметить, что Он начал быть благим и есть возможность не быть Ему благим; потому что при совещании и избрании имеет место склонность к тому и другому, и состояние сие свойственно разумной природе. Если же по причине заключающейся в сем необходимости Бог благ и милосерд не по хотению, то пусть услышат то же, что сказали сами, что, следовательно, Он благ по необходимости и не по воле. Кто же налагает на Него и сию необходимость? Если ни с чем несообразно приписывать Богу необходимость, и поэтому Он благ по естеству, то гораздо паче и с большею несомненностью по естеству, а не по хотению Он – Отец Сына.

Но намереваюсь бесстыдству их предложить вопрос, хотя и смелый, впрочем (да помилует Владыка!) имеющий целью благочестие; пусть еще скажут нам и сие, что Сам Отец, совещавшись прежде и потом возжелав или и прежде совещания, так существует? Еретикам, дерзнувшем отзываться так о Слове, надлежит выслушать и это и из сего выразуметь, что такая их продерзость касается и Самого Отца. Итак, если, однажды навсегда решившись рассуждать о хотении, скажут они, что и Отец – вследствие хотения, то чем же был Он до совещания? Или что большее стал иметь, как говорите вы, по совещании? Если же такой вопрос нелеп и несостоятелен, и вообще, непозволительно даже и говорить что-либо подобное (ибо слыша о Боге, достаточно для нас знать и представлять в мысли только одно, что Он есть *Сый*), то не будет ли неразумно подобным образом думать и о Слове и выставять на вид хотение и изволение? Ибо слыша и о Слове, достаточно для нас знать и представлять в мысли только одно, что не вследствие хотения Сущий Бог, не по хотению, но по естеству имеет собственное Слово. Не выше ли всякого безумия даже и помыслить только, будто бы Сам Бог совещавает, размышляет, избирает и побуждает Себя к соизволению не быть без Слова и Премудрости, но иметь Слово и Премудрость? Совещающийся о Том, Кто собственно от Его сущности, видимо совещавает о Себе Самом.

Поэтому много хульного в таком мудровании, благочестно же будет сказать, что существа созданные пришли в бытие по благоволению и хотению, а Сын – не привзошедшее, подобно твари, создание воли, но собственное по естеству рождение сущности. Ибо, будучи собственным Отчим Словом, не позволяет думать о каком-либо предшествовавшем Ему хотении; потому что Сам Он есть Отчий совет, Отчая сила и Зиждитель угодного Отцу. И сие Сам Он говорит о Себе в Притчах: *Мой совет и утверждение, Мой разум, Моя же крепость* (Притч. 18:14). Как Сам Он есть разум, которым уготовал небеса, и Сам есть крепость и сила (потому что Христос *Божия сила и Божия Премудрость* 1Кор.1:24), теперь же, превратив речь, сказал: *Мой разум и Моя крепость*; так,

говоря: *Мой совет*, Сам есть живой Отчий совет, как научены мы и пророком, что Он делается Ангелом *велика совета* (Ис.9:6), и Он же наречен *Отчею волею* (Ис.62:4). Так надобно обличать еретиков, которые о Боге представляют человеческое. Итак, если создания произошли по хотению и благоволению и вся тварь получила бытие по воле, и Павел *волею Божиею* наречен *посланник* (Еф.1:1), и *звание наше было по благоволению и воле* (Еф. 1:9), все же получило бытие Словом, то Слово состоит вне получивших бытие по хотению, лучше же сказать, Само Оно есть тот живой Отчий Совет, Которым *вся быша*, Которым и святой Давид, благодаря, сказал в семьдесят втором псалме: *удержал еси руку десную мою, и советом Твоим наставил мя еси* (Пс. 72:23–24). Как же Слово, будучи советом и волею Отца, может и Само, подобно каждой твари, прийти в бытие по воле и хотению? Разве еретики по сказанному прежде в безумии своем скажут опять, что Слово произведено Само Собою или другим каким словом. Поэтому кем же получило Оно бытие? Пусть измыслят иное слово и, соревнуя Валентинову учению, наименуют иного Христа. В Писании нет сего. Но если и измыслят иное слово, то, без сомнения, и оно приходит в бытие кем-либо. И наконец, когда рассуждаем таким образом и доискиваемся следствий, открывается пред нами многоглавая ересь безбожников, впадающая в многобожие и безмерное безумие, по которой еретики, желая, чтобы Сын был тварью и из не сущих, то же самое выражают иначе, прикрывая себя словами «хотение и изволение», которые всего более с основательностью можно употреблять о вещах созданных и о тварях.

Не нечестиво ли же свойственное существам созданным относить к Создателю? Не богохульно ли говорить, что во Отце есть хотение прежде Слова? Если хотение во Отце предшествует, то не истину говорит Сын: *Аз во Отце* (Ин. 14:10). Или если и Он во Отце, но будет считаться вторым, то неприлично было Ему сказать о Себе: *Аз во Отце*, когда прежде Него было хотение, которым, по словам вашим, *вся быша*, и состоялся Сам Сын. Ибо хотя отличается Он славою, однако же тем не менее есть один из получивших бытие по хотению. Но в

таком случае, как сказали мы прежде, почему Он – Господь, а прочие – рабы? А Он есть Господь всех, потому что в единении с господством Отца; и тварь, без сомнения, есть раба, потому что она вне единства со Отцом и, некогда не существовав, пришла в бытие.

Но еретики, говоря, что Сын получил бытие «по хотению», должны были сказать и «по разумению», потому что разумение и хотение, как думаю, есть одно и то же. Кто совещаает о чем, тот и понимает сие, и что понимает, о том совещаает. Сам Спаситель соотносительно совокупил между собою то и другое как родственное, говоря: *Мой совет и утверждение, Мой разум, Моя же крепость*. Как крепость и утверждение есть одно и то же, потому что это есть самая сила, так одно и то же значит сказать, что есть разум и совет, потому что это есть Господь. Но нечестивые не соглашаются, что Сын есть Слово и Живой Совет; баснословят же о Боге, что разум, и совет, и премудрость бывают в Нем по-человечески, как состояние случайное и не имеющее иногда места; и все приводя в движение, выставляют на вид с Валентином мысль и изволение, только бы разлучить Сына со Отцом и сказать, что Он – не собственное Отчее Слово, но тварь.

И они пусть услышат подобное тому, что сказано Симону волхву, что нечестие Валентиново с вами *да будет в погибель* (Деян. 8:20). Каждый же из нас да поверит лучше Соломону, который говорит, что Слово Само есть премудрость и разум, ибо сказано: *Бог премудростию основа землю, уготова же небеса разумом* (Притч. 3:19). И как здесь сказано «разумом», так во Псалмах: *Словом Господним небеса утвердишася* (Пс. 32:6). И как небеса Словом, так и *вся елика восхоте, сотвори* (Пс. 134:6); как и Апостол пишет Фессалоникийцам: *есть воля Божия о Христе Иисусе* (1Фес. 5:18). Посему Сын Божий Сам есть Слово и Премудрость, Сам разум и живой совет; в Нем воля Отчая, Он есть истина, свет и сила Отчая. Если же хотение Божие есть премудрость и разум, также и Сын есть Премудрость, то утверждающий, что Сын получил бытие по хотению, утверждает с сим вместе, что Премудрость произведена премудростью, Сын сотворен сыном. Слово

создано словом. А сие прекословно Богу и противно Его Писаниям. Ибо Апостол проповедует, что Сын есть собственное сияние и образ не хотения, но самой Отчей сущности, говоря: *Еже сый сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. 1:3). Если же, как сказали мы выше, Отчая сущность и ипостась не от хотения, то явно не от хотения также и то, что составляет собственность Отчей ипостаси. Ибо какова есть и как есть она блаженная ипостась, таким и так должно быть и собственное Её рождение. И Сам Отец не сказал, что «Сей есть по хотению Моему происшедший Сын» или «Сын, Которого имею по благоволению», но просто говорит: *Сын Мой*, и сверх того: *о Нем же благоволих*, показывая тем, что Он есть Сын по естеству, но в Нем Мое хотение угодного Мне.

Поелику же Сын по естеству, а не по хотению, то ужели Он есть нежеланный Отцу и противный Отчему хотению? Никак; напротив того, и желателен Сын Отцу, и, как Сам говорит, *Отец любит Сына и вся показывает Ему* (Ин. 5:20). Как Бог, хотя не по хотению начал быть благим, однако же благ не против хотения и воли, ибо каков Он есть, то и желательно Ему, так и сие, что есть Сын, хотя не по хотению началось, однако же не против желания и воли Божией. Как желательна Богу собственная Своя ипостась, так не нежелателен Ему и собственный Сын, сущий от Его сущности. Итак, желателен и возлюблен Отцу да будет Сын. Так да рассуждают благочестно о воле Божией и о том, что непротивно Божью хотению. Ибо Сын тем же изволением, каким изволяет Его Отец, и Сам любит, и изволяет, и чтит Отца, и единая есть воля, сущая в Сыне от Отца; почему и из сего усматривается, что Сын во Отце, и Отец в Сыне.

Посему никто, согласно с Валентином, да не вводит предшествующего хотения и под предлогом хотения да не ставит себя посредником между единым Отцом и единым Словом. Ибо безумствует, кто между Отцом и Сыном поставляет хотение и совещание. Иное дело – говорить, что произошел по хотению, иное же сказать, что любит и желает Сына, как собственного Своего по естеству. Сказать, что произошел по хотению, значит, во-первых, предположить, что некогда Он не был; а потом, по сказанному, допустить, что

возможна склонность к тому и другому; почему иной может подумать, что Бог мог и не похотеть Сына. Но сказать о Сыне, что мог и не быть, есть злочестивая дерзость, простирающаяся и на Отчую сущность. Если сказать, что могло не быть собственно принадлежащее сей сущности, то сие значит то же, как и сказать, что Отец мог не быть благим. Но как Отец всегда по естеству благ, так всегда по естеству Родитель. Слова же, что Отец хочет Сына, и Слово хочет Отца, не на предшествующее указывают хотение, но дают разуместь преискренность естества, свойство и подобие сущности. Как можно о сиянии и свете сказать, что сияние не имеет в свете предшествующего хотения, но есть по естеству рождение, изволяемое породившим его светом не по совещанию воли, но по естеству и в действительности, так правильно будет сказать об Отце и Сыне, что Отец любит и хочет Сына, а Сын любит и хочет Отца. Посему, да не именуется Сын созданием воли, и да не вводятся в Церковь Валентиновы понятия, да именуется же Сын живым светом и истинно рождением по естеству, подобно сиянию света. Так и Отец сказал: *отрыгну сердце Мое Слово благо*; и согласно с сим говорит Сын: *Аз во Отце, и Отец во Мне*. Если же слово в сердце, то где хотение? И если Сын во Отце, то где изволение? И если хотение есть Сам Он, то как совет в хотении? Это нелепо: иначе, как говорено было неоднократно, будет Слово в Слове, Сын в Сыне, Премудрость в Премудрости, потому что Отчий Сын есть все это. И ничего нет в Отце прежде Слова, но в Слове и хотение, и Им изволения Отчего хотения совершаются на деле, как показывают Божественные Писания.

Но желал бы я, чтобы злочестивые, до такой меры ниспадшие в неразумие и рассуждающие о хотении, не спрашивали уже более раждающих жен своих, как спрашивали их прежде, говоря: «Имела ли ты сына, пока не родила?»-но чтобы спросили отцов: «От своей ли только воли бываете вы отцами или по естеству вашего хотения?» Еще: «Дети ваши подобны ли естеству вашему и сущности вашей?» Тогда, может быть, пристыдили бы их родители, у которых искали решения задачи о рождении и от которых надеялись получить ведение.

Родители ответили бы им: «Что рожаем, то не воле, а нам подобно; и бываем родителями не вследствие только своего преднамерения, но рождать свойственно естеству, как и мы сами образ родивших нас». Посему пусть еретики или осудят сами себя и перестанут спрашивать у жен о Божием Сыне, или вразумятся от них, что сын рождается не по хотению, но по естеству и действительности. Прилично же сим зломудренным такое обличение, взятое с людей, потому что и о Божестве рассуждают они по-человечески.

Поэтому что же еще безумствуют христорборцы? И о сем, как и о других возражениях их, доказано и обнаружено, что это только мечта и баснотворство. И потому, хотя поздно усмотрев, в какую стремнину неразумия впали они, должны, по увещанию нашему, обратиться вспять и бежать от диавольской сети. Ибо человеколюбивая Истина всегда взывает: *аще и Мне не веруете, по причине телесного покрова, делом веруйте, да разумеете, яко Аз во Отце, и Отец во Мне. и Аз и Отец едино есма, и видевый Мене виде Отца.* Но хотя Господу и свойственно человеколюбие и желает Он *возводить* вся *низверженные* (Пс. 145:8), как говорит Давид в своем хвалении, однако же злочестивые, не хотя слышать Господнего гласа и не терпя видеть (о, жалкие!), что Господь от всех исповедуется Богом и Божиим Сыном, подобно *хрущам* (Авв. 2:11), обходят всюду, с отцем своим диаволом ища предлогов к злочестию. Какие же предлоги или где возмогут найти еще после сего? Разве у Иудеев и у Каиафы займут хулы, а у язычников возьмут безбожие? Божественные же Писания для них заключены; в них все обличает сих несмысленных, как и христорборных.

Из беседы «О слепорожденном»

В прошедшую неделю ты слышал, возлюбленный, что говорил Евангелист Иоанн: «...и мимоидый Иисус, виде человека слепа от рождения, и вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: Равви, кто согреши, сей ли, или родителя его, яко слеп родися?» Господь отвечал им: «ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем». *«Сия рек плюну на землю, и сотвори брение от плюновения, и помаза очи брением слепому»*, и послал его в Силоам. Слепой пошел, умылся и прозрел, и прозревши уверовал в Пославшаго. Слушай со вниманием. Ученики спрашивали Господа: «Учителю, кто согреши, сей ли, или родители его?» Вопрос Апостолов имел основание. Уже видно, что Апостолы предстояли пред Господом Иисусом, как пред Богом. Ибо кто знает сокровенное в человеках, кроме Сердцеведца? Посему и Господь не отверг их вопроса, но чтобы и удовлетворить желанию Апостолов и вместе утвердить веру в Свою божественность, отвечал им: «Ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем», т. е. настоящая слепота его не есть наказание за грехи, но недостаток природный. Но поврежденной природы никто не может исправить, кроме Самого Творца природы. Посему-то Господь и говорит: «Ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем». Сказав сие, тотчас показывает самым делом, что Он есть Творец природы и что Он о Себе Самом сказал: «Да явятся дела Божия на нем», т. е. чтобы узнали чрез него, что Я не простой человек, но всемогущий Бог. Ибо Господь, утвердивший небеса словом, как говорит Св. Писание: *словом Господним небеса утвердишася (Пс. 32:6)*, в другом случае (*Лк. 18:41–42*) одним словом исцелил слепаго. Следовательно, и сего слепого от рождения мог также исцелить одним словом. Но Он теперь не делает сего, а помазывает слепому глаза брением, чтобы все видели, что Он есть Художник и Адамова тела, и теперь подобное совершает брением. Не изменяет образа действия, дабы не разнообразилось чудотворение.

Помазывая брение брением, совершает подобное подобным. Но скажут: «Если Господь для того помазал слепому глаза брением, чтобы показать, что Он же составил и тело Адамово из брения, то для чего Он посылал слепого в Силоам? Или и Адама туда же посылал?» Слушай со вниманием. Когда Господь творил тело Адамово, в то время не было противоречащего иудея. Итак, поскольку тогда никто не противоречил, то Господь и устроил сей разумный слепок в скорейшее время; но как ныне много противоречащих, то и совершает Он сие дело продолжительнее, дабы и противников заставить невольно убедиться в чуде. По сей-то причине Господь, помазав брением очи слепому, посылает его в Силоам умыться не потому, что Господь Силоама имел нужду в Силоаме, но для того, чтобы за слепым последовали видящие и невидящий сделался вождем для видящих, чтобы они, идя с ним, соделались свидетелями чуда. Ибо в то время, когда Господь совершал сие и посылал слепого в Силоам, стеклось бесчисленное множество свидетелей оного чуда. Но фарисеи еще не переставали рассуждать о настоящем деле с утонченною недоверчивостию и кричали, что сие чудо – мечта! Чтò было бы, если бы Господь не продолжил действия чудотворения? Впрочем, ты не погресишь, если Силоам примешь за образ купели крещения, в которой все омываются от мрака неведения и получают свет благочестия. А что и после таковой продолжительности чудодействия еще многие из иудеев противоречили оному, о сем ты слышал Евангелиста, который говорит: «Соседи же, и иже бяху видели его прежде, яко слеп бе, глаголаху: не сей ли есть седяй и просяй? Овии глаголаху, яко сей есть; инии же глаголаху, яко подобен ему есть. Он же глаголаше, яко аз есмь». Видишь ли слепоту, восстающую на прозрение? Слепой прозрел, а видящие ослепли злобою, ибо злоба всегда слепа. Посему иудеи, обладаемые злобою, так научали слепого от рождения: «Скажи нам, за чтò ты так превозносишь сего Плотникова сына и прославляешь Его, как Бога? ведь, не ты слепой от рождения? Мы того знаем; мы часто подавали ему милостыню, Что же ты славишь Иисуса и говоришь, будто Он открыл тебе глаза? Если тебе нужны деньги и для них теперь лжешь, то бери у нас,

сколько хочешь, только говори правду». Итак, они не упустили ничего, чтобы как-нибудь скрыть чудо. «Что вы клеветеете на меня?-отвечал прозревший иудеям. – Что вы стараетесь ослепить мои душевные очи? Я прозрел и больше не слеп. Напрасно вы прахом хулы осыпаете меня. Один оказал мне благодеяние, а вы восстаете на Него, не прославляете, а злословите Его. Впрочем, вы прилично называете Его сыном плотника, ибо Он перестроил окна моих глаз. Извините, что я не могу теперь много говорить вам. Дайте мне сперва насмотреться на красоту небесную, на круг солнечный и блистательную луну – предел дня и меру ночи, на сонмы звезд, на разбегающиеся облака, на равнину земли и углубление морей, на бесследный путь кораблей, на округлость холмов, на цепи гор, на быстрину рек и стремительность потоков, на водоемы источников, на бегание скотов, на разнообразие зверей, на разноцветное убранство птиц, на различные породы рыб, на высоту деревьев, на приятный вид плодов».

Слыша сие и видя, что слепой не только исцелился, но и проповедует чудо, иудеи опять приступили к нему с вопросом: «Как ты прозрел? Что сделал с тобою Этот Человек, что ты так твердо защищаешь Его дело?» На это прозревший отвечал ослепшим: «Вы спрашиваете, как я прозрел? О том ли говорите, как Бог действует на природу? Если вы спрашиваете, как, то и я спрошу вас, как Он претворил воду в вино? Естественным или чудесным образом? Как воскресил дочь Иаира? Естественною или Божественною силою? Как прокаженного очистил от болезни? Врачевством каким или одною волею? Как оную кровоточивую жену, как бы волнами своей крови обуреваемую, избавил от сей бури? Исследовал ли Он для сего ее болезнь или узнал только ее веру?» Иудеи, видя его непреклонность, с яростью схватили его и насильно повлекли в судилище фарисейское с сими словами: «Тебя надобно лучше вразумить, чтобы ты помнил свое рабство, а не учил; ты не молчишь, а всенародно проповедуешь и хочешь, чтобы этого Иосифова сына признали Богом? По какому-то случаю прозрел да и уверяешь нас, будто слеп родился, и указываешь на этого Плотникова сына? Ты все не молчишь, а кричишь?» Но

прозревший сказал им: «Если не хотите, чтобы я кричал, то зачем меня столько раз спрашиваете? Сами себя бесчестите, а вину возлагаете на меня. Если, как говорите вы, я прозрел случайно, то зачем было призывать моих родителей? Напрасно делаете столько шуму: вы не можете скрыть чуда; хотя я и буду молчать, но будут говорить мои глаза. Некто, называемый Иисус, Коего самое имя означает спасение, брением помазал мне глаза и сказал мне: иди, умойся в купели Силоамсте; я пошел, умылся, брение отпало, и я увидел свет».

Слово на слова: «Вся Мне предана суть отцем Моим: и никтоже знает, кто есть Сын, токмо Отец: и кто есть Отец, токмо Сын, и ему же еще волит Сын открыть (Мф. 11:27)»

И сего не уразумев, держащиеся Ариевой ереси Евсевий и сообщники его нечестиво говорят о Господе: «Если *вся предана* (и под словом *вся* разумеют они господство над тварью), то было, когда не имел сего. Если б не имел, то Он не от Отца, потому что, если бы от Отца был, то, как Сущий от Него, всегда имел бы сие и не было бы Ему нужды принимать это». Но сими-то словами изобличается наиболее их неразумие: потому что изречение сие означает не начальство над тварью или господство над вещами сотворенными, но имеет в виду дать некоторое понятие о домостроительстве.

Если тогда *предана* Ему *вся*, когда сказал сие, то явно, что прежде приятия Им всего, тварь не имела в себе Слова. Как же сказано, что *всяческая в Нем состоится* (Кол. 1:17)? Если же вместе с тем, как произошла тварь, *вся* она *предана* Ему, то не было нужды предавать, потому что *вся Тем быша* (Ин. 1:3), и излишне было бы предавать Господу то, чему Сам Он – Создатель. Он был Господь сотворенного по тому самому, что сотворил сие. Но если уже по сотворении *вся предана* Ему, то вникни в несообразность. Ибо если *предана*, и по принятии Им Отец устранился, то подвергаемся опасности впасть с иными в баснословие, будто бы Отец, предав Сыну, Сам отступился от мира. Или если, когда содержит все Сын, содержит также и Отец, то надлежало бы сказать не *предана*, но Отец принял в общение, как Павел Силуана. А в сем еще более несообразности. Бог ни в ком не имеет нужды и не по необходимости принял в помощь Сына, но, будучи Отцом Сыну, чрез Него все творит и не предает Ему твари, но чрез Него и в Нем промышляет о твари, так что и воробей не падет на землю без воли Отца, и трава не оденется без Бога. Впрочем, тогда как делает Отец, и Сын делает доселе (Ин. 5:17).

Итак, суетно мудрование нечестивых. Приведенное изречение не то значит, что они думают; указывает же на Господне во плоти домостроительство. Когда человек согрешил и пал, а с падением его все пришло в смятение, усилилась смерть *от Адама даже до Моисея* (Рим. 5:14), земля подверглась проклятию, отверзся ад, заключился рай, раздражилось небо, человек в конец развратился и уподобился скотам, диавол же поругался над нами; тогда Бог, Который человеколюбив и не хочет, чтобы погиб созданный по образу Его человек, изрек: *кого пошлю, и кто пойдет?* Все безмолвствовали, и Сын сказал: *се Аз, послы Мя*. Тогда-то, конечно, Отец, сказав Ему: *иди* (Ис. 6:8–9), предал Ему человека, чтобы Само Слово стало плотью, и, приняв на Себя плоть, во всем обновило его. Ибо Слову предан человек, как Врачу, чтобы укрывать от угрызения змия; как жизни, чтобы воскресить мертвого; как Свету, чтобы озарить тьму; и сущему Слову, чтобы обновить словесную тварь. Посему как скоро *вся предана* Слову, и Оно стало человеком, тотчас все обновлено и усовершено: земля вместо проклятия приемлет благословение, рай отверзт разбойнику, ад ужаснулся, гробы отверзлись, когда мертвецы воскрешены, взялись врата небесные, *да увидит грядущий от Едома* (Пс. 23:9). Сам Спаситель, чтобы показать, каким именно образом *вся предана* Ему, как говорит Матфей, немедленно присовокупил: *приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11:28). Мне вы преданы, да упокою утружденных и оживотворю умерщвленных. Согласно с сим и читаемое у Иоанна: *Отец любит Сына и вся даде в руке Его* (Ин. 3:35). Дал для того, чтобы, как все Им сотворено, так все о Нем же могло и обновиться. Ибо не для того, чтобы из бедного стал Он богатым, предается Ему, не для того, чтобы, не имея власти, приять власть, приемлет Он все, да не будет сего, а напротив того, чтобы Ему, как Спасителю, все обновить, ибо прилично было как в начале создания Им, так и при исправлении о Нем же прийти сему в бытие, с тою разностию в речениях, что в начале Им пришло в бытие, а впоследствии, когда все пало, Слово стало плотью и облеклось в плоть, и в Нем все обновилось. Ибо

Само, страдая, нас упокоило; Само, алча, нас наплатило и, нисходя во ад, нас возвело из ада. Тогда, при сотворении всего, было повеление прийти в бытие, например, *да произведет, да будет* (Быт. 1:3, 20); при исправлении же прилично было, чтобы Ему было предано, да Само Слово соделается человеком, и все в Нем обновится. Ибо оживотворился сущий о Нем человек. Для того Слово и соединилось с человеком, чтобы клятва не имела более силы над человеком. Для того в 71-м псалме умоляющие Бога о человеческом роде говорят: *Боже, суд Твой царю даждь* (Пс.71:1), чтобы смертное наше осуждение, которое было против нас, предано было Сыну, и Он уже в Себе уничтожил сие осуждение, умерши за нас. Сие разумея, и Сам Он сказал в 87-м псалме: *на мне утвердися ярость Твоя* (Пс.87:8); потому что Сам понес на Себе гнев, который лежал на нас, как говорит и в 137 псалме: *Господь воздаст за Мя* (Пс.137:8).

Посему так должно понимать сказанное: *вся предана* Спасителю; и в этом смысле, можно сказать, предается Ему то, чего не имел. Ибо прежде сего не был Он человеком; стал же человеком, чтобы спасти человека. В начале не было плотию Слово, но впоследствии стало плотию, и ею, по слову Апостола, *примирило вражду с нами, и закон заповедей ученьми упразднило, да оба созиждет во единого нового человека, творя мир, и примирит обоих во едином теле Отцу* (Еф. 2:15–16).

Что имеет Отец, то принадлежит и Сыну, как говорится у Иоанна: *вся, елика имать Отец, Моя суть* (Ин.14:15); и весьма выразительны слова сии. Ибо когда соделался тем, чем не был, тогда все предается Ему. А когда хочет указать на Свое единство с Отцом, тогда не скрывает и учит, говоря: *вся, елика имать Отец, Моя суть*. И подивиться должно точности слова. Не сказал: *вся елика имать Отец*, дал Мне, чтобы не заключили, будто бы не имел когда-то сего, но говорит: *Моя суть*, ибо сие, состоя во власти Отца, также и во власти Сына.

Но должно еще исследовать, что *имать Отец*? Если означается сим тварь, то прежде твари ничего не имел Отец, и что имеет, оказывается заимствующим сие у твари. Да не подумаем сего! Ибо как Сам Он – прежде твари, так прежде же

твари имеет все, что ни имеет, и сие, как веруем, принадлежит и Сыну. Ибо если Сын в Отце (Ин. 14:10), то все, что имеет Отец, принадлежит И Сыну.

Но сим изречением низлагается лукавство неправомыслящих, которые говорят: «Если все предается Сыну, то Отец прекращает власть Свою над тем, что предано Сыну, потому что вместо Себя поставляет Сына: *Отец бо не судит никому же, но суд весь даде Сынови* (Ин. 5:52)». Но да *заградятся уста глаголющих неправедная* (Пс. 62:12)! Ибо Сам Отец не лишился владычества потому, что суд весь даде Сынови. И если сказано, что Отцом предано все Сыну, то посему не перестает Сам быть над всем.

Поелику же явным образом отделяют от Отца Единородного Божия, неотдельного по естеству, хотя сии злочестивцы в безумии своем стараются отделить Его на словах, не разумея, что свет никак не отделим от солнца, но естественно в нем пребывает, то (хотя и дерзко входить в исследование о недомыслимом естестве), воспользовавшись скудным подобием, заимствованным от того, что обыкновенно и у нас под руками, должно нам объяснить мысленное словом. Посему, как имеющему здоровый ум невозможно представить, что солнечный свет, озаряющий вселенную, сияет без солнца, потому что солнечный свет соединен с естеством солнца; и если бы свет сказал: «От солнца заимствую то, что все озаряю, что все растет и укрепляется моею теплотою», – то ни один безумец не подумает именованье солнца отделять от естества, которое от него происходит и которое есть свет. Так, благочестиво думать, что божественная сущность Слова соединена по естеству с Отцом Своим. Ибо рассматриваемое нами изречение представляет самое ясное истолкование искомого, так как Спаситель сказал: *вся, елика иматъ Отец, Моя суть*. Сие означает, что всегда пребывает Он с Отцом. Ибо слова *елика иматъ* дают разуместь, что Отец имеет владычество; а слова *Моя суть* показывают нераздельное единение. Посему необходимо должны мы представлять, что в Отце есть нескончаемость бытия, вечность, бессмертие, и сие пребывает в Нем не как что-либо Ему чуждое, но, как в

источнике, покоится в Нем и в Сыне. И когда хочешь представить что о Сыне, тогда познай прежде, что есть в Отце, и потом веруй, что то же самое есть и в Сыне. Если Отец есть тварь, или произведение, то и Сын то же. И если позволительно сказать об Отце, что было, когда Он не был, или что Он – из не сущего, то пусть будет сие сказано о Сыне. Но если нечестиво утверждать, что есть это в Отце, то да будет нечестиво представлять сие и в Сыне. Ибо что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну; кто чтит Сына, тот чтит пославшего Его Отца (Ин.5:23); кто приемлет Сына, тот с Ним приемлет и Отца (Ин.13:20); кто видел Сына, тот видел и Отца (Ин.14:9). Поэтому как Отец – не тварь, так не тварь и Сын, и как невозможно сказать об Отце, что было, когда Он не был или что Он – из не сущего, так неприлично говорить сие о Сыне. Напротив же того, как в Отце – нескончаемость бытия, бессмертие, вечность, несозданность, так точно следует думать нам и о Сыне, по написанному: *якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе* (Ин.5:26). Сказано же даде, чтобы указать на дающего Отца; но как в Отце, так и в Сыне, есть жизнь; из чего заключаю о нераздельности и вечности бытия. И посему-то с такою точностью Спаситель сказал: *елика имать Отец*, чтобы и здесь, говоря об Отце, не быть признанным за Самого Отца. Не сказал Он: «Я – Отец», но *елика имать Отец*.

И Единородный Отчий Сын от Отца именуется Отцом же, впрочем не в том смысле, в каком, может быть, приняли бы вы, заблуждающиеся ариане; напротив того, Он – Сын родившего Его Отца, Отец же будущего века. Ибо должно отнять у вас все ваши предположения. У пророка сказано: «...родися нам Сын, и дадеся нам, егоже началство бысть на раме Его: и нарицается имя Его велика совета Ангел, Бог крепкий, Властитель, Отец будущего века» (Ис. 9:6). Итак Единородный есть и Отец будущего века, и Сын Божий есть Бог крепкий и Властитель, и ясно доказано, что *вся елика имать Отец*, суть и у Сына, и как Отец дает жизнь, так и Сыну равно возможно живить, *ихже хочет* (Иоан.5,21). Ибо сказано: «...мертвии услышат глас Сына Божия и оживут» (Ин.5:25).

Одна воля, одно хотение у Отца и Сына, потому что и естество у их одно и нераздельно.

Напрасно утруждают себя ариане, не понимая сказанного Спасителем нашим: *«...вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть»*. Сими словами и Савеллиево низлагается заблуждение, и обличается неразумие нынешних Иудеев. Ибо, по разуму сих слов, Единородный имеет жизнь в Себе, как имеет Отец, и Он один знает, кто есть Отец, потому что во Отце пребывает и Отца имеет в Себе. Он есть Отчий образ; следовательно, в Нем, как в образе, есть все то, что принадлежит Отцу. Он есть равнообразная печать, показывающая в Себе Отца; Он – живое, истинное слово, сила, премудрость, освящение и избавление наше. *О Нем бо живем и движемся и есмы* (Деян. 17:28), *и никтоже знает, кто есть Отец, токмо Сын, и кто есть Сын, токмо Отец*. Как же нечестивые осмеливаются суесловить о том, о чем непозволительно умствовать, когда они люди и не в состоянии объяснить и того, что на земле? И что говорю о том, что на земле? Пусть скажут нам о себе самих, если в состоянии будут исследовать собственную свою природу подлинно дерзкие и самонадеянные эти люди, не трепещущие славы, *в нюже желают приикнути Ангелы* (1Пет. I, 1:12), которые столько выше нас и природою, и чином. Ибо что ближе к Богу херувимов и серафимов? Но и они не только не смеют взирать или предстоять в прямом положении, но даже не с обнаженными, но как бы с прикровенными лицами произносят славословие, немолчными устами в трисвятой песне прославляя не иное что, а только Божие неизреченное естество. И никто из богомудрых пророков, особенно сподобившихся сего ведения, не возвещал нам, что, произнося первое *свят*, серафимы восклицают громким голосом, а второе произносят тише, а третье же еще слабее и потому собственно величают только первую Святыню, вторую же подчиняют ей и третью поставляют еще ниже. Да не приближается к нам сие безумие богомерзких и безрассудных еретиков! Всепетая, досточтимая и достопоклоняемая Троица есть единая, нераздельная и неопишная. Сочетавается же неслитно, и как Единица, делится несекомо. Почему досточтимые сии живые существа

троекратным возношением славословия, взывая *свят, свят, свят*, показывают три совершенные Ипостаси, а единым произношением слова *Господь* выражают единую сущность.

Посему умяляющие Единородного Сына Божия хулят Бога, имея ложное понятие о совершенстве и несправедливо называя Его несовершенным, делают себя достойными самого жестокого наказания, потому что произносящие хулу на одну из Божественных Ипостасей не получают отпущения грехов ни в сем веке, ни в будущем. Но Бог силен отверзть сердечные очи их к познанию Солнца правды, да познав Того, Кого прежде отвергали, вместе с нами и они прославят Его неослабно благочестивым разумом; потому что Его есть Царство – Отца и Сына и Святого Духа, ныне и во веки. Аминь.

Отрывок из 39-го праздничного послания

Но поскольку об еретиках упомянули мы как о мертвых, а о себе как об имеющих для спасения Божественные Писания, боюсь же, чтобы иные из людей простых, как писал Павел к коринфянам, по ухищрению некоторых не уклонились от простоты и чистоты и не стали уже читать других книг, называемых апокрифическими, будучи обмануты сходством их именования с книгами истинными, то умоляю вас перенести терпеливо, если о чем сами знаете, о том же и я напишу в напоминание вам как по надобности, так и для пользы Церкви. Намереваясь же написать сие напоминание для утверждения своего в дерзновении моем воспользуюсь примером Евангелиста Луки, говоря и сам: *понеже некий начаша чинити* себе так называемые апокрифические книги и смешивать их с несомненно богодухновенным Писанием, *якоже предаша* отцам, *уже исперва самовидцы и слуг* и бывшии Словесе: изволися и мне, убежденному и наученному искренними братьями, исчислить сначала по порядку все книги, внесенные в канон, преданные нам как Божественные и таковыми признанные, чтобы всякий, если вовлечен в обман, осудил предавшихся заблуждению, а если пребыл чистым, порадовался при новом сем напоминании. Итак, всех книг Ветхого Завета числом двадцать две (а по преданию, как слышал я, у евреев столько же и букв). Книги сии следуют каждая в таком порядке и под таким именованием: во-первых, Бытие, потом Исход, потом Левит, за нею Числа, и наконец Второзаконие; вслед за сими Иисус Навин и Судии. После книги Судей Руфь, и опять вслед за сим четыре книги Царств и из них первая и вторая считаются за одну книгу, а подобно третья и четвертая также за одну; после них первая и вторая книга Паралипоменон, считающиеся также опять за одну книгу, потом первая и вторая книга Ездры, принимаемые также за одну книгу. После сих книга Псалмов, и вслед за нею Притчи, потом Екклесиаст и Песнь Песней. Сверх сего есть книги Иов и наконец Пророки, и именно двенадцать, считающиеся за одну книгу, а потом Исаия, Иеремия и с ним

вместе Варух, Плач и Послание, и после Иеремии Иезекииль и Даниил. Доселе поименованы книги Ветхого Завета. Но не поленимся сказать и о книгах Нового Завета; они суть следующие. Четыре Евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна; потом после них Деяния Апостольския и семь Апостольских Посланий, называемые Соборными, именно: одно Иаковлево, два Петровы, потом три Иоанновы и после них одно Иудино. Сверх сего есть четырнадцать Посланий Апостола Павла, перечисляемые в таком порядке: первое к римлянам, потом два к коринфянам, после них к галатам, и вслед затем к ефесянам, потом к филиппийцам и к колоссянам, а после сих два к фессалоникийцам и Послание к евреям и непосредственно затем два к Тимофею, одно к Титу и последнее к Филимону, и еще Апокалипсис Иоаннов. Вот источники спасения, чтобы заключающимися в них словесами напоеваться жаждущему. В них одних благовествуется учение благочестия. Никто да не прилагает к ним и не отъемлет от них чего-либо. Сии-то Писания разумея, Господь пристыжал саддукеев, говоря: *прельщаетесь, не ведуще Писания* (Мф.22:29), и увещевал иудеев: *испытайте Писаний, яко та суть свидетельствующая о Мне* (Ин.5:39). Но для большей точности (пиша и это по необходимости) присовокупляю, что кроме сих книг есть и другие, не внесенные в канон, которые однако же установлено отцами читать вновь приходящим и желающим огласиться словом благочестия, таковы: Премудрость Соломонова, Премудрость Сирахова, Есфирь, Иудифь, Товия, так называемое Апостольское наставление (οἰοαγῖ), и Пастырь. Впрочем, возлюбленные, тогда как одни книги внесены в канон, а другие предлагаются для чтения, нигде не упоминается о книгах апокрифических; они суть выдумки еретиков, которые пишут их, когда хотят, но приписывают им давность и прибавляют лет, чтобы, выдавая их за древние, иметь случай к обольщению тем людей простодушных.

Сказание об аввах Феодоре и Паммоне блаженного Афанасия, епископа Александрийского, Аммону, епископу Елеархии, и Ермону, епископу Вумастик

В сии времена видел я великих Божиих человек: Феодора, начальника монахов тавеннисийотских, и отца монахов антинойских, по имени авву Паммона, которые недавно почили. поскольку гоним я был Юлианом и ждал, что буду умерщвлен, о чем извещали меня искренние друзья, то в один день пришли они оба ко мне в Антиной, и по общему совету скрыться мне у Феодора вступил я на корабль его, со всех сторон закрытый, в сопровождении аввы Паммона. Ветер был неблагоприятный; я, болезнуя сердцем, молился; феодоровы монахи, сошедши с корабля, тянули оный волоком; авва Паммон утешал меня; и я отвечал: «Поверь словам моим, что сердце мое исполнено твердой веры не столько во время мира, сколько во время гонений. Ибо несомненно уверен, что, страдая за Христа и укрепляемый Его милостью, если буду умерщвлен, то тем паче обрету у Него милость». Еще не выговорил я этого, как Феодор, устремив взор на авву Паммона, улыбнулся. поскольку же и авва Паммон почти засмеялся, то я сказал им: «Для чего смеетесь, когда говорю это? Неужели осуждаете меня в боязни?» Но Феодор говорит авве Паммону: «Скажи ему, почему улыбнулись мы». И поскольку авва Паммон отвечал: «Ты должен сказать это», Феодор продолжал: «В сей самый час умерщвлен в Персии Юлиан. Ибо так предрек о нем Бог: *презорливый и обидливый муж и величавый ничесоже скончает* (Авв. 2:5). Восстанет же царь христианин, который будет славен, но недолговечен. Поэтому нет тебе нужды трудить себя и уходить в Фиваиду, но лучше тайно вступить в свиту, потому что встретившись с нею на пути и искренно принятый ею, возвратишься в Церковь. А Юлиан скоро поят будет Богом». Так и сбылось. Посему думаю, что многие благоугождающие Богу в монашестве по большей части остаются в сокровенности, потому что не знают их люди; таковы были и блаженный Амун и

святый Феодор в горе Нитрийской, и раб Божий маститый
старец Паммон.

Житие преподобного отца нашего Антония, описанное святым Афанасием в послании к инокам, пребывающим в чужих странах

В доброе соревнование с египетскими иноками вступили вы, пожелав или сравниться с ними, или даже превзойти их своими подвигами в добродетели. Ибо и у вас уже появляются монастыри, и водворяются иноки. Посему такое расположение ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершил оное Бог по молитвам вашим.

Поелику же и у меня требовали вы сведений о житии блаженного Антония и, чтобы самим вам приобрести его ревность, пожелали вы знать, как начал он свою подвижническую жизнь, каков был до вступления в оную, какой имел конец жизни и справедливо ли все о нем рассказываемое, то с великою готовностью принял я ваше требование, потому что и для меня много пользы в одном воспоминании об Антонии, да и вы, как уверен я, услышав о нем и подивившись ему, пожелаете устремиться к той же цели, какая и им была предположена. Ибо жизнь Антония для иноков – достаточный образец подвижничества. Я, получив послание ваше, намеревался вызвать некоторых иноков, особливо же тех, которые чаще других бывали при нем, чтобы, получив более сведений, и вам сообщить что-либо более полное. Но поскольку время плавания приходило к концу и отправляющийся с письмами спешил, то потщился я написать вашему благоговению, что знаю об Антонии сам, многократно видел его, и какие сведения мог приобрести о нем, когда был его учеником и возливал воду на руки ему. Во всем же заботился я об истине, чтобы иной, услышав больше надлежащего, не впал в неверие или также, узнав меньше должного, не стал с неуважением думать об Антонии.

Антоний родом был египтянин. поскольку родители его, люди благородные, довольно богатые, были христиане, то и он воспитан был по-христиански и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме их и своего дома. Когда же стал

отроком и преспевал уже возрастом, не захотел учиться грамоте, ни сближаться с другими отроками, но имел единственное желание, как *человек нелукав*, по написанному об Иакове, жить в доме своем (Быт. 25:27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень; и не ленился, когда был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям и, внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую от того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал.

По смерти родителей, остался он с одною малолетнею сестрою и, будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей, он, идя по обычаю в храм Господень и собирая воедино мысли свои, на пути стал размышлять, как Апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие, продавая все свое, приносили и полагали к ногам Апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование и какие воздаяния уготованы им на небесах. С такими мыслями входит он в храм; в чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *аще хочеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди вслед Мене, и имети имаша сокровище на небеси* (Мф. 19:21). Антоний, прияв сие за напоминание свыше, так как бы для него собственно было сие чтение, выходит немедленно из храма и что имел во владении от предков (было же у него триста аур¹⁰ весьма хорошей, плодородной земли), дарит жителям своей веси, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру; а все прочее движимое имущество продает и, собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив несколько для сестры. Но как скоро вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: *не пещитесь на утрей* (Мф. 6:34), ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям недостаточным; сестру, поручив известным ему и верным девственницам,

отдает на воспитание в их обитель, а сам перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении.

В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни, всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись не вдали от своего селения. Поэтому в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему в добром деле и прежде всего начал уединяться в местах, лежавших перед селением. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него как бы напутствие какое для шествования стезею добродетели, уходил назад.

Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желание устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, что праздный *ниже да яст* (2Фес. 3:10), и иное издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине *молиться непрестанно* (1Фес. 5:17); и столько был внимателен к читаемому, что ни одно слово Писания не падало у него на землю, но все удерживал он в себе; почему, наконец, память заменила ему книги. Так вел себя Антоний и был любим всеми.

Ревнителям же добродетели, к которым ходил он, искренно подчинялся и в каждом изучал, чем особенно преимуществовал он в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом неутомимость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому за посты и возлежания на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротости одного и великодушия другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так, с обильным приобретением возвращался в место

собственного своего подвижничества, сам в себе сочетавая воедино, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одним явить преимущества всех. А с равными ему по возрасту не входил в состязание, разве только чтобы не быть вторым после них в совершенстве. И делал сие так, что никого не оскорблял, но и те, с кем состязался, радовались о нем. Поэтому все жители селения и все добротолюбцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его, одни как сына, другие как брата.

Но ненавистник добра завистливый диавол, видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел сего, но как привык действовать, так намеревается поступить и с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминание об имуществе, то заботливость о сестре, то родственные связи, то сребролюбие, славолубие, услаждение разными яствами и другие удобства жизни и, наконец, жестокий путь добродетели и ее многотрудность, представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени, и вообще возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвратить его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против Антониева намерения, паче же увидел, что сам поборается твердостью Антония, то, как бы изъявляя покорность, не нападает уже помыслами, но говорит человеческим голосом: «Многих обольстил я и еще большее число низложил, но, в числе многих напав теперь на тебя и на труды твои, изнемог. Многократно смущал я и тебя, но всякий раз был низложен тобою». Антоний, возблагодарив Господа, небоязненно сказал врагу: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и бессилен. У меня нет уже и заботы о тебе. *Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя*» (Пс. 117:7).

Но Антоний не пришел в нерадение и небрежение о себе потому, что демон уже побежден. И враг не перестал расставлять ему сети как побежденный, но снова ходил, как лев, ища удобного случая напасть на подвижника. Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага (Еф.6:11), неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что если враг и не мог

обольстить сердце его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом, потому что демон грехолюбив. Посему-то Антоний паче и паче умерщвлял и поработал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собою победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию; и многие приходили в удивление, видя труд его, а он переносил оный легко. Душевная его ревность своею долговременностию производила в нем добрый навык, и потому, к чему хотя малый повод подавали ему другие, в том оказывал он великую тщательность. Столько неустойчивым был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна и, повторяя это не раз, но многократно, возбуждал тем удивление. Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищею же служили ему хлеб и соль и питием одна вода. О мясах и вине не нужно и говорить, потому что и у других рачительных подвижников едва ли встретишь что-либо подобное. Во время сна Антоний довольствовался рогожею, а большею частию возлегал на голой земле. Никак не соглашался умащать себя елеем, говоря, что юным всего приличнее быть ревностными к подвигу и не искать того, что расслабляет тело, но приучать оное к трудам, содержа в мыслях Апостольское изречение: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2Кор. 12:10). Душевные силы, говаривал он, тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия.

Изнуряя себя, Антоний удалился в бывшие недалеко от селения гробницы и сделал поручение одному знакомому, чтобы по прошествии многих дней приносил ему хлеб; сам же, войдя в одну из гробниц и заключив за собою дверь, остался в ней один. Тогда враг, не стерпя сего, даже боясь, что Антоний в короткое время наполнит пустыню подвижничеством, приходит к нему в одну ночь со множеством демонов и наносит ему столько ударов, что от боли остается он безгласно лежащим на земле. От нанесенных ему ударов не в силах он еще стоять на ногах и молится лежа; по молитве же громко взывает: «здесь я, Антоний, не бегая от ваших ударов. Если нанесете мне и еще большее число, ничто не отлучит меня от любви Христовой».

Потом начинает петь: *еще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26:3).

А диавол не затрудняется в способах изъять свою злобу. Так и теперь ночью демоны производят такой гром, что, по-видимому, все то место пришло в колебание, и как бы разорив четыре стены Антониева жилища, вторгаются, преобразившись в зверей и пресмыкающихся. Все место мгновенно наполнилось призраками львов, медведей, леопардов, волков, змей, аспидов, скорпионов, волков. Каждый из сих призраков действует соответственно наружному своему виду. Лев, готовясь напасть, рыкает; волк хочет, по-видимому, бодать; змея не перестает извиваться, волк напрягает силы броситься. И все сии привидения производят страшный шум, обнаруживают лютую ярость. Антоний, поражаемый и уязвляемый ими, чувствует ужасную телесную боль, но тем паче, бодрствуя душою, лежит без трепета и, хотя стонет от телесной боли, однако же, трезвясь умом и как бы посмеиваясь, говорит: «Ежели есть у вас сколько-нибудь силы, то достаточно было прийти и одному из вас. Но поскольку Господь отнял у вас силу, то пытаетесь устрашить множеством. Но и то служит признаком вашей немощи, что обращаетесь в бессловесных».

Господь же не забыл при сем Антониева подвига и пришел на помощь к подвижнику. Возведя взор, видит Антоний, что кровля над ним как бы раскрылась и нисходит к нему луч света. Демоны внезапно стали невидимы; телесная боль мгновенно прекратилась; жилище его оказалось ни в чем неповрежденным. Было же ему тогда около тридцати пяти лет.

В следующий день, вышедши из гробницы и исполнившись еще большей ревности к благочестию, приходит он к упомянутому выше древнему старцу и просит его жить с ним в пустыне. поскольку же старец отказался и по летам, и по непривычке к пустынной жизни, то Антоний немедленно уходит один в гору. Нашедши по другую сторону реки пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинает там обитать. Пресмыкающиеся, как будто гонимые кем, тотчас удаляются. Антоний же, заградив вход и запасши на шесть месяцев хлебов

(так запасают фивяне, и хлеб у них нередко в продолжение целого года сохраняется невредимым), воду же имея внутри ограды, как бы укрывшись в какое недоступное место, пребывает там один, и сам не выходя, и не видя никого из приходящих. Так подвизаясь, провел он долгое время, два раза только в год принимая хлебы через ограду.

Приходящие к нему знакомые, поскольку не позволял им входить внутрь ограды, нередко дни и ночи проводили вне оной; и слышат они, что в ограде как бы целые толпы мятутся, стучат, жалобно вопят и взывают: *«Удались из наших мест: что тебе в этой пустыне? Не перенесешь наших козней»*. Стоящие вне подумали сначала, что с Антонием препираются какие-то люди, вошедшие к нему по лестницам; когда же, проникнув в одну скважину, не увидели никого, тогда заключив, что это демоны, объятые страхом, начинают звать Антония. И он скорее услышал слова последних, нежели позаботился о демонских воплях. Подойдя к двери, умоляет пришедших удалиться и не бояться. *«Демоны, – говорит он, – производят мечтания для устрашения боязливых. Посему запечатлейте себя крестным знамением и идите назад смело, демонам же предоставьте делать из себя посмешище»*. И пришедшие, оградившись знамением креста, удаляются; а Антоний остается и не терпит ни малаго вреда от демонов, даже не утомляется в подвиге, потому что учащение бывших ему горних видений и немощь врагов доставляют ему великое облегчение в трудах и возбуждают усердие к большим трудам. Знакомые часто заходили к нему, думая найти его уже мертвым, но заставляли поющим: *да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его вси ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия* (Пс. 67:2–3); и еще: *вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117:10). Около двадцати лет провел так Антоний, подвизаясь в уединении, никуда не выходя, и во все сие время никем не видимый.

После сего, поскольку многие домогались и желали подражать его подвижнической жизни, некоторые же из

знакомых пришли и силою разломали и отворили дверь, исходит Антоний, как таинник и богоносец из некоего святилища и приходящим к нему в первый раз показывается из своей ограды. И они, увидев Антония, исполняются удивления, что тело его сохранило прежний вид, не утучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таков же, каким знали его до отшельничества. В душе его та же была опять чистота нрава; ни скорбию не был он подавлен, ни пришел в восхищение от удовольствия, не предался ни смеху, ни грусти, не смутился, увидев толпу людей, не обрадовался, когда все стали его приветствовать, но пребыл равнодушным, потому что управлял им разум, и ничто не могло вывести его из обыкновенного естественного состояния. Господь исцелил чрез него многих бывших тут страждущих телесными болезнями, иных освободил от бесов, даровал Антонию и благодать слова; утешил он многих скорбящих, примирил бывших в ссоре, внушая всем ничего в мире не предпочитать любви ко Христу и увещавая содержать в памяти будущие блага и человеколюбие к нам Бога, *Иже Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его* (Рим. 8:32); убедил многих избрать иноческую жизнь и, таким образом, в горах явились наконец монастыри; пустыня населена иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствующих на небесах.

Когда настояла нужда переходить водопроводный ров в Арсеное, и именно для посещения братии, а ров полон был крокодилов, Антоний совершает только молитву, потом сам и все бывшие с ним входят в ров и переходят его невинно. Возвратившись же в монастырь, упражняется он в прежних строгих трудах с юношескою бодростью и, часто беседуя, в монашествующих уже увеличивает ревность, в других же, и весьма многих, возбуждает любовь к подвижничеству. И вскоре по силе удивительного слова его возникают многочисленные монастыри, и во всех них Антоний, как отец, делается руководителем. В один день он выходит, собираются к нему все монахи и желают слышать от него слово; Антоний же египетским языком говорит им следующее:

«К научению достаточно и Писаний; однако же нам прилично утешать друг друга верою и умащать словом. Поэтому и вы, как дети, говорите отцу, что знаете; и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведal опытом».

«Паче всего да будет у вас всех общее попечение о том, чтобы, начав, не ослабевать в деле, в трудах не унывать, не говорить: давно мы подвигаемся. Лучше, как начинающие только, будем с каждым днем приумножать свое усердие, потому что целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущими веками; почему и все время жизни нашей пред жизнью вечною ничто».

«И взирая на мир, не будем думать, что отреклись мы от чего-либо великого. Ибо и вся земля эта очень мала пред целым небом. Поэтому если бы мы были господами над всею землею и отреклись от всей земли, то и это не было бы еще равноценно Небесному Царству».

«Поэтому никто из нас да не питает в себе пожелания приобретать. Ибо какая выгода приобрести то, чего не возьмем с собою? Не лучше ли приобрести то, что можем взять и с собою, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Сии приобретения уготовят нам пристанища в земле кротких прежде, нежели придем туда».

«Еллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря; а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: *Царствие Небесное внутри вас есть* (Лк.17:21). Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле, потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает, какою сотворена; сотворена же она доброю и совершенно правою. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать

добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем Господу душу, как приятый от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какую сотворил ее Бог. Будем же помогать, чтобы не властвовала над нами раздражительность и не преобладала нами похоть; ибо написано: *гнев мужа правды Божия не соделовает. Похоть же зачехи рождает грех, грех же содеян рождает смерть*» (Иак. 1:20, 15).

«А при таком образе жизни будем постоянно трезвиться и, как написано, всяцем хранением блюсти сердце (Притч. 4:23). Ибо имеем у себя страшных и коварных врагов, лукавых демонов; с ними у нас брань, как сказал Апостол: *несть наша брань к крови и плоти, но к началу и ко властям, и к миродержителю тьмы века сего, к духовому злобу поднебесным* (Еф. 6:12). Великое их множество в окружающем нас воздухе, и они недалеко от нас».

«Посему, потребны нам усиленная молитва и подвиги, чтобы, прияв от Духа дарование рассуждения духовом (1Кор.12:10), можно было человеку узнать о демонах, которые из них менее худы и которые хуже других, какой цели старается достигнуть каждый из них и как можно низложить и изгнать каждого. Ибо много у них ухищрений и злокозненных устремлений. Блаженному Апостолу и последователям его известны были козни сии, и они говорят: *не неразумевает умыслений его* (2Кор.2:11). А мы, сколько опытом изведали о сих кознях, столько обязаны предохранять от них друг друга. Приобретая отчасти опытное о них ведение, сообщая это вам, как детям».

«Итак, демоны всякому христианину, наипаче же монаху, как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает, прежде всего предпринимают и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же их суть лукавые помыслы. Но мы не должны устрашаться таковых внушений. Молитвою, постами и верою в Господа враги немедленно низлагаются. Впрочем и по низложении они не успокоиваются, но вскоре снова наступают коварно и с хитростью. И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают иным образом и стараются уже устроить мечтательными

привидениями, претворяясь в разные виды и принимая на себя подобия женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, множества воинов. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь от сих привидений, потому что они суть ничто и скоро исчезают, особливо если кто оградит себя верою и крестным знамением. Впрочем, демоны дерзки и крайне бесстыдны. Если и в этом бывают они побеждены, то нападают иным еще способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают, что́ будет через несколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головою до кровли, или имеющими чрезмерную толстоту, чтобы тех, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и в этом случае найдут, что душа ограждена сердечною верою и упованием, то приводят уже с собою князя своего».

"Но не должно нам бояться демонов, хотя, по-видимому, нападают на нас, даже угрожают нам смертью, потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать».

«Должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их. Даже чем больше страхований производят они, тем сильнее будем подвизаться против них. Ибо сильное на них орудие – правая жизнь и вера в Бога. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостынь, безгневия, преимущественно же благочестивой веры во Христа. Посему-то и употребляют все меры, чтобы не было кому попираť их. Знают они, какую благодать против них дал верующим Спаситель, Который сказал: *се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражю*» (Лк.10:19).

"Поэтому, если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним. Нередко сказывают они за несколько дней, что придут братия, и те действительно приходят. Делают же сие демоны не по заботливости о внимающих им, но чтобы возбудить в них веру к себе и потом, подчинив уже их себе, погубить. Посему не должно слушать демонов, а надобно возражать на слова их, что не имеем в них нужды. Ибо что́

удивительного, если кто, имея тело тончайшее тела человеческого и увидев вступивших в путь, предваряет их в шествии и извещает о них? Тò же предсказывает и сидящий на коне, предварив идущего пешком. Посему и в этом не надобно удивляться демонам. Они не имеют предведения о том, чего еще нет. Единый Бог есть *ведый вся прежде бытия их* (Дан. 13:42). Демоны же, как тати, забежав наперед, чтò видят, о том и извещают. Так, иногда велеречиво объявляют они о воде в реке Ниле, увидев, что много было дождей в странах Ефиопских и зная, что от них бывает наводнение в реке; прежде нежели вода придет в Египет, прибегают туда и предсказывают. Но тò же сказали бы и люди, если бы могли так скоро переходить с места на место, как демоны. Тàк произошли языческие прорицалища, тàк издавна люди вводимы были в заблуждение демонами. Но обольщение сие наконец прекратилось. Ибо пришел Господь и привел в бездействие демонов и коварство их. Они ничего не знают сами собою, но, как тати, чтò видят у других, тò и разглашают и более угадывают, нежели знают по предведению. Посему если предсказывают и правду, никто да не дивится им в этом. Ибо и врачи, опытом дознавшие свойства болезней, как скоро видят ту же болезнь в других, нередко, угадывая по навыку, предсказывают».

"При Божией помощи возможно и нетрудно распознавать присутствие Ангелов добрых и злых».

"Видение святых бывает невозмутительно. Не будут они ни спорить, ни вопиять, *ниже услышит кто гласа их* (Ис. 42:2). Являются они безмолвно и кротко, почему в душе немедленно рождаются радость, веселие и дерзновение, потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и сила Бога Отца. Душевные помыслы пребывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видением, созерцает явившихся. В ней возникает желание божественных и будущих благ, и, конечно, возжелает она быть в соединении со святыми и отойти с ними. Если же иные, как люди, приводятся в страх видением добрых Ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариєю и Ангел, явившийся женам во гробе Господнем, и еще

Ангел, упоминаемый в Евангелии и сказавший пастырям: *не бойтесь* (Лк.2:10). Ощущается же страх не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых».

"А нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно буйному движению худо воспитанных молодых людей или разбойников. От сего в душе немедленно происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, грусть, ненависть к подвижникам, уныние, печаль, воспоминание о сродниках, страх смертный и, наконец, худое пожелание, нерадение о добродетели, нравственное расстройство».

«Да служит вам и то еще признаком: когда душа продолжает ощущать боязнь, явившийся есть враг, потому что демоны не уничтожают боязни, как в Марии и Захарии великий Архангел Гавриил и в женах явившийся во гробе Ангел. Напротив того, демоны, когда видят людей в боязни, тем паче умножают призраки, чтобы привести их в больший ужас, и, наступая, уже ругаются, говоря: *падше поклонитесь* (Мф. 4:9). Так обольщали они язычников, и те лжеименно признавали их богами».

«Но нас не оставил Господь быть в обольщении от диавола, когда, запрещая ему производить такие призраки, сказал: *иди за Мною, сатано. Писано бо есть: Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши* (Мф. 4:10). Посему паче и паче да будет за сие презираем нами этот коварный. Что сказал ему Господь, то сказал ради нас, чтобы демоны, слыша и от нас подобное сему, обращались в бегство ради Господа, воспретившего им это».

«Но не должно хвалиться силою изгонять бесов и превозноситься даром исцелений; не должно дивиться тому только, кто изгоняет бесов, и унижать того, кто не изгоняет. Пусть каждый поучается подвижничеству другого; пусть или подражает, соревнует ему, или исправляет его. Творить знамения не от нас зависит, но есть дело Спасителя. Он сказал ученикам: *не радуйтесь, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана суть на небесех*» (Лк. 10:20).

«Намеревался было я смолчать и ничего не говорить от себя, удовольствовавшись одним сказанным; но чтобы не подумали вы, будто бы говорю сие просто, а, напротив того, уверились, что сказываю вам изведенную по опыту и сущую правду, то скажу еще, что дознал я о демонских начинаниях. Много раз ублажали меня демоны, а я заклинал их именем Господним. Много раз предсказывали они мне о разливе реки, а я спрашивал их: вам какое до сего дело? Иногда приходили с угрозами и окружали меня, как вооруженные воины. В иное время наполняли дом конями, зверями и пресмыкающимися; а я воспевал: *сии на колесницах и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Пс.19:8–9), и по молитвам Господь обращал их в бегство. Иногда приходили во тьме, имея призраки света, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоний. Но я, смежив глаза, молился, и тотчас угасал свет нечестивых. Через несколько месяцев пришли и будто воспевали псалмы и произносили места из Писаний: *аз же яко глух не слышах* (Пс. 37:14). Иногда приводили в колебание монастырь; но я молился, пребывая неподвижен мыслию. После сего, еще пришли и стали рукоплескать, свистеть, плясать; но я молился и лежа пел сам в себе псалмы. Вскоре начали они плакать и рыдать, как изнемогшие; а я прославлял Господа, сокрушившего и посрамившего их дерзость и безумие. Однажды явился с многочисленным сопровождением демон весьма высокий ростом и осмелился сказать: я – Божия сила, я – Промысл; чего хочешь, все дарую тебе. Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил, и при имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами. Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призраки хлеба, и давал мне такой совет: ешь и отдохни после многих трудов; и ты, человек, можешь занемочь, но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез как дым. Много раз в пустыне мечтательно показывал мне враг золото, чтобы только прикоснулся я к нему и взглянул на него; но я отражал врага пением псалмов, и он исчезал. Часто демоны наносили мне

удары, но я говорил: ничто не отлучит меня от любви Христовой. И после сего начинали они наносить сильнейшие удары друг другу. Впрочем, не я удерживал и приводил их в бездействие, но Господь, Который сказал: *видех сатану, яко молнию с небесе спадша* (Лк. 10:18). А я, дети, помня изречение Апостольское, *преобразих то на себе* (1Кор. 4:6), да научитесь не унывать в подвижничестве и не страшиться привидений диавола и демонов его».

«Паче же, будем благодушествовать и радоваться всегда, как спасаемые; будем содержать в мысли, что с нами Господь, Который низложил и привел в бездействие демонов. Будем представлять и помышлять всегда, что, поскольку с нами Господь, то ничего не сделают нам враги».

Когда беседовал так Антоний, все тому радовались; в одном возрастала любовь к добродетели, в другом искоренялось нерадение, в иных прекращалось самомнение, все же, дивясь данной от Господа Антонию благодати к различению духов, убеждались в том, что должно презирать демонские наветы.

Монастыри в горах подобны были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукоделиями для подаяния милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область богочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесненного; не было укоризн от сборщика податей; подвижников было много, но у всех одна мысль – подвизаться в добродетели. А потому кто видел монастыри сии и такое благочиние иноков, тот должен был снова воскликнуть и сказать: *коль добри дома твои, Иакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы осеняющие, и яко сад при реце, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедр при водах* (Чис.24:5–6).

А сам Антоний, по обычаю уединяясь особо в монастыре своем, усиливал подвиги и ежедневно воздыхал, помышляя о небесных обителях, вождевая оных и обращая взор на кратковременность человеческой жизни. Когда хотел вкушать

пищу, ложился спать, приступал к исполнению других телесных потребностей, чувствовал он стыд, представляя себе разумность души. Нередко, со многими другими иноками приступая ко вкушению пищи и вспомнив о пище духовной, отказывался от вкушения и уходил от них далеко, почитая для себя за стыд, если увидят другие, что он ест. По необходимому же требованию тела вкушал пищу, но особо, а нередко и вместе с братиею, сколько стыдясь их, столько уповая предложить им слово на пользу.

Он говаривал: «Все попечение прилагать надобно более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать наипаче душе и искать ее пользы, чтобы не увлекалась она телесными удовольствиями, но паче ей поработалось тело. Сие-то и значит сказанное Спасителем: *не пецытесе душею вашею, что ясте, ни телом, во что облечетесе*» (Мф.6:25).

Посем постигло Церковь бывшее в то время Максиминово гонение. И когда святые мученики ведены были в Александрию, последовал за ними и Антоний, оставив свой монастырь и говоря: «Пойдем и мы, чтобы или подвизаться, если будем призваны, или видеть подвизающихся». Было у него желание приять мученичество; но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения – позванных в судилище подвижников поощрять к ревности и принимать участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, и сопровождать их до самой кончины. Судия, видя бесстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вовсе не оставались они в городе. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же столько озаботился, что даже вымыл верхнюю свою одежду, и на следующий день, став впереди всех на высоком месте, явился пред игемоном в чистой одежде. Когда все дивились сему, даже видел его и игефон и с своими воинами проходил мимо его, стоял он бестрепетный, показывая тем христианскую нашу ревность. Ибо, как сказал уже я, ему желательно было стать мучеником. И сам он, казалось,

печалился о том, что не сподобился мученичества; но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой научился он из Писаний. Ибо многие, взирая только на образ его жизни, потщились стать ревнителями его жития. Итак, снова стал он по обычаю прислуживать исповедникам и, как бы связанный вместе с ними, трудился в служении им.

А когда гонение уже прекратилось и принял мученичество блаженной памяти епископ Петр, тогда Антоний оставил Александрию и уединился снова в монастыре своем, где ежедневно был мучеником в совести своей и подвизался в подвигах веры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился он; одежду нижнюю, волосяную, и верхнюю, кожаную, соблюдал до самой кончины; не смывал водою нечистот с тела; никогда не обмывал себе ног, даже и просто не погружал их в воду, кроме крайней необходимости. Никто не видел его раздетым; никто не мог видеть обнаженного Антониева тела до того времени, как Антоний скончался и стали предавать его погребению.

Когда пребывал он в уединении и решился проводить время и сам не выходя, и к себе никого не принимая, тогда пришел и беспокоил его один военачальник Мартиниан. У него была дочь, мучимая бесом. Долгое время продолжал он стучать в дверь и просить Антония, чтобы вышел и помолился Богу о дочери его. Антоний не соглашался отворить двери и, выглянув сверху, сказал: «Что вопиешь ко мне? И я такой же человек, как и ты. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то поди, и, как веруешь, помолись Богу, и прошение твое будет исполнено». Мартиниан немедленно уверовал и, призвав имя Христово, удалился с дочерью, освобожденною уже от демона. Много и других знамений сотворил чрез Антония Господь, Который сказал: *просите и дастся вам* (Лк.11:9). Ибо многие страждущие от демонов, поскольку Антоний не отворял двери своей, посидев только вне монастыря, по вере и по искренней молитве, получали исцеление.

Когда же Антоний увидел, что многие беспокоят его и не дают пребывать ему в избранном им уединении, как бы

желалось, тогда, опасаясь, чтобы или самому не превознести тем, что творит чрез него Господь или чтобы другой кто не подумал о нем выше того, что он есть, заблагорассудил и решился уйти в верхнюю Фиваиду, где не знали его. И, взяв у братии хлебов, сел он на берегу реки, смотря, не пойдет ли какой корабль, чтобы, войдя в него, удалиться. Когда же дожидался он корабля, был к нему свыше голос: «Куда и за чем идешь, Антоний?» Он не смутился, но как привык уже часто слышать такие воззвания, выслушав сие, сказал в ответ: «Поелику народ не дает пребывать мне в покое, то хочу идти в верхнюю Фиваиду по причине многих мне здесь беспокойств и особенно потому, что требуют у меня того, что свыше сил моих». Голос сказал ему: «Если уйдешь в Фиваиду и далее, как намереваешься, к пасущим стада волов, то еще большие и сугубые труды понесешь. Если же действительно хочешь пребыть на покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопрос же Антония: «Кто укажет мне путь, потому что неизвестен мне оный?» – голос немедленно указал ему сарацин, которым надлежало идти сим путем. Антоний, подойдя к ним, стал просить позволения идти с ними в пустыню. Сарацины как бы по велению Промысла охотно приняли его. Три дня и три ночи проведя с ними в пути, он приходит на одну весьма высокую гору. Из-под горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода; вокруг была равнина и несколько диких пальм. Антоний как бы по внушению свыше возлюбил место сие; оно было то самое, какое указывал ему голос, вещавший на берегу реки. Итак, взяв хлебы у спутников, стал он пребывать на горе сперва один, не имея при себе никого другого, и место сие признавал уже как бы собственным своим домом. Сарацины же, увидев ревность его, с намерением стали проходить путем сим и с радостию приносили ему хлебы; иногда и от пальм имел он малое некое и скудное утешение. Впоследствии же и братия, узнав его местопребывание, как дети, помня отца, заботились присылать ему потребное.

Но Антоний, видя, что под предлогом доставлять ему туда хлеб иные утомляются и несут труды, щадя и в этом монахов,

придумывает сам с собою средство и некоторых из пришедших к нему упрашивает принести ему заступ, топор и несколько пшеницы. Когда же было это принесено, обошедши гору, находит одно весьма необширное удобное место, возделывает оное, и, поскольку достаточно было воды для орошения поля, засекает его. Делая же это ежегодно, получает себе отсюда хлеб, радуясь, что никого не будет сам беспокоить и соблюдет себя от необходимости чем-либо быть кому в тягость. Но после сего, видя опять, что некоторые приходят к нему, разводит он у себя несколько овощей, чтобы и приходящий к нему имел хотя малое утешение после трудов такого тяжкого пути. Вначале звери, обитавшие в пустыне, приходя пить воду, наносили нередко вред его посеву и земледелию. Он, с ласкою поймав одного зверя, сказал чрез него всем: «Для чего делаете вред мне, который не делаю никакого вреда вам? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда более». С сего времени звери, как бы боясь запрещения, не приближались уже к тому месту. Так Антоний пребывал один на внутренней горе, проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему братия упросили его, чтобы позволил им приходить через месяц и приносить маслин, овощей и елея, потому что он был уже стар.

Сколько же, живя там, выдержал он браней, по написанному (Еф.6:12), не с плотию и кровию, но с сопротивными демонами, о том знаем от приходивших к нему.

Хотя диавол наблюдал за Антонием и, как воспевают Давид, скрежетал на него *зубы своими* (Пс.34:16), но Антоний, утешаемый Спасителем, пребывал невредимым от коварства и многообразных козней диавола. Так, в одну ночь, когда Антоний проводил время во бдении, враг посылает на него зверей. Все почти гиены, бывшие в этой пустыне, вышедши из нор, окружают его; Антоний стоял посреди их, и каждая зияла на него и угрожала ему угрызением. Уразумев в этом хитрость врага, он сказал гиенам: «Если имеете власть надо мною, то я готов быть пожран вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потому что я-раб Христов». Едва Антоний сказал это, гиены бежали, как бы гонимые бичом слова.

Однажды по просьбе монахов придти к ним и на время посетить их и место их жительства отправился он в путь вместе с пришедшими к нему монахами. Верблюд нес для них хлеба и воду, потому что пустыня эта безводна, и воды, годной к питию, вовсе нет в ней нигде, кроме той одной горы, на которой был монастырь Антониев, где и запаслись они водою. Когда же на пути вода у них истощилась, а зной был весьма сильный, тогда все были в опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не найдя воды, не в силах уже были продолжать пути, легли на земле и, отчаявшись в жизни своей, пустили верблюда идти, куда хочет. Старец видя, что все бедствуют, весьма опечалившись и воздохнув, отходит от них недалеко и, преклонив колена и воздев руки, начинает молиться; и Господь вскоре соделал, что потекла вода на том месте, где он стоял на молитве; и таким образом утолили все жажду и оживились, наполнили мехи водою и продолжали путь безбедно. Когда же Антоний дошел до первых на пути монастырей, все приветствовали его, смотрели на него, как на отца, а он, как бы принесся напутствие с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преспеянии и утешение взаимною друг друга верою. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков, и сестру, состарившуюся в девстве, и уже настоятельницу других девственников.

Через несколько дней опять ушел он на свою гору. И тогда стали уже приходить к нему многие, осмеливались даже приходить иные и страждущие. Всякому приходящему к нему иноку давал он постоянно такую заповедь: *«Веруй в Господа и люби Его, храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в Притчах, не прельщайся насыщением чрева (Притч. 24:15), бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы перед сном и после сна, тверди заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтобы памятующая заповеди душа твоя ревность святых имела для себя образцом»*. Особливо же советовал Антоний непрестанно размышлять об Апостольском изречении: *солнце да не зайдет во гневе вашем (Еф. 4:26)*, – и думать, что

сказано сие вообще относительно ко всякой заповеди, чтобы не заходило солнце не только в гневе, но и в другом грехе нашем. Пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и ночных своих поступках. И если согрешил, да перестанет грешить: если не согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре и не предаётся нерадению, и ближнего не осуждает, и себя не почитает праведным. *Дондеже*, как сказал блаженный Апостол Павел, *приидет Господь* (1Кор. 4:5), испытующий тайное. Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщать это друг другу, и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое.

Такие наставления давал Антоний приходящим; к страждущим же был сострадателен и молился вместе с ними. И Господь часто внимал молитвам его о многих.

Некто по имени Фронтон, из царедворцев, страдая жестокой болезнью, кусал себе язык и готов был лишиться себя зрения. Пришедши в гору, просил он Антония помолиться о нем. Антоний, помолившись, сказал Фронтоу: «Иди и исцелеешь». А когда больной упорствовал и оставался в монастыре несколько дней, Антоний стоял в своем слове, говоря: «Не можешь ты исцелиться, пока здесь; иди и, достигнув Египта, увидишь совершившееся на тебе знамение». Фронтон поверил, ушел, и, как скоро увидел Египет, болезнь его миновалась, и стал он здоров по слову Антония, как во время молитвы открыл ему Спаситель.

Еще однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сонм, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что сие значит. И вдруг приходит к нему глас: «Это душа Амуна, Нитрийского инок». Амун же до старости пребыл подвижником. А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшие с Антонием, видя дивящегося старца, пожелали знать причину и услышали, что скончался Амун; а он был известен им, потому что часто бывал

там и притом много совершенно было им знамений. Монахи, которым Антоний сказал о смерти Амуна, заметили день. И когда через тридцать дней пришли братья из Нитрии, спрашивают их и узнают, что Амун почил в тот самый день и час, в который старец видел возносимую душу его. Те и другие много дивились чистоте души у Антония и тому, как он совершившееся на расстоянии тринадцатидневного пути узнал в то же самое мгновение и видел возносимую душу.

Однажды комит Архелай, нашедши Антония на внешней горе, просит его только помолиться о Поликратии, чудной и христоносной девственнице в Лаодикии. Страдала же она от чрезвычайных подвигов жестокою болью в чреве и боку и вся изнемогла телесно. Антоний помолился; а комит заметил день, в который принесена была молитва, и, возвратясь в Лаодикию, находит девственницу здоровою. Спросив же, когда и в какой день освободилась от болезни, вынимает хартию, на которой записал время молитвы, и после ответа исцеленной сам в то же время показывает запись: и все удивились, узнав, что тогда Господь избавил ее от страданий, когда молился о ней и призывал на помощь Спасителю благодать Антоний.

Часто и об идущих к нему за несколько дней и даже за месяц предсказывал Антоний, по какой причине идут они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине болезни, а иные потому, что страдали от бесов. И трудность путешествия никто не почитал для себя бременем и не жалел о трудах, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонию подобное видение и рассказывал он о сем, всегда просил, чтобы никто не удивлялся ему в том, дивился же бы паче Господу, Который нам, человекам, даровал возможность познавать Его по мере сил наших.

Весьма многие из монахов согласно и одинаково рассказывали, что совершенно Антонием много и иного сему подобного. Но это еще не столько чудно, сколько пред всем иным наиболее чудным кажется следующее. Однажды пред вкушением пищи, около девятого часа, встав помолиться, Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего

удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя, и кто-то как бы возводит его но воздуху; в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. поскольку же путеводители Антониевы сопротивлялись им, то требуют они отчета, не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности пред ними, а поэтому хотят вести счет с самого его рождения: но путеводители Антониевы воспрепятствовали тому, говоря: «Что было от рождения его, то изгладил Господь; ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу». Тогда, поскольку обвинители не могли уличить его, свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается и входит сам в себя и снова делается прежним Антонием. В сие время, забыв о вкушении пищи, остаток дня и целую ночь проводит он в воздыханиях и молитве; ибо удивлялся, видя, с сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в сем именно смысле сказал Апостол: *по князю власти воздушные* (Еф.2:2). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, покушается преграждать им путь. Почему наипаче и советовал Апостол: *примите вся оружия Божия*, да можете противитися в день лют (Еф. 6:13).

Антоний имел еще и сие дарование. Во время пребывания своего на горе в уединении, если иногда, предложив сам себе какой-либо вопрос, приходил в недоумение, то по Божию промыслению во время молитвы бывало ему о том откровение, и блаженный, по написанному, *был научаем Богом* (Ис. 54:13). Так однажды вел он разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет ее местопребывание. В следующую ночь зовет его некто свыше, говоря: «Встань, Антоний, выйди и посмотри». Антоний выходит (ибо знал, кому должно повиноваться) и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, безобразный и страшный и касается главою облаков и что восходят еще некие как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки и одним преграждает путь, другие же перелетают чрез него и, миновав его, безбедно уже

возносятся вверх; на последних великан сей скрежещет зубами, о тех же, которые падают вниз, радуется. Вдруг Антонию говорит голос: «Уразумей видимое». Тогда отверзся ум его, и уразумел он, что это есть прехождение душ, что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпадших власти его удерживает и возбраняет им идти далее; но не может задержать не покорившихся ему, потому что они проходят выше его. Увидев сие и такое видение прияв как бы за напоминание себе, Антоний стал прилагать еще вящее старание, чтобы ежедневно преуспевать в прежних подвигах. Объявлял же он о таких видениях неохотно. Но поскольку бывшие с ним, когда видели, что он долее обыкновенного молится и представляется удивленным, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, то принужден бывал сказывать им как отец, который ничего не может скрыть от детей; притом рассуждал он, что совесть его останется чиста, а им рассказ его послужит на пользу, когда узнают, что подвижничество имеет благие плоды и что видения нередко бывают утешением в трудах.

Антоний был терпеливого нрава и имел смиренномудрое сердце. При всей духовной чистоте своей, чрезвычайно уважал церковное правило и всякому церковнослужителю готов был отдавать пред собою предпочтение. Не стыдился преклонять главу пред епископами и пресвитерами. Если когда приходил к нему какой диакон ради пользы своей, он предлагал ему слово на пользу, но совершение молитв предоставлял диакону, не стыдясь учиться и сам. Нередко предлагал вопросы и желал слушать пребывающих с ним; сознавался, что и сам получает пользу, если кто скажет что-либо полезное. И лице его имело великую и необычайную приятность. Приял же Антоний от Спасителя и сие дарование: если бывал он окружен множеством монахов, и кому-нибудь, не знавшему его прежде, желательно было видеть его, то желающий, миновав других, прямо подходил к Антонию, как бы привлекаемый взором его. От других же отличался Антоний не высотой и взрачностью, но благонравием и чистотою души. поскольку душа была безмятежна, то и внешние чувства оставались невозмущаемыми, а потому от душевной радости весело было

и лицо, и по движениям телесным можно было ощущать и уразумевать спокойствие души, согласно с написанным: *сердцу веселящуся, лице цветет, в печалех же сущу, сетует* (Притч. 15:13).

Весьма чуден был он по вере и благочестив. Никогда не имел общения с отщепенцами мелетианами, зная давнее их лукавство и отступничество; не беседовал дружески с манихеями или с другими еретиками, разве только для вразумления, чтобы обратились к благочестию. И сам так думал, и другим внушал, что дружба и беседа с еретиками – вред и гибель душе. Гнушался также и арианскою ересью и всякому давал заповедь не сближаться с арианами и не иметь их зловерия. Когда приходили к нему некоторые из ариан, то испытал и изведав, что они нечествуют, прогонял в горы, говоря, что речи их хуже змеиного яда.

Однажды ариане распустили ложный слух, будто и Антоний одинаковых с ними мыслей. Тогда вознегодовал он и раздражился против них; а потом по просьбе епископов и всей братии, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство есть последняя ересь и предтеча антихриста. Народ же учил, что «Сын Божий не тварь и не из несущих, но есть вечное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво говорить о Сыне: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому не имейте никакого общения с нечестивейшими арианами. Ибо нет никакого общения *свету ко тьме* (2Кор.6:14). Как вы, благочестиво верующие, именуетесь христианами, так они, именующие тварью сущего от Отца Божия Сына и Отчее Слово, ничем не отличаются от язычников, служа твари паче сотворшего Бога. Верьте же, что даже и вся тварь негодует на них за то, что Творца и Господа вселенной, *Имже вся быша*, сопричисляют к существам сотворенным». Весь народ радовался, слыша, что таким мужем анафематствуется христорборная ересь. Все жители города сбегались видеть Антония. Даже язычники и так называемые их жрецы приходили в храм Господень, говоря: «Желаем видеть человека Божия». Ибо так называли его все. И здесь Господь чрез него освободил многих от бесов и исцелил повредившихся в уме. Многие даже

из язычников желали хотя прикоснуться только к старцу в той уверенности, что получают от сего пользу. И действительно, в сии немногие дни столько обратилось в христианство, сколько в иные времена обращалось в продолжение года. Иные думали, что стечение народа беспокоит его, и потому отгоняли от него всех приходящих; но невозмущаемый ничем Антоний сказал: «Число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань в горе».

Когда же Антоний отходил и мы сопровождали его, тогда, как скоро дошли до городских ворот, одна женщина воскликнула позади нас: «Остановись, человек Божий! Дочь мою жестоко мучит бес. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мне, бежа за тобою, не потерпеть беды». Старец, услышав это и упрощенный нами, охотно остановился. И как скоро женщина приблизилась, дочь ее повергнута была на землю; но Антоний помолился и призвал имя Христово; тогда отроковица восстала здорово, потому что вышел из неё нечистый дух. Мать благословляла Бога, и все воздавали Ему благодарение. Сам же Антоний радовался, возвращаясь в гору, как в собственный свой дом.

Был же он весьма разумен, и что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостию и проницательностию ума. Однажды пришли к нему два языческие философы, думая, что могут искусить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал через переводчика: «Почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленного?» Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а, напротив того, весьма умный, тогда продолжал он: *«Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я, потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришел к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я, а я – христианин»*. Философы удалились с удивлением. Они видели, что и демоны боятся Антония. Когда еще встретились с ним на внешней горе иные подобные сим философам и думали осмеять его в том, что не учился он грамоте, тогда Антоний спрашивает их: «Как скажете:

что первоначальнее: ум, или письмена? И что чему причиною: ум ли письменам или письмена уму?» поскольку же ответили они: ум первоначальнее, и он изобретатель письмен, то Антоний сказал: «Поэтому, в ком здоровый ум, тому не нужны письмена». Ответ сей поразил и философов и всех бывших при сем, и они ушли, дивясь, что в неученом нашли такую проницательность. Ибо Антоний не грубый имел нрав, как возросший и состарившийся на горе, а, напротив того, был приятен и обходителен. Слово его растворено было Божественною солью, а потому никто не имел к нему ненависти, все же приходившие к нему паче о нем радовались.

И действительно, когда после сего пришло к нему еще несколько человек язычников, почитавшихся мудрецами, и потребовали у него слова о вере нашей во Христа, имели же намерение войти в рассуждение о проповеди Божественного креста, чтобы посмеяться, тогда Антоний, помолчав немного и сперва пожалев о их невежестве, сказал им чрез переводчика, верно передававшего слова его: *"Что лучше, исповедывать ли крест, или так называемым у вас богам приписывать блудодеяния и детораствление? А если говорить о кресте, что признаете лучшим: претерпеть ли крест по злоумышлению людей лукавых и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти или слагать басни о странствиях Озириса и Изиды, о кознях Тифона, о бегстве Крона, о поглощении детей и об отцеубийствах? Ибо это – ваши мудрования. Почему же, посмеываясь кресту, не удивляетесь воскресению? Ибо сказавшие одно написали и другое. Или почему, упоминая о кресте, умалчиваете о воскрешенных мертвецах, о прозревших слепцах, об исцеленных расслабленных, об очищенных прокаженных, о хождении по морю и других знамениях и чудесах, показывающих, что Христос не человек, но Бог? Мне кажется, что вы весьма несправедливы сами к себе и не читали с искренним расположением наших Писаний. Прочтите же, и увидите: дела, совершенные Христом, доказывают, что Он Бог, пришедший для спасения человеков*".

Поелику же они были в недоумении и обращались туда и сюда, то Антоний, улыбнувшись, сказал еще чрез переводчика:

«Хотя с первого взгляда видно сие само собою, однако же, поскольку опираетесь вы более на доказательство из разума и, владея сим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума, то скажите мне прежде всего, каким образом приобретается точное познание о вещах и преимущественно ведение о Боге – посредством ли доказательств от разума или посредством действенности веры? И что первоначальнее: действенная ли вера или разумное доказательство?» Когда же ответили они, что действенная вера первоначальнее и что она есть точное ведение, тогда сказал Антоний: «Хорошо говорите вы. Вера происходит от душевного расположения, а диалектика от искусства ее составителей. Поэтому в ком есть действенность веры, для того не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо что уразумевает мы верую, то вы пытаетесь утверждать из разума и часто бываете не в состоянии выразить то словом, что мы разумеет ясно; а посему действенность веры лучше и тверже ваших великомудрых умозаключений. Итак, у нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом. И истинно слово мое; ибо вот ныне мы, не учившись письменам, веруем в Бога, из творений познавая Его о всем промыслении. И действенна вера наша; ибо вот ныне мы утверждаемся на вере во Христа, а вы на велемудрых словопрениях, и ваши идолы не чудодействуют более, а наша вера распространяется повсюду; и вы своими умозаключениями и своим велемудрием никого не совращаете из христианства в язычество, а мы, уча вере во Христа, отвращаем людей от вашего суеверия, потому что все признают Христа Богом и Сыном Божиим; вы своим красноречием не можете положить преград учению Христову, а мы именем Христа распятого прогоняем всех демонов, которых страшитесь вы как богов, и где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство. И то еще удивительно, что ваша вера никогда не была гонима, но чествуется людьми в городах; исповедники же Христовы гонимы, и однако же наша вера паче вашей цветет и распространяется. И ваша вера, хвалимая и

прославляемая, гибнет, а вера христианская и учение Христово, вами осмеиваемые и часто гонимые царями, наполнили собою вселенную. Ибо когда просияло так Боговедение? Или когда появились в такой силе целомудрие и добродетель девства? И когда люди в такой мере стали презирать смерть? Не со времени ли креста Христова? Никто не усумнится в том, видя мучеников, ради Христа презирающих смерть, видя дев церковных, ради Христа сохраняющих тела свои чистыми и неоскверненными. И сих доводов достаточно в доказательство, что вера Христова есть единое истинное богочестие. Доныне еще нет веры у вас, ищущих доказательств от разума. А мы, как сказал учитель наш, *не в препретелных языческих премудрости словесех* (1Кор. 2:4) ищем доказательств, но ясно убеждаем верою, предваряющею построения разума. Вот и здесь находятся страждущие от демонов» (в числе пришедших к Антонию были и мучимые бесами). И Антоний, изведя их на средину, сказал: «Или вы своими умозаключениями и каким угодно искусством и чародейством, призвав идолов ваших, изгоните из них бесов, или, если не можете, перестаньте препираться с нами и увидите силу креста Христова». Сказав сие, призвал он имя Христово, в другой и в третий раз запечатлел страждущих крестным знамением, и вдруг они избавились от страданий, стали здравы умом и возблагодарили наконец Господа. А так называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразумие Антония и совершенное им чудо. Антоний же сказал им: «Что дивитесь сему? Не мы делаем это, творит же сие Христос чрез верующих в Него. Посему и вы уверуйте; тогда увидите, что у нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенною ко Христу любовью. Если бы и вы имели веру сию, то не стали бы искать доказательств от разума, но почли бы достаточною для себя веру во Христа». Так говорил Антоний. Они же с удивлением удалялись, лобзая Антония и сознаваясь, что приобрели от него пользу.

Слух об Антонии дошел и до царей. Константин Август и сыновья его Констанций и Констанс Августы по слуху сему писали к нему, как отцу, и желали получить от него ответ. Но для

Антония немного значили и царския письма, не восхитился он сими посланиями, но пребыл таким же, каким был и прежде, нежели писали к нему цари. А когда принесли ему сии послания, созвал он монахов и сказал: «Не дивитесь, если пишет к нам царь, потому что и он человек; но дивитесь паче тому, что Бог написал людям закон и глаголал к ним чрез собственного Сына Своего». Поэтому думал он не принять писем, говоря: *"Не умею отвечать на подобные писания"*. Но монахи представляли, что цари сии суть христиане и могут соблазниться, если письма будут отринуты; посему дозволил прочесть и отвечал на сии послания, восхваляя царей за то, что покланяются Христу, и дал им спасительные советы не высоко ценить настоящее, но памятовать паче о будущем суде и ведать, что Христос есть единый истинный и вечный Царь; просил также царей быть человеколюбивыми, заботиться о правде и о нищих. И они с радостью приняли ответ. Так был он возлюблен всеми, так все желали иметь его отцем.

Сделавшись уже столько известным, и после того, как давал такие ответы приходившим, снова возвратился он во внутреннюю гору и проводил время в обычных своих подвигах. Нередко, сидя или ходя с пришедшими к нему, бывал в ужасе, как пишется о Данииле (Дан.4:16), и по прошествии некоторого времени продолжал беседу свою с бывшими при нем братьями. И они догадывались, что Антонию было какое-либо видение. Ибо нередко, пребывая в горе, видел он, что делалось в Египте, и пересказывал сие епископу Серапиону, который тогда был при Антонии и примечал, что Антонию было видение. Однажды, сидя и занимаясь рукодельем, Антоний пришел как бы в восхищение и во время видения сильно вздыхал. Потом, чрез несколько времени обратясь к бывшим при нем, воздохнул и, трепеща всем телом, начал молиться, преклонив колена, и долго оставался в таком положении. Встав же, старец стал плакать. Поэтому бывшие при нем, приведенные в трепет и великий страх, изъявили желание узнать его видение и долго утруждали его просьбами, пока не вынудили сказать. И сильно воздохнув, произнес он: *«Лучше, дети, умереть, пока не исполнилось видение»*. поскольку же они снова стали

упрашивать, то, залившись слезами, сказал: *«Гнев постигнет Церковь, будет она предана людям, которые подобны скотам бессловесным. Ибо видел я трапезу храма Господня и кругом ее отовсюду стоящих мсков, которые бьют в нее ногами, как обыкновенно делают бесчинно прыгающие и лежащиеся скоты. Конечно, вы заметили, продолжал он, как воздыхал я; ибо слышал голос, говорящий: осквернен будет жертвенник Мой».* Такое видение было старцу. И чрез два года открылось у нас нынешнее нашествие ариан и расхищение церквей, когда ариане, с насилием похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычников, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти в собрания ариан, где они в присутствии язычников делали на святых трапезах, что хотели. Тогда-то все мы поняли, что ляганием мсков предуказано было Антонию то именно, что теперь, как скоты, неразумно делают ариане. После же того, как было Антонию сие видение, утешал он бывших при нем, говоря: *«Не унывайте, дети; как прогневался Господь, так и исцелит опять. И Церковь вскоре восприимет снова благолепие свое и обычную ей светозарность. Тогда увидите, что гонимые будут восставлены, нечестие снова удалится в норы свои, а благочестивая вера повсюду возвещаемая будет со всею свободою. Не оскверняйте только себя с арианами, потому что не Апостольское это учение, но бесовское, ведет начало от отца их дьявола и, лучше сказать, так же бесплодно, неразумно, лишено правого смысла, как и бессловесные мски».*

Таковы-то Антониевы деяния, и не должно повергать нас в неверие то, что столько чудес произведено человеком. Ибо Спаситель дал обетование, говоря: *аще имате веру яко зёрно горушно, речете горе сей: прейди отсюда тамо, и прейдет, и ничтоже невозможно будет вам (Мф.17:20);* и еще *аминь, аминь глаголю вам, аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Просите и приимете (Ин.16:23–24).* Сам Господь говорит ученикам и всем верующим в Него: *болящие исцеляйте, бесы изгоняйте. Туне приясте, туне дадите (Мф.10:8).*

Антоний исцелял не повелительным словом, но молитвою и призыванием имени Христова, желая для всех соделать явственным, что творит сие не он, но Господь чрез Антония являет Свое человеколюбие и исцеляет страждущих; Антонию же принадлежат только молитва и подвиги, ради которых, пребывая в горе, утешаем он был Божественными видениями. Он скорбел, что многие беспокоят и принуждают его оставлять гору.

Однажды, когда сильно побуждали его сойти с горы имеющие в нем нужду и долго просил о том один военачальник, Антоний пришел и, кратко побеседовав о том, что служит ко спасению, и о потребностях нуждающихся, спешил идти назад. поскольку же упомянутый военачальник стал просить, чтобы помедлил, сказал он, что не может долее оставаться с ними и убедил в этом военачальника таким остроумным сравнением: «Как рыбы, оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому как рыбе должно спешить в море, так нам в гору, чтобы, промедлив у вас, не забыть того, что внутри». Военачальник, выслушав от него это и многое другое, в удивлении сказал: «Подлинно он Божий раб. Ибо откуда у человека некнижного быть такому великому уму, если бы не был он возлюблен Богом?»

Один же военачальник по имени Валакий немилосердно гнал нас, христиан, из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов. Антоний посылает к нему и пишет письмо в таком смысле: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан; иначе гнев постигнет тебя. Ибо он готов уже поразить тебя». Валакий, рассмеявшись, бросил письмо на землю и оплевал оное, принесшим же нанес оскорбление и велел сказать Антонию следующее: «Поелику заботишься о монахах, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, как постиг его гнев Божий. Валакий с Несторием, епархом Египетским, отправился на первый ночлег от Александрии, именуемый Хереус; оба ехали на конях, принадлежавших Валакию, и кони сии были смирнее всех, каких только держал он у себя. Не успели добраться до

места, как начали кони по обычаю играть между собою, и самый смиренный из них, на котором ехал Несторий, вдруг начал кусать Валакия и до того зубами изгрыз ногу его, что немедленно отнесли его в город, а на третий день он умер. Тогда все удивились, что так скоро исполнилось Антониево предсказание.

Так вразумлял Антоний людей жестокосердых, других же, приходивших к нему, приводил в такое умиление, что немедленно забывали они о делах судебных и начинали ублажать отрেকшихся от мирской жизни. За обиженных же Антоний предстательствовал с такою силою, что можно было подумать, будто бы терпит обиду сам он, а не другой кто. Притом в такой мере умел он говорить на пользу каждому, что многие из людей военных и имеющих большой достаток слагали с себя житейские тяготы и делались наконец монахами. Одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту.

Приходили к нему и из чужих земель и, вместе со всеми получив пользу, возвращались, как бы расставаясь с отцом. И теперь по его успению все, став, как сироты после отца, утешаются одним воспоминанием о нем, храня в сердце его наставления и увещания.

А каков был конец жизни его, сие достойно того, чтобы и мне напомнить, и вам выслушать с любовью, потому что и в этом должно соревновать ему. Посещал он по обычаю монахов, живущих на внешней горе, и предуведомленный Промыслом о кончине своей, сказал братии так: *«Последнее* это мое посещение вам; и удивительно будет, если удивимся еще в жизни сей. И мне время уже разрешиться, потому что близ ста пяти лет имею себе от роду». Братия, слыша сие, плакали, обнимали и лобызали старца. А он, как бы из чужого города возвращаясь в свой, беседовал с ними весело и заповедал им трудиться неленостно и не унывать в подвиге, но жить, как бы ежедневно умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою от нечистых помыслов, соревновать святым, не сближаться с отщепенцами мелетианами, зная лукавое и мерзкое их произволение, не иметь никакого общения с арианами, потому что их нечестие всякому явно: *«И если видите, что им покровительствуют судии, не смущайтесь,*

потому что лжемудрие их прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему храните себя паче чистыми от оного, соблюдайте предание отцов, предпочтительно же всему благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились вы из Писания и о какой часто напоминал я вам».

Когда же братья неотступно стали просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на сие по многим причинам, какие даже умалчивая о них, давал однако же выразуметь, так особенно по следующей. Египтяне имеют обычай хотя совершать чин погребения над телами скончавшихся уважаемых ими людей и особенно святых мучеников и обвивать их пеленами, но не предавать их земле, а возлагать на ложах и хоронить у себя в домах, думая, что сим воздают чествование отшедшим. Антоний многократно просил епископов запретить сие мирянам, также и сам убеждал мирян и делал выговоры женщинам, говоря: «ннЗаконно сие и вовсе не благочестно. Ибо тела патриархов и пророков доныне хранятся в гробницах, и самое тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день». Говоря же сие, показывал он, что незаконно поступает, кто тела скончавшихся, даже и святые, не предает по смерти земле. Ибо что́ досточестнее и святее Господня тела? Посему многие, выслушав это, стали потом тела умерших предавать земле и, научившись у Антония, благодарили за сие Господа.

Антоний же, зная сей обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, простившись с монахами, пребывавшими на внешней горе, поспешил отшествием и, пришедши во внутреннюю гору, где обыкновенно пребывал, чрез несколько месяцев впал в болезнь. Тогда, призвав бывших при нем (было же их двое; они жили с ним на внутренней горе, подвизаясь уже пятнадцать лет и прислуживая Антонию по причине старости его), сказал им: «Аз, как написано, *отхожду в путь отцов* (Нав.23:14). Ибо вижу, что зовет меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолетних ваших подвигов, но как начали теперь, так и старайтесь соблюсти свое усердие. Знаете злокозненность демонов, знаете, как они жестоки, но немощны в силах. Поэтому не бойтесь их, но паче укрепляйтесь

всегда о Христе и веруйте в Него; живите, как бы ежедневно умирая; будьте внимательны к себе самим; помните наставления, какие слышали от меня. И если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то предайте тело мое погребению и скройте под землю. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних, потому что в воскресение мертвых прииму оное от Спасителя нетленным. Разделите одежды мои: епископу Афанасию отдайте одну милоть и подостланную подо мною одежду; она им мне дана новая и у меня обветшала; а епископу Серапиону отдайте другую милоть; власяницу возьмите себе. Прощайте, чада; Антоний преселяется, и не будет его более с вами!» Сказав это, когда облобызали его бывшие при нем, Антоний протянул ноги и, как бы видя пришедших к нему друзей и обрадованный прибытием их (ибо возлежал с веселым лицом), скончался и приложился к отцам. Они же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали оное земле, и, кроме их двоих, доныне никто не знает, где оно погребено.

Таков был конец Антониевой жизни в теле и таково начало его подвижничества. И хотя повествование сие малозначительно в сравнении с Антониевыми добродетелями, однако же и из сего заключайте, каков был Божий человек Антоний. С юных лет и до такого возраста соблюдавший равное усердие к подвижничеству, ни по старости не обольщавшийся дорогими снедями, ни по немощи тела своего не изменявший вида своей одежды, или даже не обмывавший ног водою, ни в чем однако же не потерпел он вреда. Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабли они в деснах от преклонных лет старца. Здоров он был руками и ногами. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого, пользующегося разнообразными снедями, омовениями и различными одеждami. А что всюду говорили о нем, все удивлялись ему, даже не видавшие любили его, это служит доказательством его добродетели и боголюбивой души. Ибо не сочинениями и внешнею мудростью, не искусством каким, но единым богочестием стал известен

Антоний. И никто не станет отрицать, что это был Божий дар. Ибо как в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если бы не Бог содействовал повсюду известными рабов Своих, что и Антонию обещал Он еще вначале? Хотя сами они делают все тайно и желают быть сокрытыми, но Господь делает их видимыми для всех, подобно светильникам, чтобы, слыша о них, знали, как могут заповеди приводить к преспеянию, и возревновали идти путем добродетели.

Поэтому прочтите сие жизнеописание и другим братьям; пусть узнают, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убедятся, что Господь и Спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих Его, и служащих Ему до конца не только вводит в Небесное Царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, содействует повсюду известными и славными, ради добродетели их и ради пользы других. Если же потребует нужда, прочтите сие и язычникам; пусть и они таким образом познают, что не только Господь наш Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, но и искренне служащие Ему и благочестиво верующие в Него христиане тех самых бесов, которых язычники почитают богами, не только изобличают, что они не боги, но их, как обольстителей и растлителей человека, попирают и прогоняют о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

Примечания

¹ - См. «О заслугах святого Афанасия для Церкви в борьбе с арианством», соч. бакалавра С. -Петерб. дух. акад. магистр. Е. Ловягина, 1850 г., стр. 1–4.

² - См. Приложение 1-е.

³ - Сочинение это представляет одну из ранних попыток изложения этой важнейшей христианской истины в философско-религиозной форме и обнаруживает в авторе вместе с ясностью представления средоточной важности учения о Божественном достоинстве лица Христа пламенную силу убеждения в нем. См. Приложение 2-е.

⁴ - См. Прибавл. к Церковн. Ведом. 1890 года, № 4: Св. Афанасий Великий, архиеп. Александрийский.

⁵ - Желая иметь более обстоятельные сведения о жизни и деятельности св. Афанасия можно рекомендовать статьи прот. А. В. Горского в Прибавл. к твор. Св. Отец, издав, при Моск, дух академии 1851 г., а также соч. Фаррара «Жизнь и труды свв. отцов и учителей Церкви», пер. Лопухина, С. -Петерб. 1891 года, и капитальное сочинение професс. Ловягина «О заслугах св. Афанасия Великого для Церкви в борьбе с арианством», Спб. 1850 года.

⁶ - Из сего очевидно, что св. Афанасий или твердо воспринял то, о чем учил, или он столь часто учил тому, о чем писал, что у него, несмотря на неудобство места составления многих творений, нет ни в чем противоречия или несогласия с собою а, напротив, везде неподражаемая сила слова и увлекательность.

⁷ - Это одно из самых ранних произведений святого Афанасия Великого, и однако оно в высшей степени глубокомысленно и весьма содержательно. После краткого предисловия он входит в довольно подробное рассмотрение язычества и показывает его лживость и душепагубность, как в неточном злом его начале (подчинении злым чувственным стремлениям к удовольствию), так и в нравственно-пагубных последствиях. Существенное содержание языческих верований

и нелепость идолопоклонства изобличаются с многообразных сторон, при чем обращено особенное внимание на разные доводы, которые приводились в пользу языческих верований в то время, из коих, впрочем, некоторые не лишены интереса и теперь, как, например, происхождение всего из материальных частей. Далее сообщается положительное учение о Творце, Промыслителе мира и Спасителе, чему предшествуют довольно подробные замечания о душе, как первоисточнике богопознания и бессмертной жизни в Боге. При сем достойно внимания то, что учением о благоустроенности вселенной святой Афанасий пользуется для опровержения многобожия, а при изложении учения о творении он весьма обстоятельно излагает участие в творении Сына Божия и определяет Его вечное отношение к Отцу. Таким образом, первое произведение святого Афанасия было как бы введением в то специальное его учение о Слове, которому он потом посвятил несколько своих дальнейших сочинений, направленных против ариан.

⁸ - По учению Зинона и Стоиков как Бог называется семеноносным словом (6 Хоуо; з-ератти-ло;), так и начала всех сотворенных вещей, вложенные в них Богом, именуются семеноносными же словами (ои «.6701 а-Е^ихгии.ои).

⁹ - В «Третьем слове против ариан» св. Афанасий показывает единство сущности Божественной в Отце и Сыне, основывая это учение на словах Самого Иисуса Христа (Ин.10:30–38;14:9). Потом он решает возражения ариан против единения Отца и Сына по сущности их. Так как в этом «Слове...» имеются в виду почти все возражения ариан, то его можно назвать последним или полнейшим выражением богословствующего ума св. Афанасия в защиту божественного достоинства Иисуса Христа. В особенности же достойно внимания то, что св. Афанасий обстоятельно раскрывает учение о божестве и человечестве Иисуса Христа, подробно рассматривая при этом места Св. Писания, в которых изображаются действия человеческой и божеской природы Иисуса Христа с опровержением арианских опытов толкования этих мест. Сущность этого учения о Слове заключается в следующих словах: «Во 1-х, Он всегда был Богом, и есть Сын,

будучи Словом, сиянием и Премудростию Отца; и во 2-х, Он, для нас восприявши плоть от Девы Марии, соделался человеком».

¹⁰ - Аруря – Египетская мера земли во сто лактей.